

Кристина Рой

Пробуждение



СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Перевод с немецкого

Kristina Roy
«Heimgefunden»

К. Рой

Пробуждение

Пер. с нем. — Корнталь: «Свет на Востоке», 1999. — 400 с.

Перевела с немецкого Луиза Герман
Редактор Л. Михайлова
Корректор М. Романова
Художник О. Зверева
Компьютерная верстка А. Кодака

© Русское издание:
«Свет на Востоке», 1999

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Наше издательство «Свет на Востоке» продолжает публикацию произведений словацкой писательницы Кристины Рой (1860 — 1937). Сегодня читательский спрос на христианскую художественную литературу весьма велик, поэтому мы подготовили к изданию новую серию из восьми книг, среди которых есть и автобиография под названием «И стал Свет». Надеемся на то, что читатель, уже знакомый с некоторыми произведениями К. Рой, с теплотой воспримет и эти работы, впервые издаваемые на русском языке.

ДОРОГА В НЕБО

Когда читаешь рассказы К. Рой, попадаешь под обаяние ее искренности. В своей писательской манере она многое переняла от проповедей Христа: афоризмы, вопросы, логические доводы, традиционные формы священной библейской поэзии, притчи. Ее афоризмы звучат мягко, они как будто окутаны дымкой печали («Ах, в мире нет блаженства без примеси горечи»; «Иногда дни летят, как мысли, а недели — как сон»; «Настоящая любовь уходит с нами в вечность»), а рассуждения героев логичны и полны житейской мудрости.

Несмотря на то, что писательский стиль К. Рой формировался под влиянием романтизма, в ее книгах описывается повседневная жизнь простых людей. Герои выращивают и собирают урожай, косят траву, пасут скот, ходят в лес за грибами и ягодами, плотничают, ведут домашнее хозяйство, занимаются рукоделием, нанимают работников и сами работают в кузницах и на мельницах. Но главное, что находится в центре внимания писательницы, — это внутренний мир ее героев. Она умеет посвятить нас в тайны их души, и мы знаем, о чем они думают, что чувствуют, о чем говорят в

молитвах. Религиозности, подчиненной обычаю, К. Рой всегда предпочитает искреннюю беседу с Богом, когда открывается все, что лежит на сердце. Ее герои молятся простыми словами, с любовью и доверием, слова иногда переходят в стихи, ярче всего отражающие их переживания.

Библейская притча — органичная часть многих рассказов К. Рой. Притча о заблудшей овце, включенная в такие произведения, как «Счастье», «Три друга», заостряет наше внимание на отношении Бога к отдельно взятому человеку. Характер этих отношений проиллюстрирован в рассказе «Без Бога на свете», где овечки являются объектом особой любви и постоянной заботы главного героя — мальчика Мартынка, сироты, пастушка «с красивым загорелым лицом и большими темными глазами», а сам он оказывается «овечкой», найденной Пастырем Иисусом. «Одно нехорошо, — говорит Мартынка женщинам перед своей смертью, — жил я на земле без Бога, а вы ничего не рассказывали мне о Нем...» По глубокому убеждению писательницы, жить без Бога — большой грех. Поэтому жизнь ее маленького героя, узнавшего о Христе, превращается в одно постоянное ожидание Его прихода. Смерть для Мартынка — это последняя ступенька к Богу. В конце рассказа не говорится, что мальчик умер. «Он ушел в тот далекий

край, о котором мечтал на земле. Он нашел Бога, и Бог нашел его».

Дети — любимые герои К. Рой. Она хорошо понимает, что имел в виду Спаситель, когда говорил ученикам: «Будьте, как дети». Открытость и доверчивость детской души есть образ доверия человека своему Небесному Отцу. Доверие ее маленьких героев Богу и верность Ему беспредельны. Поэтому в рассказах писательницы дети — цельные личности.

События рассказа «Мальчик-рыбак из Галилеи» переносят нас во времена последних лет правления царя Ирода. Два старших друга маленького Ионафана — Манассия и старик Иаков — понимают слабость своей веры, когда видят, как горячо верит Ионафан в то, что Сын Божий не был убит в Вифлееме.

Христос говорит: «Не бойся, только веруй». Но страх пережить разочарование останавливает старого Иакова, а Манассию сдерживает клятва верности, данная Иоанну Крестителю. И только сердце мальчика-рыбака сразу и навсегда принимает Христа. В конце рассказа, когда Ионафан приносит Иисусу «дар детской любви» — хлеба и рыбки, совершается самое важное событие в его жизни: он встречает долгожданного Мессию.

В основе рассказа «С ним был Бог» лежит библейская история об Иосифе и его братьях. Раз-

мышления писательницы о преобразении главного героя становятся особенно волнующими, когда она говорит о результате внутренней борьбы в Иосифе и его отказе от «ветхого человека» в себе. Иосиф произносит слова: «Да будет воля Твоя!». «И на этом Бог завершил его воспитание», — пишет К. Рой. Она не скрывает, как труден отказ от себя даже во имя Бога, даже ради обретения себя в Боге в более высоком качестве. Иначе, по мнению писательницы, и не может быть. Ведь зло живет в самом человеке: воля к господству, подавлению и насилию дремлет на дне души, готовая в любой миг вырваться наружу.

Все творчество К. Рой наполнено ее желанием помочь нам избавиться от нравственной слепоты. На страницах рассказа «С ним был Бог» писательница вступает в очень личную и откровенную беседу с читателем, с «дорогой душой», обнажая глубокий смысл происходящего, заглядывая в будущее и предостерегая от непоправимых ошибок.

Труден путь заблудшего человека к Богу. И, усиливая эту мысль, герои К. Рой странствуют, скитаются, страдают от непонимания и одиночества. Писательница переживает за них, заставляя переживать и нас, переживать не только и не столько за литературный персонаж, но за каждого человека, отвернувшегося от Бога и потерявшего дорогу к своей Небесной родине.

Пробуждение

Творчество К. Рой оптимистично. Герои ее рассказов обычно находят Бога, как нашла Его и сама писательница. С тех пор ее жизнь и творчество посвящаются Тому, Кто взял на себя ее грех, подарив прощение и вечную жизнь. «Жить для Иисуса, с Ним умирать» — и сегодня мы поем ее гимн, наполняющий наши сердца утешением и желанием трудиться для Него, как трудилась К. Рой.

Татьяна Лимаренко

*ПРИНЯТЫЕ В КНИГЕ
СОКРАЩЕНИЯ*

Пс. — Псалтирь

Прит. — Книга Притчей Соломоновых

Ис. — Книга пророка Исаии

Мф. — Евангелие от Матфея

Лк. — Евангелие от Луки

Ин. — Евангелие от Иоанна

Иак. — Соборное послание Иакова

Рим. — Послание римлянам

1Кор. — Первое послание коринфянам

Гал. — Послание галатам

Еф. — Послание ефесянам

Отк. — Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис)

Глава 1

Торжественно, плавно и печально плыл вечерний звон колоколов над тихой деревушкой, расположившейся среди цветущих садов сказочной красоты.

Был субботний вечер. Из углового дома, огороженного высоким забором, вышли две женщины с серпами и мешками для травы. По-видимому, они торопились заготовить на воскресенье еще немного зеленого корма для скота. Бодро шагая, женщины завернули за угол и пошли вдоль соседского дома, мимо широко раскрытых ворот, через которые можно было видеть большой двор с хозяйственными постройками. У амбара сидел мужчина и точил косу. Старшая из проходивших женщин поздоровалась с ним.

— Добрый вечер, Матьяс, уже готовишься к понедельнику?

Он поднял голову, поблагодарил за приветствие и утвердительно ответил на вопрос. Женщины пошли дальше.

— Тетя, — спросила женщина помоложе, когда они прошли, — почему вы этого соседа всегда так сердечно приветствуете? Он ваш родственник?



Она повернулась и посмотрела на мужчину, который как раз встал и, облокотившись на косу, смотрел им вслед. Он, конечно, стоял того, чтобы заходящее солнце его освещало! Высокий, стройный, он стоял, как одинокое дерево в лесу. Всмотревшись в его лицо, молодая женщина вдруг почувствовала сострадание к нему и невольно вспомнила песню:

*Солнце садится за вершину горы,
Так и не увидев у нас счастья...*

Этому человеку было едва за сорок, и белокурые волосы еще вились над его светлым лбом. На лице лежала печать мира, того состояния, когда душевные бури уже далеко позади, но скорбный жизненный опыт оставил на его лице также и неизгладимый печальный след: губы были сомкнуты, а запавшие синие глаза смотрели устало и отрешенно.

— Нет, Дора, он не из нашей семьи, — ответила женщина постарше, оборачиваясь, — но мы вместе росли. Матьяс Янковский только на четыре года старше меня. Наши дома и сады стоят совсем рядом; детьми мы играли вместе, потом вместе ходили в школу, и не раз он переносил меня на руках во время гололедицы, чтобы я не упала. Люди думали, что из нас когда-нибудь получится славная пара... и его мать этого желала. Но именно из-за нее-то я и не хотела тогда идти в их дом, хотя парень мне очень нравился. Да, хороший сосед — что близкий родственник, и соседские дети — что братья и сестры.

Но, как говорится, от судьбы своей не уйдешь. Пока Матьяс был на военной службе, вернулся, отслужив, твой дядя, Мартын Уже-ров, — он нам приходится дальним родственником. Мои родители тогда уже нуждались в помощи, а рассчитывать они могли только на меня и брата Егора. Жена Егора умерла, оставив двух малых детей. Брат же был такой болезненный, что с трудом обрабатывал свой надел. Одним словом, моим родителям срочно нужен был зять. Мы с Мартыном нравились друг другу, и вскоре была сыграна свадьба. Люди говорили, что мы хорошая пара. Когда вернулся Матьяс, он порадовался за нас, как брат, и со-

общил мне по секрету, что у него тоже есть невеста на той стороне Вага. Сказал, что она сирота и с девяти лет воспитывается у своей крестной матери, бездетной вдовы. Я спросила Матьяса, красивая ли у него невеста, и он указал на яблоню, которая в это время стояла вся в цвету: «Моя Марийка как этот яблоневый цвет». И она действительно была такой. В этом убедилась вся деревня, когда он через несколько недель привел жену в свой дом. Вот уж ладная пара была: он — молодой красавец, всеми любимый, потому что помогал каждому, чем только мог, и к тому же — отличный хозяин, а рядом с ним — она, прелестная, как цветок. Но все же моя мать и другие женщины жалели молодницу, говоря, что несладкая жизнь ее ожидает у такой свекрови, как мать Матьяса.

Первые месяцы прошли благополучно. Старая Янковская гордилась богатым приданым, которое дали за невестой. Она хвалилась соседям, что у Анны Скале, крестной матери Марийки, хороший дом и много земли и что все это унаследует Марийка, потому что крестная любит ее, как родное дитя, и дорожит ею как зеницей ока.

Но вдруг в один прекрасный день стало известно, что Анна Скале выходит замуж! Вот уж все удивились, вот уж разговоры пошли по де-

ревне! Матьяс и Марийка отправились на свадьбу, а старуха осталась дома словно громом пораженная. Она была несносной гордячкой, и люди считали, что это справедливое наказание за ее хвастливые речи. Матьяс же был не корыстолюбив, и брак тещи не беспокоил его. Моя мать спросила его тогда, почему это Анна Скале на старости лет замуж выходит. Матьяс же ответил, что она женщина во цвете лет, а вышла за бездетного вдовца, своего очень дальнего родственника. У них было общее наследство. Раздел имущества предстоял долгий и трудный, судиться они не хотели, и теперь, когда они поженились, дело разрешилось мирным путем и оба успокоились. Он — пожилой добрый человек, по крайней мере, они будут друг о друге заботиться. Матьяс был рад за них, а еще больше — его Марийка, ведь теперь крестная не так одинока была.

Однако с того дня старая Янковская смотреть не хотела больше на свою сноху, и, раздраженная пересудами женщин, прокляла свою сватью вместе с Марийкой, но больше всего она была сердита на сына — за то, что он был таким дураком и связал себе руки женитьбой «на этой нищенке». Ругани ее не было конца, и Матьяс, желая успокоить мать, на деньги, полученные за Марийкой, купил пару лошадей, чтобы возить



бревна из леса на фабрику. За это хорошо платили, и старуха успокоилась, так как Матьяс отдавал ей все, что зарабатывал, а она клала деньги в банк на свой счет. Сыну же приходилось разрываться на части: хозяйство и работа на стороне выматывали все силы. Так как Матьяс постоянно отсутствовал, вся работа легла на плечи женщин. Марийка трудилась за двоих, чтобы угодить свекрови. Она была молодая, нежная и к такой тяжелой работе не приучена. У своей приемной матери она только занималась домашним хозяйством, а здесь ей приходилось надрываться изо всех сил. К тому же старуха, когда сына не было дома, плохо готовила, и они питались в основном картофелем, хлебом и молоком.

Мы встречались с ней каждый день и разговаривали у колодца, но Марийка никогда ни единым словом не упрекнула свекровь. Я часто просила Мартына помочь ей поднять ведро с водой из колодца — нелегкое это дело, а ей нужно было напоить стольких животных!

Из-за жадности старухи бедный Матьяс мучился на своей работе, а Марийка — дома, хотя и не нуждались они: единственная сестра Ма-

тьяса давно была замужем и свою долю наследства получила полностью, а имущество у них было такое же, как наше.

Поверь мне, я не могла больше молча смотреть, как старуха гоняла Марийку с одной работы на другую. Однажды, когда Матьяс пришел к нам взять на время косу, я ему рассказала, как живет его бедной жене у свекрови в его отсутствие: старуха не нанимает поденщиков и ругает Марийку, когда та не справляется с работой, и так с раннего утра до поздней ночи, в воскресенье и в будни. Подошла моя мать и еще добавила: рассказала, что свекровь снохе даже досыта есть не дает.

— Какая польза, сынок, будет тебе от денег, — сказала она ему, — если дашь замучить жену? Она не жалуется ни тебе, ни другим, но мы и так все видим. Ты, Матьяс, лучше заботься о своем хозяйстве, чтобы однажды тебе не пришлось пожалеть о том, что для тебя деньги стали дороже твоей красивой милой жены!

Бедный Матьяс! Каким печальным ушел он от нас!

— Тетя Сусанна, а помогло это? — прервала молодая женщина молчание, шагая



по луговой тропинке. — Перестал он возить лес?

— Не сразу. У Матьяса был контракт, и он не мог нарушить его; а когда время договора прошло, было поздно.

— Поздно? Как это? Ах, тетя, давайте присядем, отдохнем немного, а потом побыстрее станем косить. До того как пастух погонит стадо домой, мы и закончим работу.

— Присесть, конечно, можно, для субботнего дня мы достаточно сделали. Но еще долго придется рассказывать печальную историю наших соседей. Может быть, в другой раз поговорим, когда у нас будет больше времени?..

— Часто я думала потом, — продолжала женщина после того, как они немного отдохнули, — лучше бы я молчала! Но теперь уж ничем не поможешь. Господь всемогущий знает, что мы заботились о бедной Марийке. Она была круглой сиротой, а с ней обращались несправедливо.

Женщина вытерла слезы.

— А сосед поговорил со своей сварливой матерью? — спросила молодая крестьянка, нахмурившись.

— Он лишь вежливо, как подобает хорошему сыну, попросил ее не нагружать жену слишком тяжелой работой, а нанять поденщика, и

пищу готовить получше. Марийка, дескать, плохо выглядит, и он опасается, что она может заболеть, так как к такой тяжелой работе не привыкла. Старуха на его просьбу ответила, что он может посадить свою жену под стеклянный колпак, а ей такая кукла не нужна.

— Я раньше и без нее справлялась, когда ты был на военной службе. Но, скажу тебе, для такой барыни варить не буду. Кладовка открыта, пусть варит и печет, что хочет.

Напрасно сын просил ее, напрасно Марийка оправдывалась, говорила, что никому не жаловалась, что работает охотно! Старуха ей не поверила и не захотела отступить от своих слов.

Спустя некоторое время мать Матьяса отправилась в дальнюю деревню к своей тяжелобольной сестре и вернулась лишь после ее похорон, вечером, как раз перед отъездом Матьяса.

Около трех недель Марийка с мужем смогли, наконец, спокойно пожить одни. Она готовила еду и носила ему в поле. Он позволял ей работать только по дому. За это время Марийка снова расцвела, глаза ее засветились, на лице заиграла улыбка. Я забежала к ней по-соседски, перекинуться двумя-тремя словами. Однажды, когда мы с матерью вязали снопы в поле, я сказала, что эти двое, наверное, не менее счастли-

вы, чем Адам с Евой в райском саду. Все соседи радовались этому тихому, но, к сожалению, недолгому счастью.

Кончилось оно с возвращением старухи. Марийка приготовила хороший ужин, но мать к нему даже не притронулась и дала слово, что из рук молодухи никогда ничего не примет. Опечаленный Матьяс на другое утро уехал. Марийка провожала мужа и утешала его обещанием, что они с матерью обязательно помириятся. До кладбища молодые ехали вместе. Там, под елями, они еще немного постояли и горько поплакали. Когда он, поехав, оглянулся, она стояла на том же месте, смотрела ему вслед и, улыбаясь, махала платком; но вскоре лошади завернули за скалу и Марийка скрылась из виду. Однако любимый образ остался у него в сердце, он взял его с собой, и образ этот и сегодня с ним, стоит ему только закрыть глаза. Ну а теперь, Дора, за работу! Остальное расскажу тебе в другой раз. История эта длинная!

Женщины поднялись, и вскоре они уже шагали домой с большими охапками зеленого корма. Люди догоняли их или шли навстречу; и каждого они приветствовали так, будто все они были их родственниками. Так бывает в деревне, где люди с ранних лет знают друг друга. А есть среди них и такие, которых приветствуют

особенно тепло, с которыми охотно останавливаются поговорить. К таким относились и наши знакомые: Сусанна Ужерова и Дора Милова, всего несколько недель назад вышедшая замуж за племянника Сусанны. Женщины торопились, так как издали уже слышались звон колокольчиков и шелканье кнута. Возвращалось деревенское стадо, ворота всех дворов были распахнуты настежь.

Солнце пряталось за горы. Опускался вечер.

Глава 2

Тетя, а не пойти ли нам после обеда на луга? Вчера вы говорили, что хотите на них посмотреть! — предложила Дора, когда они в воскресенье вернулись из церкви.

— Я не против, — улыбнулась Сусанна, — я ведь знаю, чего ты ждешь.

— Мне хочется поскорее узнать конец истории. Проповедь у меня сегодня мимо ушей прошла: как только увидела в церкви нашего соседа, так только о Марийке и думала.

— Вот и я тоже! Всю прошлую ночь о них думала. И все так ясно виделось, хотя и прошло уже 18 лет. Мы пойдем с тобой за травой, только без Иосика, при нем я не хочу рассказывать.

— Значит, сразу после обеденного богослужения пойдем, да, тетя?

— Можешь сразу из церкви идти. Встретимся в роще. Если мы вместе пойдем по селу, то наверняка остановимся с кем-нибудь поговорить, и я не успею рассказать тебе эту печальную историю. Ты еще немного можешь побыть со своими, пока я приготовлю поддник и скажу бабушке, куда собираюсь пойти.

Только к четырем часам дня женщинам наконец удалось управиться с домашними делами.

Для беседы они выбрали прелестное место, где капустные поля граничили с лугом, заросшим дикими яблонями и грушами. Луг этот отделял поля от соснового бора. Зеленые сосны благоухали, и на их темном фоне ярко выделялись бело-розовые цветы яблонь и груш. С луга видна была вся деревушка Зоровце со своей небольшой красивой церковью. Женщины, сидевшие под цветущими деревьями, чувствовали себя как в раю.

Но какой же это рай, если на земле было еще столько горя и несправедливости, как, например, в той истории, которую рассказывала Сусанна Ужерова своей племяннице.

— В тот раз, когда Матьяс уезжал из дома, мой сын Миша был болен, так что я не смогла

проститься с соседом. Через некоторое время моя мама заметила, что у Янковских подозрительно тихо. Она предположила, что Марийки не видно во дворе потому, что старуха наняла поденщицу (которой она будто бы очень довольна). Значит, решили мы, наставления сына все же помогли. Из-за болезни ребенка я не выходила из дому и пошла в церковь лишь спустя три недели. Там я сразу увидела, что соседка на нас сердится. На меня она не смотрела и на наше с Мартыном приветствие не ответила. Может быть, она догадывалась, что именно мы пожаловались на нее Матьясу. Нам это было неприятно, ибо мы с соседями всегда жили в любви и согласии. А старая Янковская была таким человеком, который если на кого-нибудь рассердится, то уж ни за что не простит обиду. Я знала, что теперь мне с Марийкой встречаться нельзя, чтобы старуха, увидев нас вместе, не подумала, что мы о ней судачим. Но Марийка и сама избегала меня, так что я с ней и не встречалась. Однажды, спустя две недели, идя из церкви, я услышала, как жена могильщика сказала:

— Молодая Янковская все-таки очень слаба. Не сегодня завтра ей рожать, а как она, бедная, это выдержит?! Когда Матьяс привел ее, она была, как цветок, а теперь!..

— Ты права, — ответила жена старосты, — мне ее, бедненькую, так жаль, и я все думаю, кто за ней будет ухаживать? Старуха уже несколько недель с ней не разговаривает. Сын, говорят, укорял мать за дурное отношение к жене, и с тех пор соседка сердита на весь мир.

Я быстро повернулась туда, куда смотрели женщины. Недалеко от нас, по другой стороне дороги, шла Марийка. Только не на яблоневый цвет она теперь была похожа. Личико ее вытянулось, румянец на щеках исчез, темные глаза запали. Такими бледными и красивыми рисуют ангелов, которые, как известно, не от мира сего. Ее когда-то столь легкая походка стала тяжелой и медленной, как у человека, смертельно уставшего от жизни. Мне захотелось догнать Марийку, но около нее остановилось несколько женщин, и я быстро побежала домой, чтобы выплакаться. На следующий день к нам зачем-то пришла поденщица старухи. Оказалось, ей просто хотелось излить свою душу перед моей матерью.

— Я поссорилась со старухой, — рассказывала женщина, — она способна утробить человека. Ей кажется, что она с каждым может так обращаться, как со своей снохой. Если бы Матьяс знал, как она обходится с ней! Вот при-

едет, я ему уж все расскажу, как она ее обижает!

— А мы думали, что у них теперь мир в доме, раз не слышно ругани старухи, — удивилась моя мать.

— Да, мир, как на кладбище, где все молчат. Если Марийка выходит из комнаты и здороваются, ей не отвечают. Старуха не заставляет ее работать, сноха сама должна искать себе в доме дело. Она ей позволяет только стирать и то свое белье отбирает. Хлеб печет только для себя и для поденщиков, а невестке приходится печь для себя самой. Но печет она мало. Однажды Марийка взяла муки на две булки, чтобы одну послать мужу, и старуха сразу же начала кричать, что, дескать, не понятно, куда девается мука: только недавно был полный ящик, а теперь половина всего осталась. «Это, — кричит она, — оттого, что ничего не запирается! Каждая цыганка может в доме взять, что угодно». С тех пор невестка хлеба больше не печет, варит для себя одну картошку. Молока у них достаточно, но и им распоряжается только старуха. Она продает свежее и кислое молоко, сыр, масло, яйца и птицу. Хотя у них всего вдоволь, Марийка сама для себя ничего не берет, а старуха ей ничего не предлагает. У невестки из своего дома была привезена курица, которая

хорошо неслась, так что иногда несчастная женщина могла сварить себе яичко. Но потом курица эта вывела цыплят, и старуха сердилась, что они у ее кур съедают весь корм. Злая баба цыплят этих постоянно гоняла и двух из них убила веником, так что Марийка остальных продала, чтобы не раздражать мать. Видели бы вы старуху после этого! Она кричала, что нищим надо себе на хлеб колосья в поле собирать! Чем бедная женщина живет, не знаю; да это и по ней видно. Она весь день шьет что-нибудь для своего мужа. Недавно старухе починила передник, так та его сразу же отдала первой нищенке. Наверное, кто-то рассказал обо всем этом Матьясу; сыну опять пришлось серьезно поговорить с матерью, и теперь она беспощадно мучает невестку, думает, что это она ему пожаловалась на нее. Хорошо, что срок контракта Матьяса скоро истекает, может быть, он тогда наконец-то останется дома и защитит свою жену. Не опоздал бы только!

Разговор с этой женщиной очень нас печалил.

— Ах, мама, мы ей добра желали и натворили столько зла, — плакала я, когда поденщица ушла.

— Да, много зла, дочь моя! Но кто бы мог подумать, что наша соседка такая зловредная баба?

Во вторник в три часа ночи я встала к Мишеньке и зажгла свет. Вдруг кто-то постучал в окно. Я открыла: передо мной стояла Марийка. «Сусанна, — сказала она, — я слышала, что у вас большая стирка. Вы пойдете полоскать на речку? Пожалуйста, возьмите и мою корзину с собой, у меня так много белья!»

Раньше мы часто вместе стирали и по очереди возили белье на речку, где его при хорошей погоде и сушили. «Ах, Марийка, — огорчилась я, — у нас большая стирка будет лишь на следующей неделе. А сегодня мы постирали только немного мелочи и выполоскали все у колодца. Но ты подожди, я сейчас соберусь и помогу тебе отнести твое белье. Может быть, догоним Симоновых, у них, я слышала, сегодня большая стирка. Я только попрошу мать посмотреть за ребенком».

— Ты пойдешь со мной? — воскликнула она радостно. — Спасибо тебе большое!

Я побежала к матери, и через полчаса мы с Марийкой уже были за деревней. Симоновых мы догнали еще около школы и отправили с ними все белье, так что по дороге мы пошли налегке. «Бери с собой молока и хлеба с сыром побольше, — посоветовала мне мать. — Марийка, наверное, еще не ела и ничего не взяла с собой». Я так и сделала. Теплая ночь распола-

гала к душевной беседе. Я рада была, что мы наконец снова могли быть вместе. Здесь этой тихой ночью, под звездным небом, где лишь отдаленные крики петухов предвещали приближающееся утро, я призналась Марийке, что это мы рассказали о ее беде Матьясу и, не желая того, причинили ей зло, и попросила у нее прощения. Правы люди, утверждая, что благими намерениями дорога вымощена в ад.

«Значит, это ты ему все рассказала, Сусанка? — спросила она печально. — Я знаю, что ты это сделала любя и благодарна тебе за сочувствие, хотя мне так плохо живется, что хуже быть не может. Но если бы не ты, то не было бы и тех счастливых недель с Матьясом, когда я чувствовала себя как в раю, потому что мы с ним были вместе. В мой смертный час я буду утешаться этим светлым воспоминанием и благодарить тебя за помощь. Хотя это счастье было коротким, отнять его у меня уже никто не сможет. Прошу тебя, Сусанка, никогда не говори Матьясу, как обращается со мной свекровь. Ему больно это слышать, а пользы никакой ни мне, ни ему. Ах, мне хотелось бы уберечь его от всякой боли, потому что я люблю его так сильно, что словами выразить невозможно; но и он меня любит, и это моя единственная радость на свете. Я тоже часто думаю, что не надо бы ему



возить бревна, но он хочет утихомирить свою мать, чтобы она не укоряла меня моей бедностью. Ведь он уже много заработал и положил в банк несколько сотен. Но мать это не успокоило и не примирило со мной! Если бы мы с Матьясом вместе работали дома, то с Божьим благословением многого достигли, ведь мы еще так молоды. Но мы упустили счастливый случай быть вместе!»

Я видела, что Марийка очень устала, и мы присели передохнуть. Заметив у меня в корзинке хлеб, сыр и молоко, она со слезами призналась мне, что со вчерашнего обеда еще ничего не ела. Мы принялись за еду; она ела немного, лишь молоко пила с большим удовольствием. Когда у Вага мы расстались, я заставила ее остатки еды взять с собою. У нас там было особое местечко, где мы обычно стирали. Справа и слева на кустах мы развешивали вещи потоньше, как это и сегодня еще делаем.

Я помогла ей закончить стирку, потом собралась домой. Марийка поблагодарила еще мою мать: «Да вознаградит вас Господь за вашу доброту!» Я и сейчас вижу ее бледное красивое лицо, ее глаза, полные слез. Таким стоит ее образ передо мной; но на земле я ее больше никогда уже не видела.

— Как это, вы ее больше не видели, тетя? Что же с ней произошло?

— Ах, Дора, если бы я знала! Истину мы, наверное, узнаем лишь у престола Божьего, где все тайное станет явным, доброе и злое. К вечеру Симоновы привезли белью Марийки: полную корзину сухих вещей и вторую с мокрым постельным бельем, и сказали, что Марийка осталась у реки кое-что еще пополоскать, наверное, детское, то, что она приготовила для будущего младенца. На другое утро я услышала у соседей беспокойный и громкий разговор; старуха кого-то посылала на речку. Я поняла, что речь идет о Марийке, и подошла к забору. Что случилось? Марийка не пришла домой. Я подумала, что она от усталости где-то легла на берегу и заснула. Наши поспешили к Вагу, но нашли там лишь единственный след — ее белый платочек на кусте. Самой ее нигде не было. Мы не знали, что и подумать. Вероятно, она упала в

глубокую реку. Скорее всего, после тяжелой стирки у беременной женщины от слабости закружилась голова, и несчастная упала в воду. Так как никто не слышал ее крика о помощи, решили, что она, наверное, все-таки утонула. Два дня ее искала вся деревня; рыбаки закидывали сети, надеясь выловить тело. Прибыла комиссия, и приехал бедный Матьяс, которого вызвал пастор. Но все было напрасно! Допросили Симоновых и меня, так как мы последними говорили с ней, а старая поденщица открыто обвиняла старуху Янковскую в том, что она замучила свою сноху до того, что бедняга покончила с собою. Я не могла согласиться с таким предположением: Марийка была доброй и терпеливой, как ангел, и мужу своему она никогда не причинила бы такой боли, потому что она его слишком любила. Я рассказала им, какой слабенькой она была, но, чтобы меньше винить свекровь, я умолчала о том, что та морила невестку голодом и что в день стирки она ничего не дала ей с собой поесть. Ведь бедной Марийке уже ничем нельзя было помочь, а Матьяса, который стоял ни жив ни мертв, мне было жаль. Зачем ему все это знать? Довольно было того, что высказала поденщица! Симоновы рассказывали, как Марийка была благодар-

на им за то, что они взяли с собой ее белье, как радовалась тому, что так много успело высохнуть. Она сказала, что только хочет пополоскать еще несколько мелких вещей, немного отдохнет и потом пойдет домой. Притом она не выглядела ни печальной, ни несчастной и уж никак не походила на человека с отчаянными намерениями. Матьяс поверил мне и Симоновым, но больше всего — своему собственному сердцу, которое подсказывало, что его любимая никогда не совершила бы такой грех — уничтожить две жизни и причинить ему страшную боль. Комиссия наконец поверила нам, так как и пастор отозвался о Марийке наилучшим образом.

Потом в выдвижном ящике стола Матьяс обнаружил начатое письмо, в котором Марийка просила его возвратиться домой, так как она чувствует себя очень слабой и что у нее часто кружится голова; она писала также, что боится умереть во время родов. Ни единым плохим словом не помянула невестка свекровь, лишь просила мужа, если Господь ее вдруг отзовет, отдать ребенка ее приемной матери, чтобы свекровь с ним не мучилась, так как она уже старая. На том письмо оборвалось, наверное, она не смогла его дописать до конца. Но именно это письмо и помогло старухе, и суд оставил ее

в покое. Устроили поминальную трапезу, вся деревня была в церкви, и все плакали. Но и сегодня некоторые думают, что Марийка утопилась. Если у старой Янковской с кем-нибудь в деревне возникала ссора (а она с годами становилась все сварливее), ее сразу упрекали, что она погубила сноху и внука. И вообще она была личностью непонятной. Во время работы комиссии и на поминках она казалась убитой горем, а через несколько дней снова ходила павой и говорила людям, что жаль расходов на погребение, так как она не верит в смерть снохи. Но когда ее сын вскоре уехал в Америку, она вся поникла. Однако, верила она или нет в смерть снохи, Марийка не возвращалась. Воды Вага не выдавали ее ни живой, ни мертвой. Наверное, они это сделают лишь тогда, когда *«море отгаст мертвых, бывших в нем»*¹, как сказано в Священном Писании.

Матьяс свое имение сдал в аренду на шесть лет, а затем вместе с Рашовыми уехал в Америку. Когда эти годы минули, он вернулся, но было заметно, что жену свою не забыл и скорбь его не прошла. Однажды мать попыталась женить его вторично, но Матьяс лишь глянул на нее и вышел из комнаты. В дверях он по-

¹ Отк. 20:13.

вернулся и сказал: «Мне достаточно смерти одной жены!» Больше она никогда не осмеливалась уговаривать его, так как он дал ей понять, что, как и все мы, считал ее виновной в смерти Марийки, но винил и самого себя за то, что привел жену в этот дом.

Прошло несколько лет, и вдруг началась эта ужасная война¹, которая оторвала от нас мужей и сыновей. В Зоровце Матьяс был, наверное, единственным, кто ушел на фронт охотно и без сожаления, так как ему, бедному, не с кем было разлучаться. Он надеялся, что его там настигнет смерть и он соединится со своей Марийкой. Но неисповедимы подчас пути Господни! Сколько отцов, у которых остались малые дети, погибли на войне, а он вернулся! Матьяс пришел вместе с моим Мартыном из русского плена. Но как он изменился! Он и всегда-то был добрым, приветливым человеком, а после возвращения стал похож на одного из тех святых, о которых мы читаем в Священном Писании. К нашим мужчинам в этой ужасной войне пристало немало зла, от которого им и до сих пор трудно избавиться. Он же принес с собой оттуда такое, чего ни у кого из нас нет: чистоту

¹ Первая мировая война 1914–1921 гг. — *Здесь и далее примечания редактора.*

помыслов, бескорыстие и милосердие по отношению к людям. Мать его дождалась, но время ее уходило. Нужно было видеть, с какой сыновней любовью он за ней ухаживал во время ее болезни, как он ее обслуживал, каким приветливым по отношению к ней он был, несмотря на то что она перед смертью все время вспоминала Марийку. В последнюю ночь, когда умирающая уже не могла внятно говорить, она призвала Бога в свидетели, что не виновна в смерти невестки, и все говорила о пчелином улье и о каком-то письме; а когда заметила, что мы ее не понимаем, она, ломая руки, заплакала. Да помилует ее Господь! Она разрушила жизнь своего сына и погубила еще две жизни.

Сестра Матьяса, живущая замужем где-то вдали и давно получившая свою долю наследства, приехала на похороны матери, и брат отдал ей все, чего она желала. Другой подал бы в суд, так как ее притязания походили на грабеж. Он же отдал ей все добровольно, так что ее собственный муж удивлялся и все вокруг. Брат так душевно простился с ней, словно не догадывался, как бессовестно она его обобрала. Мартын ему сказал: «У тебя от отцовского наследства ничего не осталось, только то, что ты заработал в Америке и сберег дома». Матьяс серьезно посмотрел на моего Мартына и отве-

тил: «Ей нужнее, у нее есть дети! Пусть сестра не ждет моей смерти, а пользуется теперь этим добром. У меня остается достаточно. Знаешь, Мартын, если бы у меня в молодости были только мои две руки, тогда мы с Марийкой лучше бы поладили и, может быть, не случилось бы со мной этого большого несчастья!» С тех пор Мартын ему больше ничего не говорит по этому поводу. Он долго не мог забыть этот трудный разговор и печальный голос Матьяса. Хотя прошло уже 18 лет со времени того несчастья, мы многое пережили, и весь мир изменился, но наша любовь к Марийке осталась прежней. Когда она появилась в Зоровце, то была нам чужой. При жизни ее знали немногие, после смерти же она обрела много друзей, но ближайшей ее подругой осталась я.

В роще стало тихо. Умолк даже соловей в кустах над родником; только кроны сосен шумели на ветру, словно напевая траурную песню для той, нежной, как яблоневый цвет, которую любящий супруг не смог даже уложить в освященную землю. Вместо этого уже 18 лет над ней, наверное, текут воды Вага, и, возможно, сплавщики, которые провели здесь много ночей на своих плотах, кое-что могли бы об этом рассказать...

Глава 3

Между тем Матьяс Янковский одиноко сидел за столом в своей печальной комнате и читал большую Библию. Погруженный в размышления, он не заметил, что уже дважды кто-то постучал в двери. Лишь на третий раз он крикнул: «Войдите!» Он как раз дочитал главу и закрыл книгу, когда дверь открылась и вошла молодая девушка. Она явно была незнакомой. Две пары глаз смотрели друг на друга: мужские — удивленно, а девичьи — словно прося о чем-то.

— Я не ошиблась? Здесь живут Янковские? — спросила она несмело после обычного взаимного приветствия.

— Да, я Янковский. Что тебя привело к нам? — ответил мужчина приветливо, шагнув навстречу нежданной гостье и протянув ей руку. — Ты пришла издалека?

— Пешком от железной дороги, а она рядом.

Девушка села на предложенное ей место на скамье и положила около себя небольшой узелок.

— Вы спрашиваете, что меня привело к вам? — начала она, немного погодя. — Я вам несу привет от моей крестной матери, Анны Скале. Когда она умирала, мне пришлось по-



обещать ей, что после ее кончины пойду к вам, чтобы просить вас найти для меня какую-нибудь работу. Она вас очень жалела, потому что вы так одиноки. Знаете, у меня тоже нет никого на свете. Может быть, вы возьмете меня к себе, хотя бы в прислуги?

— Разве у тебя нет ни родителей, ни других родных? — спросил он.

— У меня были только приемные родители, но они оба умерли, и теперь я осталась одна. — В глазах девушки заблестели слезы.

— Значит, Анна Скале скончалась?

— Да, четыре месяца назад.

— А ее муж?

— Приемного моего отца во время войны, в 1915 году, тоже взяли возчиком в военный обоз, оттуда он вернулся очень больным и больше не поправился.

— Значит, он, бедный, тоже был там? А теперь они оба умерли? И Анна послала тебя ко мне? Может быть, мы и поладим друг с другом, потому что и у тебя, как и у меня, никого нет. Я только не знаю, что ты у меня будешь делать?

Не будет ли тебе здесь страшно, ты ведь еще дитя, а я, люди говорят, отшельник.

— Матушка говорила мне, что я еще очень молода, а мир злой и что вы меня защитите от него, ну а я буду ухаживать за вами, когда вы состаритесь.

— Я и не знал, что матушка Скале такого хорошего мнения обо мне, спасибо, что вспоминала меня добрым словом.

— О, она о вас часто говорила и жалела вас.

— Прежде чем мы что-то решим, тебе немного следует отдохнуть с дороги.

— О да, дядя, можно попросить у вас немного воды? Мне так пить хочется.

Через короткое время на столе стояли графин с водой, стакан молока, свежий хлеб и масло. «Прошу, бери, ешь!» — пригласил Матвей девушку. Она с детской непринужденностью стала есть. Наевшись, она поблагодарила хозяина, а он, убрав со стола, снова сел.

— Теперь растолкуй мне подробнее, как ты представляешь себе свое житье у меня.

— Если матушка не ошиблась и я могу быть вам полез-



ной, то охотно останусь у вас. Не думайте, что я слабая! Правда, тяжелую работу я еще не могу делать, но по дому я справляюсь со всеми делами. Я уже умею варить и печь хлеб, стирать и гладить и за птицей могу ухаживать. За скотом, правда, мне дома ходить не приходилось, и в поле я еще не работала, только в уборке сена помогала и пока только могу резать траву. Наши цветы и в огороде я уже два раза сажала сама, а чего еще не умею, научите меня!

Янковский выслушал серьезное объяснение девушки. Ее голос в малоосвещенной комнате звучал, как серебряный колокольчик, возвещающий приход весны. Добрая улыбка осветила его лицо.

— Оставьте меня у себя хоть на короткое время, дядя, — попросила она, озабоченная его молчанием. — Мне было бы тяжело нарушить обещание, которое я дала моей матери. Со мной, правда, только одно будничное платье, но остальные — на вокзале в чемодане, я его оставила там на тот случай, если вы меня не примете.

Он укоризненно покачал головой.

— Посылала ли матушка Скале тебя в школу? — спросил он серьезно.

— Я посещала нашу сельскую школу, а когда после переворота¹ открылась гражданская школа, я стала учиться там.

— Вот как! Тебе, наверное, хотелось бы продолжить учебу, как это теперь принято, а смерть приемной матери помешала тебе в этом? — спросил он, испытующе глядя на нее.

— Матушка собиралась послать меня на учительский семинар, но я не захотела.

— Почему же? Разве тебе не нравится эта профессия? Учителя нам сейчас так нужны!

— Мама болела, и я чувствовала, что, если теперь не воздам ей за ее любовь, позднее сделать это будет уже невозможно. Я ей благодарна за то, что она послала меня в гражданскую школу, ведь я училась охотно. Я умею читать, писать, считать; знаю, как раньше и как сегодня живут разные народы в своих странах, и многое другое. У меня сохранились мои учебники, я все могу повторять, чтобы не забывать пройденное; мне о многом нравится размышлять. Скажу вам правду, дядя, я не хочу стать барышней. Я люблю свою простую одежду и хотела бы остаться крестьянской девушкой. Однажды господин учитель рассказывал нам,

¹ Образование самостоятельного чехословацкого государства в 1918 г.

как жили саксонцы в Трансильвании и как они остались верны своим народным традициям. Они учились в школах, чтобы получить образование, и все-таки оставались крестьянами. А в таких образованных крестьянах и крестьянках нуждается и наш словацкий народ, потому что он такой отсталый, и я поняла, что его преднамеренно сделали таким. Вот этому народу я и хочу принадлежать, как, наверное, и вы, дядя, не так ли?

— Конечно, дитя мое, — сказал Матьяс, — и я хочу гордиться своим народом. Я в Америке очень старался в вечерних школах наверстать все то, чего я недополучил в детстве. Однако не боишься ли ты, что при нашей тяжелой сельской работе со временем забудешь все, что учила?

— Нет. Что у меня в голове и в сердце, то мое навсегда.

— Ты права! Но закончим это дело: мы, значит, остаемся вместе. Посмотрим, сможешь ли ты жить в доме такого отшельника, как я. У меня во дворе живет пара честных людей, Звары. Тетушка Звара до сих пор делала все по дому и заботилась о нас, но она уже стара и рада будет помощи. Муж ее помогает мне в хозяйстве. Тяжелой работы у меня для тебя нет, но если ты прилежна, то найдешь работы боль-

ше чем достаточно. Жить можешь в задней комнате, где я недолгое время жил со своей женой. А моя мать жила здесь, — голос Матьяса немного задрожал. — Матушка Скале тебе никогда не рассказывала, как мы жили?

— Вы думаете о Марийке, которая умерла такой молодой? Мама говорила только, что вы ее очень любили, а она вас — еще больше. Но матушка не любила говорить о ней, потому что всегда плакала при этом. Во время болезни она в бреду много говорила такого, что нам было непонятно, и успокоить я ее могла лишь тем, что повторяла свое обещание пойти к вам. «Загладь мою вину», — говорила она мне.

— Не было никакой ее вины, я виновен! Она мне отдала самое дорогое, что имела, а я это сокровище не сберег. Я жалею, что не отправился к ней до моего отъезда в Америку. Но, не получив от нее ответа на мое письмо с известием о смерти Марийки и с просьбой простить меня, я подумал, что она на меня гневается, и не решился появиться у нее!

— А, может быть, она вам ответила, а письмо пропало? — спросила девушка озабоченно. — Ведь это случается!

— Ты права!

— Ах, дядя, я вспоминаю, что в бреду мать все говорила о каком-то письме, будто кто-то обещал ей отправить его.

— Наверное, так и было: матушка Скале сердилась на меня — и не беспричинно, — но совесть заставляла ее простить меня и ободрить меня в моем горе добрым словом. Она этого не сделала, и это мучило ее перед смертью. Поэтому она тебя послала ко мне. Жаль только, что не передала мне с тобой то доброе слово; оно утешило бы меня.

Лицо девушки вдруг зарделось и сразу побледнело. Казалось, что она о чем-то напряженно думала и не знала, как быть.

— Значит, договорились: ты попытаешься привыкнуть к нашей жизни. Если же не сможешь, я постараюсь с Божьей помощью найти для тебя хорошее место. А пока — добро пожаловать в мой дом и считай его своим! Матушка Скале воспитала мою жену; она и ей и тебе была доброй матерью, следовательно, ты мне дорогая, близкая родственница. Идем, я отведу тебя в твою комнату.

Когда Матьяс открыл дверь задней комнаты, в лицо им пахнул холодный затхлый воздух, какой бывает в долго не проветриваемых помещениях. Казалось, все здесь свидетельствовало о прошлом, ушедшем навсегда. Окна небольшой комнаты выходили в сад. В помещении стояли две застланные кровати, шкаф, расписной сундук, дубовый стол, два стула, скамья со

спинкой; у стены — этажерка для книг. На кафельной печи играл солнечный зайчик. Девушка увидела, что в комнате все покрылось пылью, с потолка свисала паутина. Матьяс подошел к окну, чтобы его открыть. Девушка оглянулась по сторонам и спросила робко и тихо, как при покойнике: «Дядя, можно мне сначала здесь убрать?»

— Конечно. Завтра же тетя Звара тебе поможет. Так ты здесь жить не сможешь. Надо проветрить постель...

Тетя Звара очень удивилась, когда хозяин привел к ней молодую девушку. Она узнала, что матушка Скале послала к Янковскому свою младшую приемную дочь, чтобы он принял сироту, и что девушка намерена заботиться о нем. Гостья тете Зваре сразу понравилась.

— Как тебя зовут, доченька? — спросила она ее.

— Аннушка Скале.

— Значит, ты родственница твоей крестной? — вмешался дядя Звара в разговор. Старики повели новую знакомую Матьяса по всему дому. Тетя Звара заявила, что она для Аннушки приготовит на несколько дней постель в чердачной каморке, пока не будет выбелена и убрана задняя комната.

До вечера девушка услышала всю печальную историю Марийки, о которой она до того

еще ничего не знала, и трагическая судьба молодой семьи вызвала у нее горькие слезы.

— Как хорошо, что мать послала меня к бедному дяде. Я буду стараться, чтобы он мной был доволен и не отправил бы меня куда-нибудь, — уверяла она. — Вы мне только покажите, как и что мне надо делать, и не бойтесь поправлять меня, если сделаю что-нибудь неправильно. Мне очень жаль дядю Матьяса!

— И нам тоже. Я тебе помогу, Аннушка и буду рада, если ты снимешь с меня немного забот о нем. Не бойся ему не угодить, он всегда всем доволен. Знаю, он очень любит чистоту и порядок. Но именно с этим-то я и не могла справиться как следует. Конечно, мне нельзя было так запускать ту комнату, но ведь ключ у него был, и я, требуя отпереть комнату, невольно напоминала ему, как его жена ранним утром вышла из дома и не вернулась обратно; он не вынес бы постоянного напоминания о том, что навсегда лишился своего земного счастья.

— Ах, тетя, тогда, может быть, и мне не занимать комнату его жены? Лучше поставьте мою кровать на кухне. Мне и там хорошо будет.

— Этого хозяин, наверное, не разрешит. Раз он отдал тебе комнату, значит ему хочется, чтобы ты в ней жила. Не бойся, мы все переста-

вим, и, когда ты обживешься там, хозяин уже не будет так печалиться, проходя мимо той комнаты. Я молю Бога, чтобы Он Сам его утешил, потому что таких людей, как Матьяс, нет во всей нашей деревне. Он кажется таким молчаливым, но стоит его только послушать, когда он начинает говорить! Он говорит, как по писаному. А как он понимает Священное Писание! Каждый вечер мы собираемся в его комнате, и он нам читает и разъясняет. Ведь это он моего старика наставил на верный путь! Звара был таким пьяницей, что мы всего лишились. Когда Янковский вернулся из России, нас даже в хлев не хотели пускать жить, такими несчастными, нищими мы были — позор для всей деревни! Я не могла этого больше терпеть и пошла к реке утопиться. Там, с Божьей помощью, нашел меня наш хозяин. Он меня убеждал до тех пор, пока я не задрожала от страха, поняв, какой непоправимый грех могла бы совершить, наложив на себя руки. Затем он повел меня в свой дом и пошел за моим стариком. Матьяс нашел его в канаве на кладбище. Там мой муженек лежал, с позволения сказать, как скотина. Запряжи быков, хозяин с помощью дяди Ужорова положил его на воз и привез домой. Матьяс сам его очистил и выкупал, постриг и одел в чистое белье. И мне пришлось привести себя в

порядок. Он оставил нас на несколько дней на чердаке, пока мы немного не оправились. При том он каждый день так приветливо разговаривал с нами, как, наверное, только Сын Божий говорил с грешниками. Нам пришлось обещать, что больше ни капли спиртного в рот не возьмем. Матьяс молился с нами и за нас, чтобы Иисус Христос нам помог; и так как мы молились каждый день, Бог помог нам сдержать наше обещание до сегодняшнего дня. Конечно, если бы хозяин нас отпустил, то на поденной работе нам везде бы давали что-нибудь выпить. Но он нас оставил у себя и дал нам постоянную работу. Тогда была жива еще мать хозяина. Она давно уже тяжело болела и не вмешивалась в его дела. Казалось, что она стеснялась или боялась его. Сначала он заставил нас сделать кирпичей и, когда мы это закончили, навозить камней (старик мой немного каменщик и плотник), затем хозяин велел ему перестроить половину большого сарая. За короткое время из него были сделаны хорошая комната и кухня. Меньшая часть строения осталась сараем. Когда жилье это было готово, Матьяс подарил его нам пожизненно. Он даже сдал нам в аренду немного земли, которую мы можем обработать. Со временем мы купили корову, причем хозяин разрешил нам поставить скотину в его

хлев. Вот такой он, дитя мое! Он верует в Господа Иисуса Христа и послушен Ему! Много добра он нам сделал, но самое лучшее то, что он помог нам познать Сына Божьего и Его святое слово. До него никто о наших душах не заботился, меньше всех — мы сами. Он же научил нас и страху Божьему и соблюдению Его святого слова.

Дальше она не могла говорить, так как муж позвал ее на чердак.

Так Аннушка Скале оказалась в новом доме.

Немало удивлялись люди в Зоровце, когда стало слышно, что покойная Анна Скале, приемная мать Марийки Янковской, воспитала еще одну дочь и препоручила ее заботам Матьюса Янковского. Она, говорили, тоже сирота, как и его умершая жена. По-разному люди рассуждали об этом, кто по-хорошему, а кто и нет, как это обычно бывает. Но когда незнакомая девушка в воскресенье в первый раз пришла в церковь, милотвидная, как весеннее солнышко, все молодые люди с восхищением смотрели на нее. Скромно, как фиалочка, стояла она среди других девушек. Все в ней было прекрасно, но особенно — ее глаза. Они светились, как две синие звезды, согревая сердца тех, с кем она встречалась взглядом. В Зоровце было много пригожих девушек, и, если некоторые и были

красивее Аннушки, все же ни одна из них не отличалась таким девичьим обаянием.

— Посмотрите только, какую дочь она ему прислала, — шептались женщины между собой. — Вроде бы на Марийку похожа, но та была гораздо выше ростом и светловолосой, а у этой темные косы сложены на голове, как корона.

— Марийка была, как пугливая голубка, а эта доверчива, как птичка. Только что приехала и уже смеется с нашими девушками.

— Может быть, она развеселит и бедного Матьяса, вот было бы замечательно!

— Слышишь, Дора, — шепнул Илья Ужеров своей маленькой жене, — хорошо, что мы уже женаты; кто знает, остался бы я тебе верным теперь с появлением такой красавицы.

Она шлепнула его по счастливо улыбающемуся лицу, потому что знала, что он ради нее переплыл бы Ваг. Она Аннушки Скале и не опасалась, потому что уже знала ее. В последний вторник сосед привел ее к ним и попросил тетю Сусанну и ее, Дору, принять гостью. Они это охотно сделали и радовались, что дядя Матьяс теперь не так одинок.

— Ты правильно поступила, — сказала бабушка Ужерова молодой девушке, — что пришла исполнить обещание, которое дала своей

приемной матери. Слово, данное умершему, никогда нельзя нарушить, чтобы душа его имела покой. Тебе у дяди Матьяса плохо не будет, он человек добрый, а если тебе когда-нибудь станет скучно, то беги поскорее к нам! У нас всегда весело. У Сусанны муж хороший, а жена моего внука — настоящая певчая птичка. Мой старший внук, который скоро приедет домой, тоже славный парень, а Сусанкин Мишка — весь в мать. У нас злого слова не услышишь; и чего ты еще не умеешь, мы тебя тому научим, только не стесняйся просить о помощи. Стирать ты всегда можешь с нами. Мы стираем на речке. А если тебе что-нибудь нужно будет — ты знаешь, где мы живем. Хороший сосед — что родственник, поэтому Священное Писание и говорит: *«Лучше сосед вблизи, нежели брат вдали»*¹.

В ближайший четверг Сусанна и Дора Уже-ровы помогли Аннушке привести в порядок постели, пересыпать в перинах перья. Тетушка Звара постирала все постельное белье. Помогло майское солнце, и теперь Марийкины перины снова были пушистыми и свежими, как прежде, когда счастливый жених привел ее в дом. Нарядно застланная кровать украсила чи-

¹ Прит. 27:10.

сто выбеленную комнату, в которой все сверкало. Теперь здесь было красиво, особенно когда солнце заглядывало через чистые оконные стекла с белыми занавесками. Матьяс после возвращения из Америки везде в своем доме сделал деревянные полы. На кухне стояла плита. Вычищенная кухня теперь тоже была как комната. Женщины попросили разрешить вымыть и его переднюю комнату. Он не возражал: «Хорошо будет, если вы и у меня сделаете уборку, — благодарил он, — а то моя комната по сравнению с другими помещениями выглядит теперь неряшливой. Подчас мы не замечаем грязь, пока рядом не окажется что-то чистое. Так мы и не сознаем, какие мы грешники, пока не подходим к святому Сыну Божьему».

Когда они в пятницу вынесли проветрить Марийкины вещи из шкафа и сундука, Сусанка Ужерова не могла удержаться от слез и рада была, что Матьяс и Звара уехали на поле и не присутствовали при этом. В сундуке Марийка хранила про запас, на долгую жизнь, льняное и хлопчатое полотно. В шкафу висела рабочая и праздничная одежда, летние и зимние вещи, которыми она едва попользовалась. Даже своего свадебного платья она не надела в последний путь. Кое-что заплесневело, два покрывала были немного проедены молью, но остальные вещи сохранились хорошо; все было просуше-

но и проветрено! Вымытые снаружи и внутри, шкаф и сундук заблестели как новые. Аннушка сказала Доре, что она в гражданской школе училась шить белье, поэтому Сусанка посоветовала Матьясу дать ей пошить нательное и постельное белье, чтобы была смена. Ему тяжело было согласиться на это. «Я это все берег на тот случай, если бы матушка Скале захотела забрать эти вещи, — сказал он печально. — Но так как это теперь уже невозможно, было бы жаль, если бы они залежались и испортились. Я бы все это отдал Аннушке, ведь она тоже ее дочь».

— Мне, дядя? — переспросила она удивленно. — Но мне же ничего не нужно. У меня вещи все новые, и многое осталось от моей приемной матери. А ваше постельное белье, как решето, нательное же все в заплатках. Позвольте мне пошить новое белье для вас. Если бы ваша Марийка нас видела, она бы радовалась, что все ее добро в доме используется.

Так и сделали. Дора об Аннушке уже знала больше, чем кто-либо другой в деревне. Когда та взялась за шитье, она прежде всего подрубила Дорину новую косынку, которую Илья ей привез с ярмарки. Звары принесли швейную машинку от еврейки Штейн. С этой машинкой была связана целая история. Во время еврейского погрома, когда ограбили дочь Штейнов,



Розу, Янковский купил эту машинку и отдал ее родителям Розы. Выслушав просьбу Матьяса дать на время швейную машинку Аннушке, еврейка сказала: «Конечно, ведь эта вещь принадлежит вам. Я знаю, что вы ее выкупили для нас. Неизвестно, когда вернется наша Роза.

Пусть машинка будет у вас, сколько потребуется. У нас она все равно никому не нужна». Так Аннушка взялась за дело, и работа у нее спорилась на удивление. Спустя две недели никто уже не помнил о том, что девушка пришла ненадолго и может уйти, если захочет. Есть люди, к которым привыкают так же быстро, как к весне, когда она приходит после долгой зимы, чтобы согреть землю теплыми лучами солнца и украсить ее цветами.

Глава 4

Однако пора немного осмотреться в деревне, где так неожиданно появилась Аннушка, не зная даже, примут ее там или нет. В верхнем конце от Ужеровых жили Симоновы. Собственно говоря, это были

Рашовы, но все называли их Симоновыми. Раньше там много лет стояла полуразвалившаяся хижина с ветхой соломенной крышей, уродовавшая всю деревню. Владельцы ее давно жили в Америке, никто о доме не заботился, а однажды ночью с большим грохотом завалилась вся кровля. Через полгода из Америки вернулся Рашов и, так как в то время доллар в Словакии стоил 90–100 крон, смог построить себе отличный дом с большими окнами, с чугунной литой изгородью вокруг садика. Такой дом мог бы украсить любой город. Затем прибыла и жена хозяина. Она и одевалась уже по-американски, и в доме своем устроила все на заморский манер. За домом у них был цветник с чудеснейшими розами, во дворе гуляли всякие невиданные здесь птицы. Рашов приобрел коня, красивую повозку и стал заниматься извозом. Видя его сидящим на облучке в старом поношенном костюме, трудно было поверить, что он владец чудесного дома, многочисленных полей и сада с необыкновенными розами. Рашовы были бездетны. Несколько лет назад они взяли в дом вдову их дяди Симона,



которую все называли «бабушкой Симоновой». Ей дали комнатку во дворе, чтобы она могла дожить свою жизнь в родном краю. Так как она жила скромно, у нее было все необходимое для жизни. Дети ее рассеялись по разным местам, и она осталась одна. Приютили ее потому, что покойный дядя Симон Рашов теперешним ее хозяевам одолжил в свое время деньги на дорогу в Америку, не потребовав ни процентов, ни других обязательств. Теперь поняв, что долг платежом красен, Симоновы-Рашовы захотели отплатить за добро добром и позаботились о старом, немощном человеке. Хозяева бабушкой были довольны: она заботилась о доме и пряла... Такой старый человек зачастую может быть очень полезным, если он добр, нетребователен и богат житейским опытом. А у бабушки Симоновой все это было. Она с детства служила в хороших домах, и то, чему она там научилась, не забылось и в старости. Она воспитала сыновей, дочерей и внуков и, похоронив любимого внука, перебралась к Рашовым. Жили они в большом красивом доме лишь втроем.

Зато в доме Ужеровых теперь, как и прежде, жила многочисленная семья. В свое время старая Ужерова выдала дочь Сусанну за дальнего родственника, Мартына Ужерова. Сын Егор

женился на дочери сельского старосты, но, родив третьего ребенка, сноха умерла, взяв с собой в могилу и новорожденную дочку, так что воспитанием двух мальчиков, Степана и Ильи, пришлось заниматься бабушке и тете Сусанне. Мартын Ужеров еще при жизни Егора заменил племянникам отца, так как Егор был очень болезненным и не мог заботиться о мальчиках. Когда Мартын ушел на войну, все заботы по хозяйству легли на Егора. Это подорвало его силы, и через короткое время он умер. Впоследствии старший сын Егора, Степан, отслужив, остался в Богемии¹. Будучи слесарем, он попал в летную часть. Многому научившись и сдав экзамен на механика, Степан не хотел менять профессию. А брат его, Илья, занимался сельским хозяйством. Из-за больного отца он был освобожден от военной службы и управлялся сам, пока Мартын Ужеров не вернулся домой. Женившись на Доре Миловой, единственной дочери старосты, по которой все парни в деревне вздыхали, и имея отцовский надел, Илья мог надеяться еще и на богатое наследство. У Сусанны Ужеровой из троих детей в живых остался только ее старший сын Михаил.

¹ Богемия — официальное название Чехии в 1526 — 1918 гг.

Так как он был очень способным, родители дали ему возможность учиться. Так обстояли дела у Ужеровых.

Соседом Янковского в нижнем конце деревни был Сенин. О его доме молодежь в деревне сложила частушку: «В старую хибару солнышко глядит»...

До войны Егор Сенин сапожничал. Потом его призвали в солдаты. Вернувшись, он, и раньше прикладывавшийся к рюмке, стал настоящим пьяницей. Свое имущество он уже пропил, теперь пропивал состояние своей жены. Когда-то давно, когда он был еще в порядке, хотя и тогда уже успел пристраститься к зелью, жена переписала на него половину своего имущества. Она вышла за него против воли родителей, потому что очень его любила. Отец ей на прощание сказал: «Что выбрала, Циля, то и есть у тебя, но Божьего благословения тебе не будет. Если тебе будет очень плохо, ко мне не возвращайся и не жалуйся!» Пока отец был жив, она и не ходила к нему, зато теперь, горько плача, обвиняя себя, дочь просила прощения у родителей, давно покоившихся под зеленым холмом на погосте. Но теперь каяться было бесполезно! Ей повезло лишь в том, что старая Сенина не обижала свою сноху. Мать скрывала от людей проделки своего сына, как

она делала это и раньше, в его детские годы, чтобы отец его не наказывал. «Каким воспитали, такой я и есть!» — говорил он ей. И верно. Поэтому она всегда ходила с опущенной головой, будто искала что-то потерянное. Ах, она упустила все возможности заложить в сердце и душу мальчика добрые основы для жизни. С другой стороны, как она могла закладывать эти добрые основы, если у нее самой их не было? Сын с детства был ее идолом, перед которым она рабски преклонялась. Если деревенская молодежь, расшалившись, высмеивала пьяницу, ей было стыдно, но исправить она уже ничего не могла.

О каждом доме можно было бы рассказать что-нибудь интересное, у всех были соседи. Жили в этих хижинах и домах порядочные и безнравственные, приличные и невоспитанные, добрые и злые люди. Одни из них увеличивали свое состояние, другие беднели. Были среди них скряги, которые собственным детям не давали есть досыта, и расточители, промотавшие наследство, которое им досталось от родителей. Некоторые изнуряли себя, жену и детей непосильной работой, у других оставалось свободное время для отдыха. Когда одни уже вязали снопы, другие еще только косы отбивали. Если случалось, что из супругов один



был прилежным, а другой ленивым, тогда возникали нелады, бесконечные ссоры и ругань. Одно лишь объединяло всех этих людей: полное безразличие к своей душе и к жизни после смерти. Хотя они все причисляли себя к евангельской вере и у всех в доме была Библия, они ее не читали и не старались жить по ней. И все же они верили, что после смерти у них все будет хорошо. Они осуждали тех, кто вернулся с войны безбожником и осмеливался говорить: «Нет ни Бога, ни рая, ни ада, ни жизни после смерти. Лучше устроим себе рай здесь, на земле!» Порицали также и тех, которые утверждали, что Христос не воскрес, что все это сказка; что Он-де был лишь человеком, первым социалистом и коммунистом; к сожалению, эти люди хотели только делить, но не свое, а чужое добро; и когда они собирались, становилось страшно от их речей. Но спящие одинаково бесполезны как для Бога, так и для людей. Вот и в Зоровце все были объаты глубоким духовным сном. Разница была лишь в том, что одни спали спокойно, никому не мешая, а другие, вскидываясь во сне, задевали спавших рядом.

Так было в деревне, в которую пришла Аннушка Скале и в которой она спокойно продолжала бы спать, если бы не последующие события.

Глава 5

При проветривании Марийкиного сундука Аннушка в боковом ящичке обнаружила небольшую Библию с именем хозяйки. Книгой этой, очевидно, немало пользовались. Аннушка попросила Матьяса разрешить взять ее себе для ежедневного чтения. Он охотно согласился, печально осмотрев Библию внутри и снаружи, будто хотел узнать, дала ли она его любимой жене то, для чего Бог послал ее на эту землю. «Читай, Аннушка, — сказал он, — но перед чтением помолись вместе с псалмопевцем: *“Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего”*¹. Эту книгу Сам Дух Святой диктовал писавшим, поэтому Он один может ее объяснить читателю!»

— Можно, я вас буду спрашивать, если будет что-нибудь непонятно, дядя?

¹ Пс. 118:18.



— Конечно, можно! Что знаю, с радостью тебе объясню.

С этого дня Аннушка начала читать Священное Писание и была очень внимательной ученицей. Утром она читала одна и размышляла над прочитанным, а вечером задавала Матьюсу свои вопросы, и он отвечал на них. Так приблизилось 20 мая, канун праздника Вознесения Иисуса Христа. В доме Янковского все было приготовлено к этому великому дню, всякая работа прекращена. Аннушка сидела в саду под цветущей яблоней, так захваченная чтением, что ничего не замечала вокруг. Торжественно зазвучал вечерний звон колоколов, будто хотел вознестись ввысь, туда, куда ушел Сын Божий, Спаситель мира. Аннушка подняла голову. «Он ушел туда, — размышляла она. — Облака скрыли Его от глаз смотревших Ему вслед учеников. И там, наверное, открылись Ему радужные врата небес, чтобы принять Его и закрыться за Ним. Ученики Его остались на земле одни, но ненадолго. Интересно, как выглядели те два ангела, появившиеся тогда? Они блистали, наверное, небесной красотой. И они засвидетельствовали им, что этот Иисус снова придет так, как Он вознесся. Значит, на облаках! А вдруг сейчас откроются врата небес и Он придет?! И я предстану перед Ним! Он — святой всезнающий Бог, а я? Как

бы я выдержала такую встречу?» — Аннушка знала, что будет воскресение мертвых; ведь она ежедневно читала молитву «Верую», в которой есть такие слова: «...вознесшийся в небо, сидящий одесную Бога, оттуда Он придет судить живых и мертвых». Вдруг она почувствовала себя, как разбуженный ото сна ребенок. Перед ней открылась истина, она поняла, что Он действительно придет, как свидетельствовали об этом ангелы, и что ей придется предстать пред Ним. Небывалый страх Божий овладел ею, как случается с человеком, когда надвигается на него нечто, наводящее на него ужас.

«Куда ты с таким страхом смотришь, дитя мое?» — вдруг спросил ее кто-то. Она вздрогнула и, словно ища защиты, схватила руку стоявшей возле нее старушки.

— Бабушка Симонова, это вы?

— Да, а ты Библию читаешь? — спросила старушка, садясь возле девушки.

— Я читала, бабушка, и вдруг мне стало так страшно.

— Это почему же?

— Потому, что здесь написано, что Иисус снова придет. А что, бабушка, если Он уже завтра придет? Что вы тогда будете делать?

— Я, дочь моя? Я упаду к Его ногам, как Мария в саду, и встречу Его так, как встречают долгожданного гостя.

— И вы бы не испугались, бабушка?

— Кого? Сына Божьего? Разве Он не мой Спаситель? Разве Он не Агнец Божий, взявший на Себя и мои грехи, перед Которым старейшины на небесах полагают венцы свои и о Котором апостол Иоанн в Откровении пишет: «...возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровью Своею?»¹ Его обетование и меня касается: «И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я»². Зачем мне Его бояться? Иисус из любви ко мне на смерть пошел, так неужели Он отвергнет меня, когда вернется? Нет, я Ему доверяю.

— Вы, наверное, очень добры и благочестивы, раз можете так верить! Вы Его, наверное, иначе знаете, чем я. Но я только грешная девушка.

Аннушка горько заплакала.

— Поплачь, поплачь, дитя! Помнится, и я так плакала, когда Господь мне открыл глаза перед тем, как я пришла к Нему и Он простил мои грехи. Я еще поговорила бы с тобой, но вижу там соседа, к которому у меня срочное дело. Если ты будешь еще размышлять об этом, то

¹ Отк. 1:5.

² Ин. 14:3.

приходи ко мне. Может быть, я послужу тебе, как мне послужил мой покойный внучек. Ты начинаешь искать Господа, и ты Его найдешь, раз Он пробудил тебя, — старушка погладила девушку по щеке и пошла вниз по садовой дорожке. У калитки она встретила Янковского.

— Простите за беспокойство, сударь, — извинилась она. — Но наши говорят, что у вас когда-то были пчелы, и попросили меня спросить вас, все ли улья вы продали? Рашов хочет купить их у вас.

— Они все еще стоят на чердаке. В пятницу я их достану, чтобы почистить, тогда пусть сосед их посмотрит.

— Вот хорошо! В таком случае я вас больше не буду задерживать. Вижу, что у вас уже праздник, и мне надо поторопиться, чтобы дома управиться. Всего вам доброго!

— Бог с вами, тетушка!

Матьяс проводил старушку, посмотрел ей вслед, пока она не завернула за угол дома Уже-ровых. После этого он, опустив голову, зашел в дом, сел в комнате за стол и задумался: «Она такая старая и одинокая, столько родных похоронила, а всегда кажется такой счастливой. Я часто думаю, что Ты, Сын Божий, заполняешь ее жизнь. Ах, почему я не решаюсь спросить ее об этом? Я мучаюсь в этом духовном одиноче-

стве, как Илия, который когда-то жил с семьей тысячами верных Богу и думал, что он единственный верующий на всей земле израильской. Если здесь, где все объято сном и смертью, у Тебя, Сын Божий, есть для меня братья и сестры, то укажи мне на них!»

Но обратимся к другим жителям Зоровце. В это же время собралась и семья Ужеровых. Хозяин только что вернулся из города и привез от Степана письмо, которое Илья читал всем вслух. В конце было написано: «На праздник Троицы я обязательно приеду. Соскучился я по всем вам. Мечтаю о бабушкином хворосте, такого во всем мире не найти. Вот, чуть не забыл самое главное!

Дорогие мои, я нашел себе здесь хорошую девушку; но об этом хотел бы поговорить сначала с вами. Я не объяснился еще ни с нею, ни с ее родителями, потому что сперва хочу услышать Ваш совет, что Вы на это скажете. Девушка мне нравится, я ей, наверное, тоже. Родители состоятельные, и она у них единственная дочь. У фотографа я купил ее фото и посылаю его Вам, чтобы Вы посмотрели на нее. Она не крестьянская девушка, но ведь и я уже не буду крестьянином. Об остальном поговорим, когда приеду. Жду не дождусь, когда смогу напиться воды из нашего колодца».

В заключение были посланы приветы каждому члену семьи в отдельности. В комнате наступила тишина.

— Вот что он надумал! — потряс головой Мартын. — Жениться там! Такая горожанка никогда в деревне не приживется!

— Хи-хи-хи! Это же дама! — засмеялся Илья, разглядывая фотографию. — Куда же мы ее у нас посадим?

— Ох, ох, — ужаснулась Дора, глядя мужу через плечо, — на ней почти ничего нет, и туфельки такие, что она в них почти босая!

— А чулки у нее из паутины; я недавно в Тренчине видел такие у дам на ногах; они, наверное, защищают от мух.

— Покажи! — тетя Сусанна протянула руку. Бросив недовольный взгляд на фото, она быстро отдала его матери. — И что этот парень думает? Она, наверное, уличная. И как ей только не стыдно показываться людям на глаза в таком виде? И что за мать у нее, которая такое позволяет?! Что вы скажете, матушка?

— Да, хорошенькую невестку ты нам хочешь привезти, сынок, — вздохнула бабушка. — Мир сегодня действительно как Содом и Гоморра, коли женщины так одеваются: почти до пояса голые, босоногие — в этих паутинках!

Без рукавов, зато на голову будто горшок вверх дном надет, так что не видно ни лба, ни глаз, а на голых плечах — мех. И он еще пишет, что она красива. Наверное, голову потерял парень!

— Дайте же и мне посмотреть!

Зять поднял брошенный на пол снимок.

— Знаете, матушка, это все только вам кажется таким странным. Если бы вы знали, что мы во время войны видели в России, вас бы ничто уже не удивило. Один из пленных, штатский, профессор, сказал: «Вот увидите, когда русские заключат мир, они дома будут купаться в собственной крови. История мира учит, что, если женщины потеряли стыд и мужья им в этом не препятствуют, народ, загнивая изнутри, сам себя уничтожает». Я запомнил эти слова. Они там оправдались. Но когда я этой зимой был на сельскохозяйственной выставке в Праге и в гостиницах и кафе видел женщин и барышень, я, вспомнив слова профессора, понял, что и мы недалеко от этого состояния. И это зло распространяется не только в больших городах. Наши словацкие крестьянки в деревнях тоже сняли свою национальную одежду и одеваются в эти бесстыдные тесные кофты, чтобы раздражать и завлекать мужчин. Вот и наш Степан клюнул на эту удочку. У девушки на фотографии очень красивые глаза, она лишь только моргнула ему, и он уже попался.

— Да что ты, Мартын, еще ничего страшного не произошло, — заметила Сусанна серьезно. — Он ведь пишет, что ни ей, ни ее родителям еще слова не давал и хочет сперва с нами посоветоваться. Ну а мы его отговорим!

— Верно, Сусанна, — вздохнула бабушка, — нам не нужно быть суровыми к нему, а надо попытаться заботливо и по-доброму поговорить с ним. Дай Боже, чтобы он послушался и не навлек бы несчастья на себя и на всех нас!

— Однако я ему скажу, что бы я сделал с Дорой, если бы она так вырядилась, — проворчал Илья.

— И что бы ты сделал? — прильнула жена к нему.

— Выгнал бы тебя из дома! Если тебе хочется одеваться так, как те бесстыдницы, что ночью по улицам бегают, то можешь сейчас же идти! — сказал он, прижав, однако, свою жену к себе.

— Тогда бы я другого и не заслуживала. Мама, пожалуйста, спрячьте это фото, чтоб никто его у нас не видел. Ведь срам смотреть на него.

Письмо с фотографией было положено в сундук, и семья с беспокойством стала ждать приезда своего любимца. Что если Степан не послушается?..

Глава 6

В праздник Вознесения бабушка Симона не смогла пойти в церковь, потому что гусята как раз надумали вылупиться. Когда последний гусенок вылез из яйца, старушка ушла в свою комнату, чтобы почитать Евангелие. Вдруг на ее окно упала тень, и послышался милый голосок Аннушки Скале.

— Вы дома, бабушка? — спросила она.

— Дома, доченька, заходи!

Чуть погодя они уже сидели за столом.

— Ах, бабушка, я прямо не знаю, что мне делать! Ночью я глаз не могла сомкнуть, — пожаловалась девушка. — Вечером дядя Матьяс прочитал нам из Евангелия и объяснил, как Иисус Христос нас любит, сколько Он страдал, как чудно воскрес и еще чудеснее вознесся на небо. Но дядя сказал еще, что Иисус вернется за Своими и что встречать Его будут лишь те, которые любят и ожидают Его так, как при вознесении провожали Его только ученики. Ах, бабушка, я тогда вдруг поняла, что Он меня не сможет взять с собой! Дядя Матьяс и вы будете Его встречать, когда Он придет, а я — нет! Сегодня в церкви я все время думала о Его пришествии, и, когда пастор прочитал текст, мне от

страха стало так плохо, что я чуть не упала. Ах, бабушка, помогите, посоветуйте, что мне делать? Вы сказали, что Он меня найдет? Я действительно пропащая!

— Доченька, если ребенок заблудится в лесу и его найдет человек, знающий дорогу, и поззовет его, что этот ребенок сделает?

— Он откликнется на голос, позвавший его.

— А он откликнется сразу или поблуждает еще немного?

— Конечно же сразу!

— Да, дитя мое. Представь себе, что это ты. Ты все дальше и дальше уходишь в мир, все дальше от Бога, и вдруг ты узнаешь, что путь твой, которым ты идешь, не на небо ведет, что ты не с Тем идешь, Который может оправдать тебя, что ты не с Ним, а одиноко блуждаешь по неизвестному пути, как бедная бестолковая овечка. И вдруг ты словно слышишь, как кто-то зовет тебя вернуться к Богу. Скажи, что бы ты сделала?

— Конечно я бы откликнулась на этот голос! Но я-то его еще не слышала!

— Не слышала? А не показалось ли тебе, что Кто-то словно повелел тебе идти ко мне? Разве ты пришла сюда не для того, чтобы найти что-то очень важное?

— Да, конечно!

— Так зачем ты пришла ко мне, старухе, чего ты хочешь от меня?

— Ведь Он — ваш друг!

— Это ты хорошо и верно сказала, девочка моя! Он, мой Спаситель, живет со мной. Я Его приняла, и Он дал мне возможность стать чадом Божиим, как пишет апостол Иоанн, и теперь мы связаны теснейшими узами дружбы; ибо Его Отец Небесный является и моим Отцом, и Он не только мой Господь, но и мой Брат. Если ты действительно хочешь к Нему прийти, то можешь прямо сейчас сказать Ему все, что накопилось у тебя в душе. Ничего, что ты Его не видишь; достаточно того, что Он видит и слышит тебя. Он говорит: *«Приидите ко Мне все... Я успокою вас»*¹ и *«приходящего ко Мне не изгоню вон»*². Человек находит покой лишь тогда, когда его не угнетает грех. Тебя он гнетет, не так ли?

— Даже очень, бабушка!

— И меня когда-то мои грехи угнетали, но дорогой мой внук, который был уже прощен, призвал меня так же, как я тебя сегодня призываю: «Приди ко Христу, к пречистому Агнцу Божьему, понеси Ему свои грехи». И я пошла; а

¹ Мф. 11:28

² Ин. 6:37.

мой внучек за меня молился, чтобы Отец Небесный раскрыл мои уста и я сама могла бы просить о прощении. И Он это сделал. Едва я успела высказать все, что меня угнетало, как в мое сердце пришел мир. Тяжесть свалилась с моей души, и я стала словно на 20 лет моложе! И с тобой так будет, только приди к Иисусу! Зачем тебе еще мучиться?

— Бабушка, я и не хочу больше блуждать по путям, ведущим не в Небо. А вы будете со мной молиться? Я не знаю, как мне обратиться к Спасителю.

— Вера — это дар Божий, как и спасение. Когда молишься, говори с ним как ребенок со своей матерью. Проси прежде всего, чтобы Он дал тебе веру и ты могла бы поверить, что Бог здесь, рядом, что Он ждет тебя, чтобы дать все, о чем ты просишь.



Женщины Ужеровы, да и другие удивлялись, что Аннушки не было на обеденном богослужении. Больше всех недоумевал по этому поводу Янковский. Возвратившись из церкви, он застал дома одну тетушку Звару, которая ему сказала, что Аннушка пожаловалась на головную боль и прилегла в саду.

— Не переутомляется ли девушка? — спросил он озабоченно. — Она еще так молода и так много взвалила на свои плечи!

— Это правда. Хотя силенок у нее маловато, но она очень ловкая в работе. Притом Аннушка так охотно всем помогает, что радостно просить ее о чем-нибудь. Не думаю, что она слишком устала. Утром, когда она вышла из своей комнаты, я видела ее заплаканной. Может быть, она тоскует по своему дому или мучается оттого, что совсем одна на свете. И в церкви я два разаглянула на нее: она не пела и казалась очень бледной. Или, может быть, ей скучно у нас?

Янковский пошел в сад. Слова тетушки Звары его заметно огорчили. Матьяс совсем нелегко сходился с чужими людьми. Но к Аннушке он привязался за это короткое время так, что мысль о ее возможном уходе причиняла ему боль. Хотя Матьяс взял ее только на время, со своеобразным испытательным сроком, он готов был дать ей кров и пристанище пожизненно и делить с ней все, что имел. Он думал лишь о благополучии девушки. Если бы она не смогла прижиться в его доме, он постарался бы найти для нее хорошее место, хотя и не знал где. Служба — это служба, но не дом родной, а именно в нем бедняжка нуждалась прежде всего. Не найдя Аннушку в саду, он сел на скамью,



на которой сидела вчера она, и посмотрел вдаль, на горы. Глубоко задумавшись, он не сразу услышал быстрые легкие шаги и приветствие.

— Ты здесь, Аннушка? — воскликнул он, обрадовавшись, и испытующе посмотрел на девушку. Ничто не говорило о том, что с нею стряслось что-то плохое, наоборот, вся она излучала радость и солнечное счастье, которое, казалось, едва помещалось в ее маленьком сердце.

— Где ты была?

— У бабушки Симоновой, — ответила Аннушка.

— Что ты там делала?

— Я искала спасение.

Он побледнел от внутреннего волнения.

— И ты его нашла?

— Да, дядя, позвольте, я вам все скажу!

— Говори, дитя, все с самого начала.

Она села у его ног на траву и, доверчиво устремив на него взгляд своих синих глаз, начала рассказывать о том, что произошло с ней вчера и сегодня.

— А вы, дядя, уже давно не блуждаете? Вас, наверное, Спаситель нашел уже много лет назад, да? — спросила она в заключение.

— Он нашел меня в двойном плену, дитя мое, и освободил. Но, к сожалению, я все еще не настоящий последователь Христа. Ведь вот ничем не послужил тебе, не помог прийти к спасению. А должен был бы догадаться, что ты — заблудшая овца, пока еще не найденная Господом. Но как бы то ни было, слава Богу, что Господь спас тебя и пробудил к новой жизни! Годами я ежедневно молился, чтобы Бог сжалился над нашей деревней; я не подозревал, что ты будешь первым ответом на мои молитвы. Честь и слава Ему!

Янковский снял шляпу, взял руки девушки в свои и горячо помолился за нее, словно желая вложить найденную овечку в руки доброго Пастыря, чтобы Он понес ее домой через пустыню. Потом между новыми друзьями состоялся разговор, какого вчера еще, когда они стояли на разных берегах и не доверяли друг другу, быть не могло. У молодых обычно столько вопросов, особенно когда они обретают веру! И

молчаливые прежде уста Матьяса открылись и стали изрекать мудрость, о которой написано: «И будут все научены Богом»¹ так, что смогут учить других. Торжественно зазвенели колокола, словно произнося свое «Аминь!»

Глава 7

Через Зоровце промчался автомобиль, вызвав восторг бегущей за ним ватаги ребятишек и беспокойство собак, которые все еще не могли привыкнуть к новой послевоенной жизни. Хотя со времени переворота уже немало автомашин пронеслось мимо их деревни, собаки все равно заливались лаем, как только слышали приближение машины, и еще долго мчались вслед за ней, когда ее уже и не видно было. В округе теперь появилось много новых господ. Исчезли их предки, столетиями господствовавшие здесь, — одни подались в Будапешт, другие — в Вену, и вместе с ними канули в Лету бароны и помещики. А проезжали здесь теперь новые правители и новые богачи, вынесенные на поверхность волной переворота, которая смыла все старое. Хотя деды большинства из них были простыми крестьянами,

¹ Ин. 6:45.

представителями бедного словацкого народа, их внуки в автомобилях смотрели на этот народ точно так же, как жившие здесь до них старые дворяне и помещики: надменно и с презрением.

Едва собаки в Зоровце успели успокоиться, а дети вернулись к своим играм, как снова причалась автомашина и, к изумлению всех, остановилась около дома Ужеровых. И вот уже выскакивает из нее элегантный молодой господин, шофер подает ему красивый чемодан, машина снова заводится, сидящие в ней остальные господа кивком головы прощаются с вышедшим, и все они уже мчатся дальше по улице деревни.

Со двора слышен радостный возглас: «Степан, это ты?!»

И семья приветствует долгожданного и все же неожиданно прибывшего гостя. Дора укордкой рассматривает его. Он настоящий господин: в макинтоше, в городском костюме и в лакированных туфлях, такие мог позволить себе лишь один господин учитель! Конечно, с ее Ильей брат сравниться не может, потому что нет никого красивее Ильи, недаром все ей завидуют.

Да, это был сюрприз! Гостя повели через свежевыбеленную кухню в дом. Сначала — к бабушке, затем — в его комнату. Степан весело

рассказывал, что на станции у него, к счастью, нашелся попутчик, шофер, с которым он знаком еще по летной школе.

— Ох, сынок, я бы на твоём месте не садилась в такое чудовище, — говорит бабушка, — но, слава Богу, ты цел и невредим, и мы все рады, что ты дома.

— Так это, значит, твоя Дора? Прелестную жену ты выбрал себе, Илья, — добродушно посмеивается Степан, протягивая зардевшейся невестке руку. Илья знает, что его Дора красива, и все же он доволен, что брат похвалил ее.

Проходит едва полчаса, как в Зоровце уже каждый знает, что вернулся старший внук бабушки Ужеровой. Женщинам жаль, что у них так много дел, не то они ненадолго могли бы остановиться и всласть посудачить об этом событии. Старый дворовый пес Бундаш, по долгу службы достойно поприветствовавший гостя, степенно выходит на середину двора и оказывается скоро окруженным целой стаей четвероногих сотоварищей. Несколько свысока Бундаш объясняет им, что тот, кого они только что так бесцеремонно облаяли, когда он промчался по деревне в автомобиле, является его старым товарищем Степаном и он, Бундаш, хорошо помнит, как в свои молодые годы часто катал мальчишку на спине. Он это охотно делал, по-

тому что нередко получал за эту услугу шкурки сала и толстые ломти хлеба. Посему этого господина, собаки, впредь в деревне облаивать не следует, а особенно это касается собачьей молодежи, еще пока не знакомой с хорошими манерами! После этого собаки степенно и с достоинством разошлись, так как знали и понимали больше, чем все люди в Зоровце, вместе взятые.

В воскресное утро Степан Ужеров вышел в сад. Он чувствовал себя как-то не в своей тарелке. Хотя он радовался тому, что застал родных бодрыми и здоровыми и что они его любят, но от деревенской жизни он отвык. Здесь было так тихо, как будто даже деревья молились; а ведь он сам перестал молиться давно, сразу после того как немного свыкся с казарменной жизнью. Тогда его послали на учебу. Кто бы там вспомнил о молитве? В газетах и книгах, которые он до этого читал, тоже не было ни слова о Боге. Зато в это воскресное утро ему казалось, что весь сад наполнен Им! Степан ускорил шаг, чтобы избавиться от этого неприятного незнакомого ощущения. Глупости, кто сегодня еще верит в такое? Он заметил, что уже перешел границу соседского сада, откуда тропинка вела к небольшому сосновому бору, который старый Янковский заложил вокруг свое-

го родника. Мальчиком он часто бывал здесь, хотя старуху Янковскую все дети боялись. Сегодня, конечно, он ее уже не испугался бы, будь она жива; и ему захотелось напиться из ключа. Степан побежал вверх по тропинке и остановился. С тех пор как он видел саженцы в последний раз, посадки разрослись, сосенки стояли, как новогодние елки, украшенные свечами; другие деревца казались усыпанными маленькими розочками. И каждое деревце отличалось от другого. Не теплые ли солнечные лучи зажгли эти свечи и поцеловали розочки? Замшелая скала, распластавшаяся внизу, как диван, оставалась все такой же, как прежде. Лишь родник, выбивающийся из скалы, был снабжен блестящей серебристой трубкой, через которую ключевая вода лилась в каменный водоем. В нем стоял наполненный цветастый кувшин. Отсюда вниз по саду вода текла тоненьким ручейком, который оброс незабудками и шиповником. Все здесь благоухало: деревья, цветы, вода. Но прелестнее всего казалась девушка, сидевшая на мшистом диване. На ней была словацкая национальная одежда: жилетка из темно-синего сукна, кофточка с красочно вышитыми рукавами и белый нарядный передник. Она представилась Степану частью этого весеннего мира, напомнила ему дивный рас-



пустившийся цветок. Особенно прекрасными показались парню ее глаза, задумчиво глядевшие в воду. Девушка не замечала, что происходило вокруг нее, а молодой человек не осмеливался нарушить ее покой, так как она сидела со сложенными руками, будто молилась. Солнце сплело ве-

нок из световых лучей вокруг ее головы, украшенной темно-русыми косами. Прилетела невзрачная серенькая птичка, а так как вокруг все было тихо, она села на ветку шиповника, и из ее горлышка полилась долгая чарующая трель. «Соловей!» — невольно воскликнул парень. Давно он не слышал его пения. Девушка оглянулась. Нежный румянец появился на ее лице. Всего одно мгновение две пары глаз смотрели друг на друга. Затем молодой человек поздоровался. В окружении темной зелени сосен девушка напоминала сказочную принцессу. Он невольно поклонился ей. Она, улыбаясь, ответила ему легким кивком головы. Затем нагнулась за кувшином, отлила немного воды из него и поставила его рядом с собой на сиденье. Молодой человек лихорадочно подыскивал слова, чтобы объяснить свое появление у колодца.

— Вы хотите напиться нашей воды? Хорошо, что я взяла с собой кувшин. Прошу, если угодно... — радушно сказала она.

Степан, поблагодарив, взял сосуд, и ему показалось, что еще никогда в жизни не пил он более вкусной воды. Остаток он вылил и, выполоскав кувшин и наполнив его снова, передал его ей.

— Прошу, — начал он несколько смущенно, так как не знал, как к ней обратиться. К крестьянским девушкам обращались на «ты». Но она, хотя и носила национальную одежду и говорила с мягкой певучестью, своими манерами отнюдь не напоминала крестьянку. В то время и многие молодые дамы носили такие костюмы, поэтому он выбрал обращение на «вы».

— Вы спросили, хочу ли я напиться из вашего ключа? Но мы же на земле Янковского, а у него ведь никого нет. Или вы его родственница?

— Меня зовут Аннушка Скале. Родственницей дяди Матьяса я, собственно, не являюсь, — возразила она, немного смешавшись. — Моя приемная мать была также и приемной матерью его покойной жены, и перед



своей кончиной она послала меня к дяде, потому что он так одинок.

— А вы не боитесь его? — допытывался он, лишь бы она не ушла и он смог бы еще видеть и слышать ее.

— Никогда я его не боялась, а теперь и во все.

— А почему же теперь и вовсе?

Она улыбнулась ему, как солнце, в лучах которого они стояли.

— Когда у человека рай в сердце, тогда он и пустыни не страшится, а жить в таком раю, как у нас здесь, — истинное блаженство. Не правда ли, этот мир прекрасен, и кажется, что все в нем молится Богу: цветы, сосны, вода, золотое солнце на синем небе — все! А иначе и быть не может! Сегодня праздник Троицы. Господь Иисус на небе занял Свой престол. Оттуда Он властвует и оттуда послал нам Своего Духа Святого... Однако мне надо идти, тетя Звара ждет воды, я и так долго здесь пробыла.

— Я понесу ваш кувшин, пойдемте вместе, — предложил Степан. — Значит, вы здесь совсем недавно? — начал он снова разговор.

— Несколько недель. Но мне кажется, что я с рождения живу в Зоровце.

Аннушка, поблагодарив, взяла у него кувшин.

— Побегу я!

Он смотрел ей вслед, пока она не исчезла из виду. Когда она скрылась за деревьями, он тоже поспешил домой, но слова ее звучали в его ушах...

Бабушка Ужерова беспокоилась, пойдет ли ее внук в церковь, так как городские большей частью ничего уже не хотели знать о Боге. Поэтому вся семья обрадовалась, когда он сам захотел пойти в церковь и занял место на балконе среди старых товарищей. Им понравилось, что он не отделился от них. «Глянь-ка, Степка, — толкнул его один из них, Адам, — вон та — Аннушка Скале, подопечная Янковского, или как там его зовут. Жаль, что она живет у этого отшельника, поэтому нашему брату и не подступиться к ней. Он, вообще-то, человек хороший, как говорится, и мухи не обидит, и всем помогает, чем только может, но все-таки какой-то уж слишком странный, не от мира сего». Степан давно не слушал парня, но во время богослужения он, как бы случайно, часто смотрел на девушку и решил, что нет в Зоровце равной ей. Все остальные были хорошенькими крестьянскими девушками; она же была, как весна на дворе. Степан не знал, почему он так обрадовался, услышав, что Аннушка живет у «этого отшельника» и что парни поэтому не могли к ней подступиться.

К обеду у Ужеровых были гости — старики Миловы и еще несколько дальних родственников. Когда они ушли, домашние ожидали, что Степан наконец начнет говорить о своей невесте, однако он не упомянул о ней ни сегодня, ни на другой день. Тогда бабушка в понедельник, когда они остались с внуком вдвоем, достала из сундука фотографию и подала ее Степану.

— Чтобы не затерялась. Ты, наверное, хочешь держать ее при себе, — сказала она с любовью. Он покраснел.

— Что вы о ней скажете?

— Что сказать? Вообще-то, видная особа.

Он открыл конверт, взглянул на снимок, и вдруг, неизвестно почему, он внутренним взором увидел рядом с собою другую девушку — ту, около ключа, красивую, как воскресное утро, когда все молится. И, сравнив этих двоих, он положил снимок обратно в конверт и спрятал его в карман.

— Вам в ней что-то не понравилось, бабушка? — спросил он, осторожно покосившись на бабушку.

— Сказать тебе правду, сынок? Мне не нравится, что у нее нечего надеть.

— Что вы, бабушка! На ней каждый день новое платье, — постарался он ее успокоить.

— Вот как? И все они такие?

— Почти. В городе такая мода.

— Девушка, ничего не скажешь, красивая. Но что она здесь, в деревне, станет делать? В такой одежде она на солнце обгорит. Рукава ей, правда, в работе не будут мешать, потому что их нет, но перепрыгнуть через грядку в такой юбочке не получится! А здешние люди действительно подумают, что у нее нечего надеть. У нас ей придется одеваться по-иному. Но захочет ли она быть похожей на крестьянку?

Хорошо, что дядя Мартын позвал племянника посмотреть жеребенка. Степан не хотел пока думать о своих городских делах. Они от него не убегут! Но когда они с дядей вышли в сад, тот остановился под орехом.

— Ты с бабушкой говорил о своей избраннице?

— Да, дядя. А что вы о ней скажете? Нравится она вам?

— Я ее не знаю, сын мой; снимок мне ничего не говорит. Но действительно ли вы любите друг друга, как мы с Сусанной?

— Ну, девушка мне нравится. О такой любви, как у вас, я говорить не могу, она, наверное, потом придет, когда получше узнаем друг друга.

— А если не придет? Брак, мой мальчик, не военный парад, то есть он не только для види-

мости. Мы поженились, очень любя друг друга, и все же нам иногда приходилось ой как трудно! У меня — свои причуды, у Сусанки — свои. Но если двое любят друг друга, тогда им легче прощать и не обращать внимания на мелочи. Такой любви даже война помешать не может. А если двое вступают в брак, лишь надеясь со временем полюбить друг друга, они очень рискуют: а вдруг истинная любовь так и не придет к ним? У этой девушки есть родители? Они уже старые?

— Живы оба, и не старые вовсе. Я жил у них. Мне нравилось у них в семье. Они хорошо ладят между собой. Отец, правда, много пива пьет, а мать любит ходить в кино и в театр. Знаешь, они порядочные люди и прилежные труженики. Дочь выходит только с родителями. Я знаю, что они хотели бы для нее найти жениха побогаче, но Ида всегда настаивает на своем.

— И они бы ей позволили выйти замуж в деревню?

— Этого я не знаю, но ей и не обязательно жить в деревне. Ведь я тоже не крестьянин. Механик может жить и в городе, и работу я смогу там найти.

— В Богемии? Не верю. Там у них хватает своих специалистов. Но оставим это дело, сынок, поживи немножко дома. От любви ты не умираешь, это я вижу, зачем тебе так поспеш-

но связывать себя обязательствами? Если эта девушка тебе предназначена, то она от тебя не уйдет. У тебя есть отчий дом, где тебя всегда примут и обогреют. Здесь, дома, твоего отцовского наследства вполне достаточно, чтобы тебе безбедно прожить, и, если купишь машину, можешь заработок откладывать, грош за грошом. Не следует жениться без денег, особенно в городе. Красивая женщина дорогого стоит! Но прежде поживем еще вместе, родным гнездом. Война на годы сократила нашу жизнь. И если ты из-за женщины оставишь нас и уйдешь жить в город, мы осиротеем, лишившись друг друга.

Похлопав племянника по плечу, дядя перевел разговор на другую тему: заговорил о военном времени и о летной школе, и вскоре между ними снова завязался оживленный разговор.

Глава 8

Три-четыре недели — время, кажется, недолгое, и все же немало произошло за этот период, злого и доброго! Со дня Вознесения в Зоровце случилось нечто такое, что люди забудут нескоро.

На Троицу пастор распрощался со своей общиной в Зоровце. Десять лет прослужил он

здесь, а во время переворота немалую пользу принес людям добрыми советами и истинно дружеским отношением к ним. Но так как дети его подросли и хотели учиться, он подыскал себе место в городе. Общине в Зоровце он порекомендовал одного молодого человека, Августа Моргача, помогавшего ему во время праздников и только что принявшего сан священника. «Что нам долго искать, — решили прихожане, выслушав его проповедь во второй день праздника, — он пригож внешне, хороший оратор и певец, выберем его!» Сказано — сделано. В день Троицы провели голосование и выбрали его единогласно. Зоровчане были счастливы, что так скоро решили этот вопрос, — в других общинах иногда по полгода ждут пастора. Осенью у них появился и новый учитель, Людвиг Галь. Особенно молодежи он пришелся по душе — зимой учитель организовал национальное гимнастическое общество, и теперь по вечерам молодые люди собирались в школе. И воскресенья они ждали с особенным нетерпением, даже те, кто к музыке был почти равнодушен.

Вторым событием были выборы старосты деревни. Община избрала Милова, отца Доры. Он оказался подходящим человеком. На воен-

ной службе командовал взводом и умел распоряжаться. Милов читал много газет и, по мнению сельчан, был мудрым человеком. Именно такой староста им и нужен был, так как на должность нотариуса прислали в Зоровце словака, который все еще смешивал словацкий язык с мадьярским¹ и, как считали в селе, вообще мало что смыслил в своем деле.

Для Аннушки эти недели прошли как приятный сон.

Последний день мая выдался ясным и солнечным. Легко шагая, девушка спешила по лугу, она несла обед хозяину и Зварам. Немного погодя Матьяс сидел на зеленой меже, а она — у его ног. Ветви отцветшей яблони склонялись к ним. Аннушка радовалась, что хозяин с таким аппетитом ел блюдо, которое, как тетушка Звара ей шепнула, он просто обожал. Так как она принесла ему довольно большую порцию, он предложил и ей поесть с ним, но она отказалась:

— Ешьте, ешьте, дядя, я дома уже поела, и Зварам я тоже достаточно принесла.

— Ну вот, — сказал Матьяс через некоторое время, отставив пустую чашку. — Было очень вкусно. Ты замечательно приготовила обед!

¹ То есть с венгерским.



— Как я рада, что вы довольны! — воскликнула она. — Матушка тоже часто говорила, что это у меня получается хорошо.

— Она была права. Так сытно и вкусно, как ты меня кормишь, я уже давно не ел.

Лицо Матьяса стало задумчивым. Он вынул Новый Завет из кармана пиджака:

— Звары хотят еще поработать, а мы с тобой сейчас сделаем кое-что получше — прочитаем первый стих 103 Псалма: *«Благослови, душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием»*.

Когда Аннушка через четверть часа возвращалась домой, сердце ее было наполнено счастьем. Она восхищалась мудростью Божьей, Его творением. В благоговейном раздумье она не заметила, как оказалась на погосте. И здесь росли цветы, пели птицы и жужжали пчелы. Вдруг Аннушка остановилась. Ах нет, земля не рай, если здесь слышны такие жалобные воз-

гласы. «Отец мой родной!» — услышала Аннушка и мгновенно бросилась к женщине, распростертой на могиле, горько рыдающей и причитающей. Платье на ней было порвано, испачканные кровью рукава висели клочьями. Аннушка узнала женщину: это была жена соседа-сапожника.

— Тетушка Сенина, что с вами случилось?

Женщина не подняла головы.

— Что со мной случилось? — сокрушалась она в отчаянии. — Я не слушалась отца. Как он был прав, когда предостерегал меня! Все случилось так, как он мне предсказывал. Ах, мой дорогой, добрый отец, как хорошо вам в сырой земле, а я, несчастная... ах, возьмите меня к себе!

— Прошу вас, тетушка, встаньте и идите домой, — уговаривала Аннушка.

— Домой? Никогда в жизни! — женщина вскочила и стояла теперь перед Аннушкой простоволосая, растрепанная, со свисающим на лоб клочком окровавленных черных волос, грубой рукой вырванных вместе с кожей. Под вспухшими глазами уже появились зеленоватосиние пятна. Изодранное платье едва держалось на оголенных плечах, на руках вспухли кровавые полосы. Видно было, что истерзанная женщина вырвалась из рук своего мучителя.

— Видишь, как он меня изуродовал? И зачем я только убежала, когда он хотел меня убить! Лучше бы убил, и все было бы кончено!

— Ваш муж опять напился?

— Да! Он уже с вечера начал и всю ночь не давал нам покоя. Я не захотела отдать ему последние гроши, и он разозлился. Напрасно я упрасивала его, говорила, что мы уже почти нищие. Он уверял, что перестанет пить, как только уплатит долги за кожу и в пивной, но я ему уже не верю. Он всегда обещал исправиться, когда ему что-то было нужно, но ни разу не сдержал своего слова. Когда он, окаянный, не мог найти в сундуке ценных бумаг, хотя они были у него под руками, он начал меня истязать: сорвал с меня одежду, таскал за волосы, пинал как собаку. Не верь, дитя мое, мужчинам! Раньше я за своего переплыла бы Ваг. Ведь я за него пошла против воли моих родителей, чем и свела отца в могилу. Я у них была единственной, и они берегли меня, как сокровище. А он что со мной сделал? Видишь, все мое тело истерзано, голова в ранах; и ты говоришь, чтобы я пошла домой?

— Нет, тетя, туда вам нельзя идти! Но и здесь вам оставаться тоже не годится. Если люди увидят вас в таком состоянии, это будет позором для вашего покойного отца. Идемте со мной; эта тропинка ведет к нашему саду. Люди

сейчас в поле, и никто нас не увидит. Там я вас умою и переодену.

В отчаянной растерянности женщина посмотрела на могилы вокруг и вдруг, рванувшись, зашагала так быстро, что Аннушка едва поспевала за ней. Несчастной хотелось поскорее скрыться с людских глаз. И женщины действительно никого не встретили. Аннушка собиралась сегодня стирать, и вода уже была нагрета. Она выкупала бедную женщину и перевязала рану. Никто ее, правда, этому не учил, но любовь — хороший учитель. Нежные руки девушки будто были созданы для врачевания! Помытая и перевязанная, женщина отказалась лечь в постель девушки, и поэтому Аннушка постелила ей на кушетке на кухне. Она надела на бедняжку старенькое платье Марийки, надеясь, что хозяин не осудит ее за это. Заботливо она укутала больную в свой теплый платок, а та подчинялась ей, как во сне. Молочный суп, который Аннушка потом принесла, она съела с жадностью.

Как хорошо было бедному истерзанному телу в мягкой теплой постели! Успокоившись, женщина так крепко заснула, что и не слышала, как Аннушка убирала на кухне. В нерешительности девушка остановилась у чана с грязной водой. Выносить из него воду ведрами она

не хотела, чтобы не разбудить женщину, а одной ей тяжелый чан было не поднять. «Господи», — вздохнула она. И вдруг в окне показалось веселое лицо Ильи Ужерова. «Дядя дома?» — спросил он.

Она дала ему знак войти и вести себя тихо. Удивляясь, он вошел, и Аннушка коротко рассказала ему о происшедшем. Потом она попросила его помочь вынести чан с водой.

— Для тебя это слишком тяжело, — сказал Илья и убежал. Вскоре он вернулся с дядей Мартыном, и они вдвоем вынесли чан с водой и вымыли его у колодца. Там только Аннушка подробно рассказала им, что случилось с соседкой. Она показала им платье и волосы бедной женщины. Мужчины возмутились.

— Проклятое пьянство! Как хорошо было бы без него на свете! — вздохнул Мартын Ужеров.

Благодарность Аннушки они не приняли.

— Не благодари, — сказал Илья, взяв ее за руку, — что мы сделали для соседки в сравнении с тобой? Ты нас только позови, когда нужна будет помощь. Мы с радостью придем, нам приятно видеть, как ты служишь людям.

Когда Аннушка наконец села пообедать, она вспомнила, что соседка ей рассказала во время одевания. Муж ее, наверное, порубил сундук и разодрал одежду, потому что он побежал за то-

пором, когда она убежала. Он, скорее всего, нашел и деньги, и теперь у нее, наверное, уже ничего нет. Аннушка так близко приняла к сердцу беду соседки, что начала размышлять, как бы ей оказать посильную помощь. Вчера ей нужно было пойти к Сенину спросить, не подойдет ли он пару сапог для хозяина. А если пойти сегодня? Ведь на нее сосед не злится даже пьяный. Хотя у нее были благие намерения, Аннушка все же опасалась этого изверга. Но тут она подумала, что женщине действительно нечего надеть, и любовь к ближнему победила страх в ее сердце. Некоторое время спустя она переступила порог дома Сениных. Ужас охватил девушку, когда она вошла в заднюю комнату, где Сенин обычно работал. Аннушка с детства боялась пьяных. В комнате не было ни души, поэтому она осмелилась открыть притворенную дверь в переднюю комнату. На пороге она испуганно остановилась. На разрытой постели громко храпел сосед. Он, наверное, не проснулся бы, даже если бы рядом с ним стреляли. «Он не знает, что сделал, — подумала она, — и как ужасно он выглядит — как дикое животное!» Она со страхом оглянулась. Сундук был открыт, вещи из него выброшены и разбросаны по полу, измятые, но целые. С сильно стучащим сердцем она подкралась все же к сундуку,

расстелила лежавший на полу платок и завязала в него одежду — столько, сколько вместилось. При этом что-то выпало из вещей и покатило в сторону кровати. Аннушка потихоньку закрыла сундук, повернула ключ и взяла его с собой. Нагнувшись за узлом, она заметила тот предмет, который выпал из вещей. Это был маленький узелок, завязанный в носовой платок. Она догадалась, что в нем было, и, бросившись к нему, крепко его схватила. В это время храпящий еще и громко захрюкал. У Аннушки ноги затряслись от страха: а вдруг он откроет глаза и увидит ее с узлом? Что он подумает? Как она попала в его дом, зачем ей этот узел? Девушка невольно закрыла глаза и задержала дыхание. Но крепко спавший на кровати пьяница пробормотал лишь ругательство и снова захрапел. Аннушка не знала, как ей уйти со своим узлом, а бежать с таким грузом было вообще невозможно. Она знала лишь, что кое-какие вещи спасла-таки для соседки. Когда девушка вышла на кухню, она положила узел на стул, чтобы самой немного отдышаться. Она вся дрожала. Смелости у нее было явно маловато, лишь сочувствие к несчастной придавало ей решимость. Как только дело было сделано и она оказалась дома, силы ее оставили. Она положила руки на стол, склонила на них голову и заплакала.

— Аннушка, что с тобою случилось? — услышала она вдруг озабоченный голос Матьяса.

— Ах, это вы, дядя? Вы здесь? Слава Богу! — вздохнула она облегченно.

— Меня Илья послал. Но что это у тебя за узел и почему ты плачешь?

— Я уже не плачу! — улыбнулась она сквозь слезы. — Зайдемте в комнату, чтобы не разбудить соседку.

Они зашли в переднюю. Там Аннушка все рассказала Матьясу.

— Мне стыдно, что я такая трусиха. Хорошо, что он спал; а если бы он проснулся?! Он, наверное, избил бы меня, как тетю... — сказала она, дрожа всем телом.

— Господь тебя сохранил, — ответил Матьяс, глубоко вздохнув и погладив девушку по голове. Он с ужасом представил себе, что кто-то мог бы схватить ее за эти прекрасные шелковистые волосы.

— Значит, ты спасла не только одежду, но и ценные бумаги соседки?

— Думаю, что это так.

Девушка достала узелок и подала его хозяину. Он раскрыл его и проверил содержимое.

— Небольшое богатство у нее, бедной! — определил он, свернув все в пакетик и положив его в шкаф к своим бумагам. — Пора, навер-



ное, готовить обед, — сказал он немного погодя. — Но, чтобы не потревожить нашу гостью, сходи-ка к Ужеровым и попроси бабушку сварить что-нибудь для нас. А я сейчас пойду, посмотрю за соседом. О его жене ты с Божьей помощью позаботилась, но что с его бедной матерью?! Может быть, он и ее обидел? Подожду только, пока ты придешь от Ужеровых.

Аннушка скоро вернулась. Бабушка не только согласилась приготовить для них обед, но и обещала прислать для соседки чашку куриного супу, который она как раз варила для Степана. Аннушка застала Матьяса уже не одного. В передней на скамье сидела бабушка Сенина и плакала. Она поведала, где пряталась до сих пор; рыдая, призналась, что она видела, как сбежала сноха от ее разбушевавшегося сына. Когда в доме все утихло, она все же не осмеливалась пойти посмотреть, что там делается. Потом Сенина видела, как пришла Аннушка и как она ушла с узлом. Старушка восхитилась ее смелостью. Увидев Аннушку, она поняла, где прячется ее сноха. Подождав еще немного, она наконец

осмелилась оставить свое укрытие и поспешила сюда. Трудно утешать мать, которая сама испортила сыночка своим отношением к нему: сделав из него кумира, она во всем потакала ему, скрывая ото всех его проступки. Но теперь она уже не пыталась оправдать его, и горькое чувство вины повергало ее в отчаяние. Янковский прочитал ей из книги пророка Исаии и объяснил, что даже если грехи ее и сына будут как багряное, Кровь Иисуса может убелить их, как снег, и простить их. Аннушка предложила бабушке кофе, который Ужеровы передали для больной, зная, что кофе подкрепит бедняжку, которая от горя ничего не могла есть.

Потом Янковский отправился к своему соседу. Когда он вошел в комнату, Егор Сенин уже сидел, потягиваясь, на краю кровати. Волосы его безобразно свисали, он зевал, урча и подвывая. Лицо его было бледным и опухшим, глаза словно остекленели, но он уже протрезвел.

Янковский поздоровался:

— Вы что, сосед, только встаете?

— Да - а... — заикаясь, оправдывался сапожник, — я вчера поздно лег. Что вам от меня нужно?



— Вы можете мне подбить подошвы к этим сапогам?

— Пожалуйста, хоть сегодня.

— Хорошо. Они мне завтра нужны. Подошвы у меня дома.

— Вот соберусь и приду за ними.

— Придите, пожалуйста, поскорее, мне нужно идти на луг.

Янковский ушел. А Сенин сел за стол и задумался. Проснувшись, он подал голос, но никто не откликнулся. Осмотревшись в комнате, он понял, что из женщин здесь еще никого не было. «Я был пьян, и они убежали; но они придут!» Он умылся, причесался и пошел в кладовку. Там у них было еще немного квашеной капусты. Он напился рассолу, чтобы угасить внутренний жар, и поспешил к соседу.

Во дворе он встретил Янковского с сапогами в руках.

— Может быть, вам лучше не заходить?

— Это почему же? — удивился сапожник.

— Присядем на это бревно, я вам скажу, почему.

Они сели, и Янковский начал рассказывать, как Аннушка на кладбище нашла некую женщину, как она ее приютила и что эта женщина теперь у них на кухне лежит и спит. Янковскому не нужно было называть имени этой жен-

щины, Сенин понял, о ком шла речь, так как вдруг вспомнил все, что произошло ночью и утром.

— Я посмотрю на нее и узнаю, так ли все, как вы рассказываете, — воскликнул он, рассердившись и вскочив с места.

— Хорошо, но не забывайте, что входите в мой дом, где вы никому не можете причинить зла!

Непривычно строгий тон испугал мужика. Он тихо вошел на кухню как раз в тот момент, когда Аннушка меняла повязку на голове его несчастной жертвы. Он увидел изуродованное, опухшее лицо, услышал болезненные стоны жены и, как все пьяницы, тотчас начал оправдывать себя. Он, дескать, был пьян, не знал, что делал, а она раздражала его своим недовольством и упреками. И почему же она раньше не ушла, ведь смогла же она потом убежать? Но Янковский завел его в комнату и закрыл дверь.

— Напрасны ваши отговорки, — сказал он строгим голосом. — Вы вели себя хуже зверя. Ваша жена вся избита, на ее голове несколько ран, клоки волос вырваны с кожей. Знайте же, что Ужеровы оставили корыто с окровавленной водой, а Илья, не желая быть причастным к возможной смерти вашей жены, сразу же поехал за врачом. Так что скоро врач должен

быть здесь. Уж он-то ваши извинения не примет. Слишком много свидетелей, чтобы скрыть это дело. А если у вашей жены приключится горячка и она умрет? Перед Богом вы уже ее убийца, а можете им стать и перед людьми. Безумный мир приписывает действиям пьяного смягчающие обстоятельства, но перед престолом Божиим вы не сможете оправдаться, ибо для Него — это грех, о котором написано: *«Пьяницы... Царства Божьего не наследуют»*¹. И за что, собственно, вы так избили свою жену? За то, что она не отдавала вам последний грош, который вы хотели пропить! Мало вам, что вы свою мать сделали нищей? Да вы и сами закончите свою жизнь оборванцем и бродягой, которого после того, как он пропьет последние деньги, шинкарь выбрасывает на улицу. Если бы ваша жена готова была предстать пред Богом, то для нее лучше было бы умереть от жестоких побоев. Ее бы хоть по-человечески похоронили, прежде чем она по вашей вине станет нищей и ее похоронят на средства общины. Однако я этого не желаю, потому что сейчас вы — ее убийца.

Сенин, сидевший до сих пор подперев руками голову, вскочил:

¹ 1Кор. 6:10.

— Не говорите, что она умрет и что я ее убил, иначе я сейчас пойду и покончу с собой!

— Ничего вы не сделаете, — ответил Янковский спокойно, загородив ему дорогу. — Попросите свою мать, чтобы она с вами пошла домой и привела хижину в порядок, смыла бы кровавые следы вашего поступка, которые обвиняют вас. Когда приедет доктор, мы вас позовем, и вы ему скажете всю правду. Мы на вас не заявим, и ваша мать, конечно, тоже, а жена будет молчать — из-за страха перед палачом, из-за боли и стыда. Если ее раны не смертельны, Бог вас пощадит еще раз.

Когда мужчины вернулись на кухню, Сенин действительно попросил свою мать пойти с ним домой. После обеда пришел врач и сказал, что состояние бедной женщины очень опасно. Он обрадовался, узнав, что Янковский согласен оставить ее у себя, особенно когда Аннушка показала ему комнату, где хотели положить больную. С Сениным врач очень строго разговаривал. Он подтвердил слова Янковского и добавил: «Хорошо, если ваша жена останется в живых благодаря Аннушке». Врач предложил в случае ухудшения состояния немедленно доставить больную к нему, чтобы установить, нет ли у нее внутренних повреждений.

Для Аннушки доктор нашел помощницу — невестку учителя — профессиональную сидел-

ку из службы социального обеспечения. Та очень хвалила Аннушку, называла ее прирожденной сиделкой и жалела, что, закончив гражданскую школу, она не смогла продолжить обучение. Аннушка многому смогла научиться у своей помощницы. Правда, трудно сказать, кому из них двоих совместная работа принесла больше пользы. Аннушка не скрывает от девушки, как счастлива она со Христом. Сиделка была легкомысленным, но добрым человеком. Она лишь посмеивалась над отсталостью крестьянской девушки. И все же рассуждения Аннушки не оставили ее равнодушной. Из любопытства она по вечерам участвовала в домашнем служении. Этот Иисус, к которому они здесь обращались, был для нее чем-то совершенно новым, особенно ее поразила мысль, высказанная Янковским, что Иисус, хотя и невидимо, живет с ними и слышит все их просьбы. Сиделка ценила Янковского как незаурядного человека, который духом и разумом своим значительно превзошел свое окружение. В его доме действительно старались жить так, как повелел Христос. Они приняли к себе бедную больную как родную сестру; и не только ее, но и этого несчастного пьяницу. Она слышала, как Янковский, когда староста Милов распорядился, чтобы жандарм взял сапожника под стражу,

сказал: «Надо ли нам осуждать своего земляка, если он хочет исправиться? Не лучше ли дать ему работу, чтобы он добывал свой хлеб? Всем вам, умеренно пьющим, угрожает та же опасность — потерять человеческий облик. Когда-то и Егор Сенин пил умеренно, но уже его отец, кровь которого он унаследовал, был пьяницей. Так что и вы можете опуститься на эту ступень. Зародыш зла, совершенного другими, есть в каждом из нас, так как нет на земле ни одного праведного. Мы все блуждали, как овцы, всякий на своем пути. Господь же все наши грехи возложил на Иисуса Христа».

И зоровчане послушались и не пожаловались на Сенина. Они принесли ему много обуви для починки, так что сапожнику приходилось день и ночь работать, и он даже на улице не показывался. Лишь иногда он через сад прибежал в дом Матьяса и справлялся о своей жене. Егор Сенин был одним из тех, которых трезвыми и золотом не оплатить. За несколько недель он внешне изменился так, что казался новым человеком, его нос уже не так блестел, и лицо не было таким отекившим. Каждый вечер он находил в себе силы прийти на молитву и сидел с опущенной головой на скамье возле двери. Как только вставали с молитвы, он исчезал из комнаты. Возможно, Егор приходил

лишь потому, что односельчане пытались сохранить жизнь его жене. Но, может быть, нравственные правила истинного христианина Матьяса Янковского становились, хотя бы частично, убеждениями сапожника Сенина!

Так размышляла девушка-сиделка, когда после нескольких недель, проведенных в заботах о жене Сенина, она наконец вышла с нею из дома. Вместе с доктором они доставили больную в окружную больницу, где врачи нашли у нее внутренние повреждения. Но благодаря своевременной помощи и хорошему уходу дело уже шло на поправку. Конечно, должно было пройти еще несколько недель, чтобы эта женщина совсем выздоровела. Девушка обегала все инстанции, и ей, как сотруднице службы социального обеспечения, удалось добыть для больной место в больнице на продолжительное время. Девушка хотела проявить не меньше любви к ближнему, чем Аннушка, которой Сенина была обязана спасением жизни. В мире всегда так. Кто-то выражает хорошую мысль, а другие ее воплощают в жизнь; и, если кто-то совершает доброе дело, другие хотят его превзойти! Всходы дает не только злое, но и доброе семя, если оно посеяно вовремя. Так произошло и с добрым семенем, которое Аннушка посеяла в сердце Цили Сениной. Хотя эта жен-

щина тогда не могла ни говорить, ни размышлять, она никогда не забудет, что увидела, ощутила и услышала. С благодарностью приняла она от Янковского Новый Завет, который подарил он ей перед отъездом. Серьезно поговорив с ней, Матьяс привел к ней мужа, искренне желавшего попросить у нее прощения. Горько заплакал Егор, и его горячие слезы растопили холод, отчаяние и горечь, сковавшие ее сердце, и она сказала: «Если Бог даст и я поправлюсь, я к тебе вернусь, Егор, когда услышу, что ты за это время ни разу не был пьян. Если же будешь пить дальше, то не жди меня в своем доме! С пьяницей, который хуже зверя, я жить не хочу и не буду!»

В тот день, когда Циля Сенина рано утром уехала из родного Зоровце в больницу, у Ужеровых была большая стирка. Они взяли с собой и белье Аннушки и корзину Рашовых тоже поставили на воз, за которым смотрела бабушка Симонова. Эта стирка на берегу Вага была, как веселый праздник! Дора и Аннушка под шум воды распевали песни.

А в доме Янковского стало тихо и безлюдно, так как и тетушка Звара отправилась к реке, чтобы отнести прачкам завтрак. Только старик Звара во дворе складывал привезенные накануне дрова. Тут ему в руки попал старый улей,



о котором Матьяс сказал, что он годится лишь на дрова. Звара приготовился уже его расколоть, но в этот момент вдруг забеспокоились свиньи в хлеву, и он поспешил к ним. Между тем Янковский, вернувшись из сада, взял топор и ударил по сгнившему дереву. Улей рассыпался, и из старых досок выпал конверт, но не пустой, а со старым пожелтевшим от времени письмом. Матьяс поднял его, рассмотрел и, отложив топор, ушел с письмом в свою комнату. Ах, как знаком был ему почерк на конверте! Так писала лишь одна-единственная рука, самая дорогая на земле! Написано на конверте было немного, но каждую букровку, каждую строчку он прочел бесчисленное количество раз. Как же это сокровище попало в один из старых ульев? Сидя за столом, он еще раз рассмотрел конверт и вдруг обнаружил, что письмо было адресовано в М., и оттуда почта переслала его в Зоровце. Он не мог припомнить, чтобы таким путем когда-либо получал известие от своей любимой жены! Что-то вроде священного трепета овладело им, когда он разворачивал письмо. Оно действительно было от Марийки, притом такое

длинное! Она никогда не забывала указывать место и число, но здесь было что-то не так. Она ему писала только после помолвки с ним. А здесь были обозначены незабываемый год ее смерти и день, когда ее уже не было в живых. На мгновенье его рука с письмом опустилась, но потом он с жадностью начал читать.

«Дорогой мой, любимый Матьяс! Ты, наверное, удивишься, увидев, откуда посланы тебе мои строки. Да, я здесь, у моей доброй приемной матери, и прошу тебя, приезжай ко мне, родной мой, как только получишь это письмо. Я хочу успеть проститься с тобой, если Господь призовет меня при рождении нашего ребенка. Я не могу уйти, не поблагодарив тебя за твою любовь. Правда, мы так мало времени принадлежали друг другу, но те последние три недели перед нашим расставанием были для меня раем на земле. В мой смертный час я буду вспоминать, как мы вместе сидели под соснами, будто Адам и Ева в райском саду! Приезжай, чтобы я еще раз могла прижаться головой к твоей груди, услышать твой голос и посмотреть в твои милые вер-



ные глаза! Я их любила больше звезд на небе. Я не жалею, что мне придется умереть такой молодой, жаль только тебя. Но думаю, что смогу оставить тебе в утешение нашего ребенка. Об одном только прошу: оставь его у моей приемной матери, она с любовью воспитает его для тебя. Что ты будешь делать с бедной малюткой? Твоя мать уже стара, и, если она меня не смогла полюбить, дитя будет ей в тягость. У моей матери ему будет так же хорошо, как было мне. Ты его всегда сможешь навещать и радоваться ему. Не хочу больше об этом писать, так как надеюсь тебя еще увидеть и обо всем рассказать. Я тебе лучше напишу, как я сюда попала, — удивишься, наверное.

Я стирала на берегу Вага, и белье так быстро высохло, что мне удалось его с подводой отправить домой. Остался лишь узелок с детским бельем, которое, когда все ушли, я выстирала с любовью и не спеша. Ведь дома меня никто не ждал. Пока ветерок сушил мое белье, я лежала на траве. Так как я утром встала рано, мне захотелось поспать; к тому же у меня болели ноги и спина. Ваг меня будто убаюкивал, и я крепко заснула. Во сне я вдруг услышала голоса, и тут кто-то меня разбудил. Я открыла глаза. Надо мной сияли звезды и луна. Она показалась мне такой большой и ясной, будто появилась из

Вага. Но был там еще и другой свет. Я присмотрелась и увидела, что к берегу Вага причален плот, на котором горел небольшой огонь. Вокруг огня сидели сплавщики, а один из них стоял передо мной. «Марийка, что ты здесь делаешь? Почему ты здесь спишь?» — спросил он меня. Я его узнала, это был Иштван Уличный, мой школьный товарищ, о котором я тебе часто рассказывала, ведь мы с ним были хорошими друзьями, как ты с Сусанной Ужеровой. Он, бедный, наверное, думал, что я стану его женой, но когда все получилось иначе, он на меня не рассердился. Теперь он стоял передо мной испуганный, но все же и обрадованный, потому что увидел меня. Я ему рассказала, как здесь очутилась. Он спросил про тебя и, узнав, что тебя нет дома, предложил мне поехать со сплавщиками. Они только хотели привести в порядок плот, а ехать предстояло мимо моего родного дома, вниз по течению. Как я обрадовалась! Я так тосковала по моей матушке, а мое одиночество в будущем внушало мне страх. С тех пор как ты уехал, твоя мать со мной не разговаривала. Пешком идти или ехать на возу, чтобы навестить мою крестную, я уже не могла. Сам Бог услышал мои молитвы и помог мне. Ах, как хорошо мы плыли вниз по течению! Сплавщики охотно взяли меня с собой. Вместе с дядей Холовым ехала его старшая сноха Ева,

моя бывшая соученица. Она мне сразу постелила в палатке. Но сначала мы вместе поужинали. Так как было уже прохладно, а я весь день не ела горячего, суп с бараниной мне очень понравился. И приветливость сплавщиков, и их забота обо мне были так приятны! Моя школьная подруга заботливо укрыла меня, и вскоре волны Вага унесли нас в мой родной край. Ребенком я часто смотрела вслед сплавщикам, когда они проплывали мимо дома Холовых, и думала, как прекрасно, должно быть, плыть вот так по реке! И теперь я это испытала. Поездка по ночной реке и в самом деле была похожа на сказку! Ах, Матьяс, это была такая чудная ночь! Сияли звезды; я видела часть неба, потому что полог нашей небольшой палатки не был опущен. От ударов весел плот слегка покачивался. Иштван немного посидел около меня. Он сказал, что проведет этот плот, а потом уедет в Вену. Брат прислал ему билет на пароход, чтобы выехать в Америку, поэтому он так радовался нашей встрече. Мы простились навсегда, ибо неизвестно, удачно ли он переплывет океан, да и мне предстояло пройти море скорби. Когда он снова пошел к веслам, я попросила спеть те прекрасные песни, которые так часто слышала от сплавщиков. Песня понеслась на волнах, огонь, разведенный Евой,

потрескивал и освещал лица сплавщиков, особенно Иштвана, голос которого выделялся среди других, когда они пели:

*О, знала бы я, когда смерть моя!
Из мрамора гроб заказала бы я,
Льняным рушником повязала б его,
У молодца слезы б лились на него.*

От печальной песни я заплакала. Глаза мои закрылись, и я во сне увидела большую воду — уже не наш Ваг, — и эта вода унесла меня далеко от берега. На том берегу стоял ты. Ты протянул мне руки, но я не смогла перебороть волны. «Если я умру, — подумала я во сне, — тогда смерть меня вот так унесет от Матьяса. Но куда?» И вдруг я вдали увидела необычайный свет. Он раскрылся, как большие ворота, и из них вышел Сын Божий. Я знала, что это Он, но лица Его не видела. Признаюсь тебе, Матьяс, что мне бывало очень тяжело, когда ты уходил и оставлял меня одну, и я в своем одиночестве утешалась лишь Словом Божьим. Когда я жила еще дома, к нам иногда приходил продавец Библий, и моя Библия куплена матушкой у него. Это был очень добрый молодой человек, и он знал Господа и Его священное Слово. Он объяснил нам, как искать Иисуса Христа и как молиться. Он убеждал меня, чтобы я полно-

стью доверилась Спасителю, Который кровью Своей искупил меня на кресте и омыл меня в Своей невинной крови. Но сердце мое в то время уже было занято любовью к тебе, в нем не было места для Иисуса; я Его даже забыла. Потом, конечно, когда я была одинока и в таком горе, я припомнила все те добрые слова. Я достала Библию и стала искать Господа, хотя заблудшая овца не может найти своего пастыря. Так и я не могла Его найти, но во время чтения мне часто казалось, что Он стоит передо мной. Так как я много думала о Нем, то и теперь, во сне, сразу узнала Его, когда Он шел мне навстречу. Однако это был лишь сон. Он рассеялся, и я проснулась на плоту. Огонь угас, луна скрылась за черными тучами. Ева спала рядом со мной, и сплавщики крепко спали. Плот тихо несся по волнам, а меня вдруг охватил ужас. Мне представилась смерть и тот момент, как я предстану перед Богом. Все злое, о чем я когда-то думала и что делала, вызвало во мне чувство вины. Радовало меня лишь то, что ни одно из всех моих прегрешений не касалось тебя. Против тебя я не согрешила. Больше всего меня мучило, что я никак не могла полюбить твою мать, что я злилась на нее и не могла ей простить то, что она со мной так обращалась. Вдруг я поняла: если я ее не прощу, Господь

мне тоже простить не сможет. В этом страхе я начала молиться, как советовал нам тот книго-торговец. Я просила Спасителя помиловать меня, молила о помощи. И Он меня услышал, так как вдруг вся тяжесть с меня спала. Я смогла простить мою обидчицу и знаю, что и Он меня простил. В этом я уверена и сейчас, когда пишу тебе. Господь Иисус Христос сказал, что те, кто заново не рожден, не могут увидеть Царства Божьего. Теперь я это понимаю; я знаю, что в ту чудную и одновременно страшную ночь моя душа возродилась к новой жизни. Я тебя очень люблю, Матьяс, но Иисуса — намного больше. Поэтому прошу тебя: ищи и ты Его! Читай неотступно Его Слово, и ты Его обретешь, как я.

Несколько часов я не могла писать, потому что мне было очень плохо. Теперь мне стало лучше, и я могу закончить письмо, чтобы отнести его на почту.

К обеду наш плот счастливо прибыл на место. Сплавщики причалили к берегу и попрощались со мной. Иштван проводил меня до нашего сада и отнес мой узелок. По дороге я ему рассказала, что пережила в эту ночь. Он ответил, что у него есть с собой Новый Завет, и обещал каждый день его читать; на прощание мой старый друг сказал, что никогда не забудет мои слова.

Родные встретили меня в саду и очень благодарили Иштвана за то, что он меня привел к ним. Затем мы сердечно с ним попрощались. Он, бедный, плакал, так как мы на земле, наверное, никогда уже больше не увидимся. Матушка моя, увидев, что я едва стою на ногах, уложила меня в постель. Ах, какая это была благодать — снова оказаться дома, где я никому не мешала! Мне стало намного легче при мысли, что в свой трудный час я буду не одна. Но когда я уже лежала в постели с закрытыми глазами, но еще не спала, я услышала, как мой приемный отец сказал: «Лежит она так тихо, как святая. Такие люди долго не живут... Но если это так, то хорошо, что она хоть дома»... И родители заплакали. Но, отдохнув, я встала и вот с тех пор пишу это длинное письмо. Я несколько раз отдыхала за это время, но теперь надо его закончить. Еще раз прошу тебя, родной мой, приезжай. Если же нам не суждено увидеться, то да воздаст Господь тебе за всю твою любовь и соединит нас там, куда Он взял разбойника с креста¹, где не будет больше смерти. Поцелуй за меня милое мое дитя; оно тебя утешит.

Бог с тобой, родной мой Матьяс!

Целует тебя верная твоя Марийка».

¹ Лк. 23:39 – 43.

Трижды прочитанное письмо лежало теперь на столе перед Матьясом Янковским. Открылась тайна, годами скрывавшая исчезновение его любимой жены. Он узнал правду, и это его чуть не убило. Кровь прилила ему в голову, и сердце учащенно забилося.

«Она там лежала, как святая, — произнес он вполголоса, — а здесь все еще думают, что она утопилась. Волны Вага ее унесли, но не проглотили. Напрасно я все эти годы сидел на берегу, глядя в пучину. Моей милой там не было, воды не накрыли ее. Неожиданно пришла помощь, которую послал ей Бог, и Марийка вернулась домой, куда ей так хотелось. Напрасно мы обыскали весь Ваг; в то время она, значит, еще была жива! Письмо ее в М. меня уже не застало и было переправлено сюда».

Поняв это, Матьяс поднял голову, взгляд его упал на постель своей матери — и вдруг ему все стало ясно. Она так тяжело умирала и все старалась что-то сказать — но ее не поняли. Он и теперь видел ее жалобный беспокойный взгляд, который она устремляла на него, когда говорила о старом улье. Мать, наверное, хотела наконец признаться сыну, что она не отдала ему этого письма, и указать, куда она его дела, но Бог не допустил этого, ибо было уже слишком поздно! Если бы она отдала ему письмо,

когда оно прибыло, он мог бы поспешить к Анне Скале и застать жену еще живой или мертвой; ведь неизвестно, когда она скончалась. Ах, напрасно она его ждала — он не пришел! Но почему ему не ответили на письмо, в котором он им сообщил о том, что Марийка утопилась? Люди зря ее обвиняли! И как это было возможно, что не пришло сообщение о смерти ни пастору, ни общине? Да не только о Марийке, но и о смерти ее ребенка должны были сообщить. Или дитя вообще не родилось, и мать взяла его с собой в могилу? О, эта неизвестность была невыносима! Ему нужно было во всем разобраться. Хотя матушки Скале уже не было в живых, Матьяс решил на другой же день отправиться в Г. и найти там свидетельство о смерти жены. Приняв это решение, он немного успокоился. Затем снова перечитал письмо. Ему казалось, что он слышит голос Марийки. Вдруг его рука с письмом опустилась. Теперь только он увидел то, на что до сих пор не обращал внимания: описание той чудной и жуткой ночи, когда она возродилась к новой, вечной жизни. Он вспомнил момент своего обращения. Крепко он запомнил слова Иисуса Христа о том, что всем следует родиться свыше¹. О, как он мучился тогда от того, что его до-

¹ См. Ин. 3:3.

брая, милая Марийка не была возрождена, потому что дома об этом никогда не было разговора. Матьяс не верил, что она навеки погибла, но его мучил вопрос, будет он в вечности с ней или нет? И вот оказалось, что она была там, куда Иисус Христос взял с собой разбойника с креста. Она перед смертью даже молилась еще о вечной жизни для него и ждала его теперь там. Только что он спрашивал, зачем он нашел это письмо, когда уже все позади. Теперь он благодарил Господа за милость, что Он сохранил это драгоценное послание и даровал ему с ним уверенность в том, что его Марийка теперь у Христа. О, как чудно она ушла! Божья и человеческая любовь на волнах Вага унесла ее в ту ночь домой!

Слишком велико было то счастье!

Голова Матьяса склонилась на грудь. Если бы в этот момент в дверь не вошел Мартын Ужеров, несчастный упал бы на пол. Сосед позвал Звара, и они отнесли Матьяса на кровать. Хотя Ужеров на военной службе и приобрел некоторый опыт в санитарной службе, мужчины долго старались привести Матьяса в сознание. Наконец сердце его снова сильно забилося и наладилось дыхание. Он открыл мутные глаза и хотел их снова закрыть, когда сосед окликнул его:



— Матьяс, что с тобой? Я застал тебя без чувств! Что с тобой случилось?

— Это ты, Мартын? — опомнился Янковский. — А Сусанка дома?

— Да.

— Позови ее, мне надо вам что-то сказать.

Звара пошел за соседкой. Она и не подозревала, зачем ее зовут. Ей бы это и во сне не приснилось! Известие от Марийки! Она сама всем тогда сказала, что Ваг ее унес, но не проглотил. Читая ее письмо, Сусанна выплакалась от души. Наконец-то память о Марийке будет чиста и верившие, что она, отчаявшись, покончила с собой, убедятся, что были не правы.

— Ах, Матьяс, если бы бедняжка знала, какое горе она нам всем причинила! — вздохнула соседка. — Она думала только о твоей матери. Наверяд ли та стала бы ее искать, если бы не мы! Тебя она звала, а о нас она в своей радости, придя домой, совсем забыла. Но почему Скале не написала нам, если она у нее умерла?

— Это действительно странно, — прервал Мартын свою жену, — ведь не было никакого официального сообщения ни от пастора, ни от правления общины.

— Если Богу угодно, я завтра же пойду и разузнаю, как все было, — заявил Янковский.

Но он не пошел, потому что вторично лишился сознания, а потом его затряс озноб, и, когда Аннушка вернулась домой, она застала своего хозяина больным; около Матьяса хлопотал врач. Ей сказали, что у Матьяса был легкий удар и что ему теперь нужно несколько дней спокойно лежать и не волноваться. «К счастью, — добавил врач, — у него такая хорошая сиделка и такие добрые соседи!» И девушка действительно ухаживала за больным, как добрый дух. С ней ему волноваться не приходилось. Она его ни о чем не спрашивала, а по глазам угадывала каждое его желание. Если он хотел, она ему читала слово Божье, и, когда Ужеровы передавали еду, она так нежно просила его поесть, что он ее всегда слушался. Большую часть времени Матьяс лежал в полусне. Так прошло четыре дня. На пятый он сказал Аннушке:

— Слава Богу, мне стало лучше. Шум в голове прошел, и сердце успокоилось. Спасибо тебе, Аннушка, за хороший уход, но ты не должна целый день проводить со мной. Сходи-ка в



поле и посмотри, как оно там. Кажется, вчера был дождь?

— Вчера был небольшой, а позавчера — хороший дождь, и все ожило. Но прошу вас, дядя, не отсылайте меня, — просила девушка, — ведь я каждый вечер выходила, когда вы спали. Меня сменяли то бабушка Ужерова, то тетя, то Дора. Ночью со мной всегда была бабушка Симонова, так что я тоже могла спать. Звары не позволяли мне ночью сидеть около вас. Они и вскопали все и для нас, и для себя. Не отсылайте меня, я не могу вас оставить одного.

— Но разве ты не знаешь, дитя мое, что Господь Иисус Христос здесь, со мной? Дай-ка мне Библию, я уже могу читать сам. Ты же скоро вернешься, послушайся меня! Но прежде чем пойдешь, скажи мне: ты знаешь, отчего я заболел?

Глаза девушки засияли.

— Тетя дала мне почитать это чудесное письмо. Радость для вас была слишком большой, когда вы узнали, что ваша Марийка не утонула, но на плоту даже Спасителя нашла, не так ли?

— Да, дитя мое, радость была слишком велика. Аннушка, а твоя приемная мать никогда не говорила о смерти Марийки?

— Она — нет! Только приемный отец перед смертью сказал: «Похороните меня рядом с Марийкой!»

— Ах, если бы твоя матушка мне хоть несколько строк прислала с тобой, — вздохнул Матьяс, зарываясь лицом в подушки. Он слышал, как девушка вышла. Но немного погодя, когда он поднял голову, она снова стояла у его постели.

— Ты еще не ушла? — удивился он.

— Я сейчас пойду, дядя, но прежде я должна вам что-то передать и сказать то, что меня порой очень угнетало. Когда матушка послала меня к вам, она дала мне вот этот узелок и просила передать его вам, если вы не оставите меня у себя. Но вы сразу согласились, и я не знала потом, что с ним делать. Теперь я подумала, что матушка, может быть, написала вам что-нибудь о Марийке и что мне все-таки надо передать вам эти бумаги. Посмотрите их, пока я вернусь.

Аннушка вложила Матьясу в руки пакет, завязанный в белый платочек, и бесшумно исчезла.

Оставшись наедине со своим таинственным сокровищем, Матьяс прежде всего почувствовал желание помолиться. Лишь потом, когда он развязал узелок, в его руках оказались три до-

кумента: открытое письмо, написанное рукой его матери, длинное письмо матушки Скале, написанное перед ее смертью, и приложенный к нему официальный документ. Янковский первым начал читать письмо матушки Скале:

«Дорогой сын!

Приветствую тебя от всего сердца с пожеланием, чтобы письмо мое застало тебя в добром здоровье. Я знаю, что недолго мне уже осталось быть на этой земле и что скоро я предстану пред Господом, чтобы дать ответ за мои злые и добрые дела. Я не могу уйти из этого мира, не простив тебя. В душе я долго таила на тебя обиду за то, что ты Марийку не смог защитить от своей матери. Я знаю, что ты ее любил, но свою любовь ты должен был проявить иначе! Когда она вернулась ко мне, измученная и голодная, я готова была проклясть тебя и весь твой род, если б не то бедное не рожденное еще дитя в ее чреве. Господь сохранил меня от этого греха. Она, моя сломанная лилия, написала тебе длинное письмо, и мы с нетерпением ждали ответа; но письмо это ты не получил; оно попало в руки твоей матери. Вот я прилагаю ее ответ. Прочти, что она ей написала, как она ее порочила и позорила! Но Марийке это уже не могло причинить боли, так как она к тому времени

ушла туда, где нет больше ни горя, ни слез. Но тем больнее было мне. Так как ты не пришел к нам и не написал ни строчки, я не сочла нужным сообщить тебе о ее смерти. Но в день ее погребения пришло твое письмо, в котором ты мне сообщил, что Марийка утонула в Ваге; однако одновременно мы получили и отвратительное письмо от твоей матери. Если ты его прочел, то поймешь, почему я вам не ответила. Сегодня пишу тебе, чтобы ты хотя бы после моей смерти узнал, как все это было.

Почти весь день Марийка писала тебе свое письмо; только когда ей становилось очень плохо, она на короткое время откладывала ручку. Потом наступили часы, которые были бы мучительны для нее, будь она в вашем доме! Как она, такая слабенькая, смогла бы их пережить? Но Отец Небесный был очень милостив к ней: она недолго мучилась. Дитя появилось на свет скоро, хотя оно было худеньким и слабым, но хорошеньким и живым. Дочь ему очень обрадовалась. Так как она была спокойна и добра, дитя тоже было таким же и почти не плакало. Мой старик и я обрадовались, что все так счастливо закончилось и что она весь день провела со своим ребенком. Мы только с нетерпением ждали тебя. Ночью она очень крепко спала, а проснувшись на рассвете, тебя больше не

вспоминала. Она сказала, что Господь Иисус Христос ее позвал, что она скоро уйдет к Нему. Она за все сердечно меня поблагодарила и просила воспитать и ее доченьку. И мужа моего она поблагодарила. Затем она нас обоих поцеловала и последним — своего ребенка. Мы слышали, как она ему наказала: «Утешь своего отца!» Мы ее уложили, и она будто заснула, но потом еще раз открыла глаза и помолилась за тебя и за твою мать, и с этой молитвой она предстала пред престолом Господа. Когда мы на третий день отправились в Л., чтобы похоронить Марийку, то взяли с собой и осиротевшую малютку, чтобы ее там окрестить. В то время у меня были уже ваши письма. Опечаленная и огорченная, я решила не сообщать тебе истины, пока ты сам к нам не придешь. Пусть она для вас останется утопившейся, и пусть люди обвиняют твою бессердечную мать за то, что она довела сноху до страшного греха. Поэтому я попросила господина пастора и нотариуса общины не посылать официального сообщения вашему пастору и правлению общины о ее смерти, а отдать мне метрическую выписку Аннушки и свидетельство о смерти Марийки, объяснив, что я эти документы вместе с ребенком передам лично тебе. Я так и намеревалась поступить, потому что ждала тебя.

Нотариус был пьяницей, который за деньги делал все, а пастор как раз собирался на пенсию. Похороны были его последним служебным делом, и он был доволен, что я взяла все на себя. Так я позаботилась, чтобы эта весть к вам не дошла. Когда я вскоре узнала, что ты уехал в Америку, мне было очень жаль, что ты даже не попрощался и я не смогла показать тебе твоего милого ребенка. Мы с нетерпением ждали тебя, но ты не появился, и мой Егор сказал: «Кто знает, вернется ли он когда-нибудь. Запишем девочку на наше имя и будем воспитывать ее как свое собственное дитя, с тем чтобы ей когда-то оставить все нажитое нами». Я очень обрадовалась его предложению, и мы так и поступили. В тот год мы обменяли нашу мельницу на мельницу Парубка и переселились из X. в Г., где люди нас не знали, так что Аннушке никто не мог сообщить, что она нам неродная. Лишь позднее, когда она подросла, мы сами сказали ей, что мы только ее крестные, а ее родителей нет в живых. Это было в то время, когда ты находился в плену и тебя считали погибшим. Когда умер мой муж, девочка была единственным моим утешением. Конечно, меня начала мучить совесть, когда я услышала, что ты пришел домой. Что сказала бы Марийка на то, что я Аннушку присвоила себе и не послала ее к тебе

для утешения, как она повелела? Но стоило мне только подумать, что она попадет к твоей матери и что она так же будет мучить ее, то меня охватывал ужас. Потом твоя мать умерла, и ты остался один. В то время по ночам я часто плакала от угрызения совести, но не находила силы разлучиться с моей радостью. Я Марийку очень любила, но еще больше — ее дитя, потому что Аннушка мне и Егору воздала за всю любовь. Ну вот, я повинилась перед тобой в своем грехе и прошу ради Иисуса Христа простить меня за то, что столько лет оставляла у себя твоего ребенка себе в утешение. Передаю ее теперь тебе. Пусть она будет твоей радостью, как она была мне от того часа, когда Марийка мне ее передала, до того, как Аннушка закроет мне глаза. Пусть она заменит тебе Марийку, как она заменяла ее мне!

Прости, Матьяс, меня за то, что не отдавала тебе Аннушку! Я рада, что она не с пустыми руками к тебе придет. Все, что получила бы Марийка после нашей смерти, и все, что мы еще нажили после, записано Аннушке в наследство. Мы, как и другие крестьяне, стали зажиточнее, так как свои поля продали в выгодный момент, также продали и скот. А вырученные средства положили в банк на имя Аннушки. Мельницу я сдала в аренду на тот случай, если вы ее не захо-

тите продать. Аннушка ее любит, и расположена она в удобном и красивом месте.

Да помилует Господь душу мою! К Нему я прибегаю и прошу Его простить меня так, как и я прощаю, и принять меня ради Христа по милости Своей! Аминь.

Приветствует тебя, сын мой Матьяс, и мою дорогую доченьку ваша крестная и приемная мать — Анна Скале».

Письмо было прочитано; дрожащая рука, державшая его, опустилась; Янковский закрыл глаза. Через некоторое время придя в себя, он судорожно схватил письмо матери и начал читать. Хотя Матьяс и предполагал, что мать не могла написать ничего хорошего, но он даже отдаленно не мог себе представить, какое море зла было в сердце свекрови против ненавистной снохи. Старуха Янковская обвиняла невестку в том, что та умышленно разыграла комедию, что плот с Иштваном приплыл не случайно; что Марийка, наверное, сговорила со своим любовником бежать и ночью сойтись с ним. Старуха писала все, что ей диктовало ее нечистое сердце. Сноха, дескать, хотела только опозорить семью Янковских, чтобы люди говорили о свекрови, как о виновнице ее смерти. Старуха грозилась выбросить молодую невест-

ку на улицу, если она осмелится со своим нагулянным приплодом переступить порог ее дома. Трудно передать все те ужасные слова из письма, которые, как острые шипы, должны были нанести смертельную рану чистой душе молодой женщины. Но, слава Господу, они ее уже не коснулись. Не могли они уже нарушить мира спасенной души. Однако они больно впились в сердце приемной матери, которая, стоя у гроба своего ненаглядного дитятки, смогла наконец в полной мере представить себе, как эта злая, жестокая женщина обошлась со своей беззащитной жертвой. Понятным стал теперь и тот глубокий вздох умиравшей дочери, с которым она произнесла слова: «Я все прощаю матери Матьяса!» Непонятным осталось только, как она могла добавить еще: «Прости и Ты ее, Господь Иисус, в ее смертный час!» Теперь эти шипы ранили Матьяса тяжким укором: «И ты не защитил Марийку от нее!» Жизни своей бедняжка спасти не смогла, но зато, слава Господу, тихое местечко для смертного часа она все же сумела найти. Матьяс теперь уже не удивлялся тому, что матушка Скале не сообщила ему о смерти Марийки и о рождении ребенка. Он этого известия был недостойн. Почему он перед отъездом в Америку не пошел к теще? Она бы его простила и сняла

бы с него ужасную тяжесть вины; он увидел бы Марийку и своего ребенка, и все будущие годы тяжелого труда его поддерживало бы сознание, что он живет и трудится для них. А так дитя его выросло сиротой, и он был одинок. Конечно, матушка Скале воспитала Аннушку с любовью, но это не была любовь отца. Ах, почему он после смерти своей матери не пошел к матушке Скале? Он узнал бы истину, смог бы получить прощение и поблагодарить ее. А теперь было поздно!.. Второй раз эта благородная женщина послала ему самое дорогое, а он даже поблагодарить ее не смог. Голова его поникла, и поток горьких слез спас ему жизнь. Если бы они не прорвались, горе раздавило бы его.

Между тем Аннушка сидела на том же месте, где в день своего приезда в Зоровце Сусанка Ужерова поведала ей историю о ее приемной матери. Девушка осмотрела поля, нарвала цветов и связала их в чудесный букет. «И почему я так полюбила этого дядю Матьяса? — раздумывала она. — Ведь он мне чужой человек. Я любила своих приемных родителей, оплакивала их, когда они меня оставили одну в этом мире; но, наверное, намного печальнее для меня было бы, если бы дядя Матьяс вдруг отослал меня куда-нибудь и мне пришлось бы с ним расстаться. Но он меня не отошлет после



того, как я ему отдала бумаги! Я спрашивала матушку, назначила ли она его моим опекуном, и она ответила, что он будет мне отцом. Конечно, она его попросила принять меня. А что если вдруг он не переживет радость и печаль, получив письмо Марийки?» — «Ах, Господь мой, Иисус Христос, — взмолилась она, — не оставь меня сиротой, я еще так молода!» Успокоившись после молитвы, она продолжила связывать букет, когда вдруг кто-то с ней поздоровался. Подняв голову, она увидела приближавшегося к ней Степана Ужера. Будучи соседями, они были друг с другом на «ты» и могли общаться запросто.

— Ты уже возвращаешься, Степа? — спросила она удивленно.

— Да, уже.

Он сел на пень.

— Только понапрасну сапоги топтал: мне не удалось купить молотилку.

— Разве там не было выбора?

— Выбор был большой, но все очень дорого. Моих сбережений недостаточно. Сколько бы у меня осталось после такой дорогой покупки, чтобы начать свое собственное дело? Если бы мой приемный отец захотел мне помочь, ему пришлось бы взять деньги в долг, а этого мне не хочется, хотя я и мог бы уплатить проценты. Отец уже и так достаточно для меня сделал, — сказал молодой человек с выражением озабоченности на лице.

— А тебе нужно сразу большую молотилку? — спросила девушка несмело.

— Для начала и небольшая сгодилась бы. А почему ты спрашиваешь?

— Может быть, я тебе смогу помочь.

— Ты, Аннушка?

— На нашей мельнице стоит совершенно новая молотилка, на которой работали лишь несколько раз. Наш сосед Загара купил ее в 1913 году. После этого он с женой уехал в Америку, чтобы заработать деньги на ее оплату. Но так как у них не было денег на дорогу и для того, чтобы хоть как-то начать новую жизнь, мой приемный отец поручился за них, и они нам в залог оставили молотилку и лошадь. Мы ими в нашем небольшом хозяйстве и не пользовались, поэтому машина так и простояла без

дела. Незадолго до смерти моей матушки Загара написал нам, что они возвращаться в Европу не намерены и что мы можем взять машину себе в счет их долга. Так она у нас и осталась. Посмотри ее, и, если понравится, можешь ее взять на время или же купить, если она исправная.

Парень очень заинтересовался этим предложением.

— А кому эта молотилка осталась после смерти твоих родителей?

— Наверное, мне, — ответила девушка краснея, — так как они мне и все остальное оставили.

— Тебе? Я и не предполагал, что ты такая богатая хозяйка, что даже могла бы мне продать молотилку.

— Мне теперь пора домой. Дядя еще болен. Он послал меня взглянуть на поля, но я его не хочу долго оставлять одного.

— Пойдем вместе. Завтра же посмотрю вашу молотилку, может быть, и сговоримся.

— Знаешь, Степан, это хорошо, — засмеялась она весело. — Мне деньги не нужны, так как одежды и обуви у меня достаточно; к тому же я получаю за аренду мельницы. Если молотилка тебе понравится, ты можешь выплатить за нее частями, пока что-нибудь не заработаешь.

Во время их разговора девушка показалась Степану такой обаятельной, что сердце его потеплело, словно его коснулись лучи майского солнца. Поблагодарив, он расспросил ее подробнее о самочувствии соседа, а также Сениных, и, оживленно беседуя, молодые люди дошли до Миловых. Староста задержал Степана, а Аннушка поспешила домой. В дверях она встретилась с тетушкой Зварой, у которой было очень расстроенное лицо.

— Что с вами, тетя?

— Ах, деточка, наш хозяин мне совсем не нравится. У него такой вид, будто какая-то печаль гложет его сердце. Пойди к нему, ты его лучше всех развеселишь. А я за водой схожу.

Аннушка поставила свой букет в кувшин со свежей водой и вошла в дом. Дверь скрипнула, словно заявляя о ее приходе. Аннушка остановилась на пороге, освещенная яркими солнечными лучами, будто они хотели Матьясу представить ее: «Посмотри на нее, это ваша с Марийкой дочь, твое дитя!» В этот момент волна не изведенной им доселе отцовской любви хлынула в его сердце. Теперь он понял, почему эта сиротка с самого начала стала ему так дорога: «Она моя, моя!» В невыразимой радости умолкли мучительные укоры за несправедную прошлую жизнь. Матьяс выпрямился и протя-

нул обе руки к вошедшей. Аннушка поставила кувшин с цветами на сундук возле дверей, и в этот миг ей подумалось: «Он тебя не отошлет; ты навсегда останешься с ним!» И тут же девушка бросилась в его раскрытые объятия. Их слезы смешались, отец осыпал ее ласками и нежными словами.

— Да благословит тебя Бог, дитя моей Марийки, годами оплаканное мое сокровище. Эта благородная душа, твоя приемная мать, вернула тебя мне! Да воздаст ей Иисус Христос за это!

— Дядя Матьяс! — воскликнула девушка, подняв голову и ошеломленно посмотрев в его мокрое от слез лицо. — Что это вы говорите?

— Правду я говорю, дитя мое. Но я не знаю, готова ли ты еще признать меня отцом после моего такого непростительно долгого молчания?

— Неужели, неужели это правда, и вы мой отец?

— Да, — дрогнувшим голосом сказал Матьяс и отпустил ее. — Прочти это письмо, тогда тебе все станет ясно.

Он подал ей письмо ее приемной матери и бросился лицом в подушки. В комнате наступила полная тишина. Лишь по судорожному дыханию Матьяса было заметно, какая буря чувств в нем бушевала. Не успел еще он найти

успокоения в молитве, как голова Аннушки оказалась возле его лица на подушке:

— Отец мой, родной мой, любимый!

— Не плачь, доченька моя! Ты признаешь меня? Ты не сердишься на меня?

— Как мне на вас сердиться? Ведь я теперь уже не одна на свете! Моя такая добрая, милая матушка — у Христа, а здесь, на земле, у меня есть отец!

— Да, я твой отец! И я отдал бы жизнь свою за тебя, так ты дорога мне с того момента, как пришла в мой дом. Но можешь ли ты любить меня, недостойного?

— Не говорите, что вы недостойны! Мне больно от этого, потому что я вас так сильно люблю! Забудем все, что позади! Не зря матушка моя вам обещала, что я буду вашим утешением, родное сердце мое! Мне бы так хотелось изменить вашу жизнь к лучшему! Да поможет мне Бог! Но что мне сделать, чтобы вы не были больше так печальны? Да и о чем вам печалиться? Матушке на небе хорошо, а нам вдвоем здесь тоже будет чудесно! До сих пор я старалась вам верно служить, но теперь, когда узнала, что вы — мой добрый отец и мне не надо бояться, что вы отошлете меня куда-нибудь, я буду служить вам еще преданнее. Никто вас

больше не назовет отшельником, а меня — сиротой. Ах, Иисус Христос так добр!

Бывают и в небольших деревнях события, которые отражаются в сердцах всех. Так случилось и в Зоровце, когда там вдруг стало известно, что Марийка Янковская вовсе не утонула, а умерла у своей приемной матери, оставив дочь, которую Скале приняли как свою и сделали своей наследницей. Так как мать Марийки сердилась на Матьяса, она скрыла от него правду. Но, умирая, она распорядилась, чтобы после ее смерти дочь непременно пошла в Зоровце. Аннушка, мол, сама не знала, что идет к родному отцу, как и он не знал, кого принимает, пока это дело чудесным образом не открылось. Янковский, дескать, получил документы, которые он понес к пастору и в правление общины, чтобы на их основании записать Аннушку своей дочерью. На другой день Янковский, Аннушка и Мартын Ужеров с Сусанкой поехали в Г., где они посетили могилу Марийки, затем все зашли на мельницу Аннушки. Степан тоже с ними поехал и купил молотилку, о которой он так мечтал! Возвратившись из поездки, в дом Матьяса вошла уже Аннушка Янковская. Не с пустыми руками она пришла; следом за ней много всякого добра было привезено. В деревне все полюбили эту милую, приветливую

девушку, которая прежде считалась бедной сиротой. Теперь же это была дочь одного из лучших людей села. Правда, надо сказать, что из-за странности отшельника Янковского до сих пор ни один из парней не осмеливался приблизиться к молодой девушке, а теперь тем более. Но каждый посчитал бы за счастье войти в этот дом как ее суженный. Появление Аннушки восстановило не только честь Марийки, но и Янковского. Мать девушки теперь уже не считалась самоубийцей, и отца ее перестали винить в разрушении двух жизней. Наконец-то он перед односельчанами мог ходить с высоко поднятой головой.

Да, и в небольшой деревне порой бывают события, о которых люди долго помнят...

Глава 9

Между тем проходило лето, наступило время уборки урожая.

Крестьяне работали не покладая рук, так как им нужны были хлеб и деньги. Вишни и груши радовали обильным урожаем. Крестьяне радовались тому, что фруктов хватит и для себя, и для продажи. Детишки бегали по улице с черными ртами, измазанными сочными, сладкими ягодами, а гуси радовались

свободе, так как их маленькие пастухи, словно белки, сидели на фруктовых деревьях вдоль проселочной дороги и не обращали внимания на своих пернатых подопечных, даже если те забредали на пшеничное поле.

Ужеровы довольны были, что Степан им так хорошо помогал. Они объединились с Янковским, который принял Егора Сенина, и все вместе споро убирали одно поле за другим. Аннушка и Дора косили и вязали снопы, и на их поле звучали чудесные народные песни, которые Аннушка любила петь, как когда-то ее мать, Марийка, научившая петь и Дору. С песней у них работа лучше спорилась. Когда бабушка Ужерова приносила завтрак или обед, все садились вокруг Янковского. Он вслух молился и после еды и благодарственной песни непременно читал Слово Божье, и обед заканчивался благодарением. Во время полуденного отдыха сельчане размышляли о прочитанном. Неудивительно, что у них работа так и горела в руках, хотя они обходились без крепких напитков. Янковский ради Сенина потребовал от соседей полной трезвости, и они тотчас согласились обходиться без хмельного. Мартын Ужеров вообще мало пил после возвращения с военной службы. Илья дал Доре слово, что зелье это больше в рот не возьмет, когда увидел,

что Сенин сотворил со своей женой. Степан презирал водку, как и местное пиво, так как в Богемии он привык к лучшему. Люди удивлялись тому, что и Сенин работал без «подкрепления».

— Послушайте, — сказал староста Милов, который в обеденный перерыв пришел к ним со своего поля, — если у вас приживется эта мода и вам удастся ввести сухой закон и у соседей, что нам тогда делать с ромом, который пришлось взять для общины?

— Спустите его в воду, — засмеялся Илья, — пусть идет туда, откуда пришел. Вам хоть не придется разбавлять его, чтобы стало больше.

— Шут ты гороховый, а кто вернет нам тысячу крон, которые община за него уплатила?

— Не надо было покупать этот ром, вас никто не заставлял. Кто сварил это зелье, тот пусть и пьет его. Но не бойтесь: в Зоровце достаточно дураков, которые его выпьют.

— Я читал, — вмешался в разговор Степан, — что, для того чтобы ром приобрел своиственные ему запах и вкус, его настаивают на старых кожаных подошвах.

— Это, наверное, кто-то в шутку придумал.

— Нет, господин староста. Дело это даже химическим способом обследовали. Кожу залива-



ют чистым спиртом и, когда она начинает темнеть, добавляют часть рома. Затем настоль этот наливают в бутылки с надписью «Ямайский ром», а мы покупаем напиток, который с Ямайкой ничего общего не имеет.

— Вот, батюшка, когда ваш ром кончится, мы вам сами сварим. Соберем в бочку подошвы со старых ботинок, зальем их спиртом, и будет вам свой собственный ямайский ром.

— Ну вы и придумали, — засмеялся староста. Он любил своего зятя, и Степан ему нравился, так как он много знал, был веселым, простым и общительным.

Все удивлялись тому, что Сенин не пил уже несколько недель. Заработок свой и то, что он зарабатывал ремонтом обуви, он оставлял у Янковского, который из этих денег заплатил все его долги в пивных, запретив ему самому посещать злачные места. По воскресеньям Егор Сенин часто сидел у Янковского и становился все печальнее. В одно воскресное утро он, расстроенный и бледный, прибежал к Янковскому в сад.

— Спасите меня! — взмолился он, ломая руки.

— Что с вами случилось? — спросил сосед, откладывая книгу, которую читал.

— О, если бы вы знали, как меня всю ночь мучило желание выпить! Словно постоянно кто-то подстрекал меня: «Напейся и умри!» Если бы у меня было чего выпить, я определенно сделал бы это, и вы меня больше никогда здесь не увидели; я знаю, что если я не выдержу и напьюсь, то возьму веревку и повешусь, потому что нет мне поддержки в моей несчастной жизни! Вы так заботитесь обо мне, и я сам стараюсь, как могу, но если и дальше так будет, я не устою. Мои грехи перед святым Богом слишком велики, чтобы Он мне их мог простить. Он меня оставил, и я все равно погибну.

— Послушайте, сосед! — Янковский открыл книгу и начал читать: *«Тогда придите, и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю»*¹.

— Это говорит святой Бог, так придите же наконец к Нему! Кровью Сына Своего Он хочет омыть вас и ради Него все вам простить. Тем,



¹ Ис. 1:18.

которых Он омыл, он обещает: *«Не бойся, ибо Я — с тобою; не смущайся, ибо Я — Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей»*¹. Вы, дорогой сосед, стараетесь победить мучительный недуг собственными силами. Это дело нелегкое, потому что враг сильнее вас, и вы его сами никогда не преодолете. Сколько мне еще говорить вам, что Господь этого от вас вовсе не требует? Он только просит: «Отдай мне, сын Мой, сердце свое!» Приди к Нему таким, какой ты есть!

— Но ведь у меня сердце такое нечистое!

— Верю. Вот ведь и мое не было чистым. Однако здесь не сказано: «Отдай мне очищенное сердце!», не так ли? Как вы его можете очистить? Если вы прекращаете свои зверские выходы, то этим ваше сердце вовсе еще не очищено, ибо прошлое еще не прощено, оно вас обвиняет.

— Да, оно обвиняет меня перед Богом и перед людьми! Благодаря вам соседи ко мне добры, но их взгляды мне постоянно говорят: «Он долго не выдержит!» Никто мне не верит, и поэтому я сам не верю себе.

— Это мне понятно. Но, сосед, верите ли вы в Бога? Верите ли вы, что Он действительно существует?

¹ Ис. 41:10.

— Да, в это я верю.

— Почему же вы тогда не идете к Нему, когда Он говорит: «Приди ко мне!», и почему вы не пытаетесь отдать Ему свое сердце, чтобы Он очистил его от всякой греховной нечистоты? Когда Он меня однажды позвал и я пришел к Нему, Он меня тоже не оттолкнул, а простил мне все мои грехи и омыл мое греховное сердце. По собственному опыту я вам истину говорю, что Он имеет силу даровать нам новое сердце. Кровь Иисуса Христа способна омыть нас от грехов нашего прошлого. Я познал, что Господь верен слову Своему: *«Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя»*¹. Зайдите в дом, сосед, я за вас помолюсь, и вы помолитесь и сделайте решающий шаг.

Через полчаса Сенин вышел из дома Янковского в глубоком раздумье. Весь день он никуда не выходил. Лишь вечером он появился на улице, и сельчане удивились какому-то новому, просветленному и даже торжественному выражению его лица, которое, казалось, издали вещало, что с ним произошло что-то очень значительное. «Я наконец-то поверил и послушался, — сказал он, полный радости. — Бог меня

¹ Ис. 44:22.

действительно простил. У меня такой мир в сердце, как никогда не бывало. Завтра же пойду к моей жене, может быть, врачи отпустят ее со мною домой!»

Он так и сделал, но ее еще не выписали, а сказали, чтобы он пришел через неделю. На этот раз Егор Сенин поехал в город со своей матерью; Рашов дал ему повозку и коня. Все жители Зоровце ждали прибытия бедной женщины, не предсказывая ей ничего доброго, так как никто из них не верил, что Сенин надолго останется таким смиренным и порядочным, как в последние недели.



Янковский сидел за своей хозяйственной книгой, когда нежная теплая рука обняла его за шею:

— Отец!

— Что, дочка? — он посмотрел на нее с трогательной нежностью.

— Мне хочется тебя о чем-то спросить. Можно?

— Сейчас. Я только закончу считать.

Девушка отступила и терпеливо стала ждать, когда он закроет книгу.

— Итак, что тебя интересует, дитя мое? — обратился он к ней, взяв ее теплые нежные руки в свои.

— Считаете ли вы, отец, что вещи моей приемной матери, которые у нас на чердаке, действительно принадлежат мне и что я могу распоряжаться ими, как хочу, но, конечно, с вашего разрешения?

— Тут ты вольна поступать, как хочешь, так как ты единственная наследница тетушки Скале. Все, что принадлежало ей, — твое!

— Я рада, если это так! — вздохнула девушка облегченно. — А вы, батюшка, мне ведь разрешили бы делать то, что написано в Слове Божьем?

— Ты только скажи мне, в чем дело.

— Когда я сегодня подмела у Сениных и заперла дом, то подумала, что скажет хозяйка, когда она вернется. Ее свекровь выбелила весь дом снаружи и внутри и вымыла окна; ее муж навел порядок во дворе. Но теперь, когда везде так чисто, еще больше стало заметно, что у этих бедняков в доме пусто. Ни в комнате, ни на кухне нет посуды, так как пьяный хозяин всю ее перебил. У нас же на чердаке полный сундук таких вещей, которые лежат без дела и нам не нужны. А теперь ведь все, что ваше, — и мое, не так ли?

— Конечно, дитя мое, все в моем доме принадлежит как мне, так и тебе.

— Это хорошо, отец! У нас едва хватило бы места разместить все вещи матушки Скале. На-

иболее ценные, как и те, которые мне подарили, я отложила в сторону. Можно ли мне остальными украсить пустые стены в доме Сениных, чтобы они не так обличали бедного Егора?

— Этому я даже буду рад, — ответил Матьяс, приглаживая рукой свои волосы на голове, чтобы скрыть волнение.

— И у них, батюшка, в доме только одна кровать с постелью. У нас же на чердаке стоит кровать моего приемного отца с мягким матрасом, которая нам не нужна. А ведь в Слове Божьем написано, чтобы тот, у которого две рубашки, отдал одну тому, у которого нет ни одной. Давай, батюшка, отдадим эту кровать, потому что сосед наш не скоро заработает столько, чтобы купить эти вещи. Ты согласен?

— Да, дитя мое. И что еще? — весело улыбнулся Матьяс.

— О, если бы вы мне разрешили поступить, как я хочу! Мой приемный отец ростом был почти такой, как Сенин. Там от него осталась еще верхняя одежда и белье, можно было бы выбрать что-нибудь для несчастного соседа...

— Правильно. Новому человеку не к лицу старые, залатанные тряпки. Но если уж помогать, то мы просто отдадим все, что им может пригодиться и без чего мы можем преспокойно обойтись. Вечером мы все перенесем, не нуж-

но, чтобы кто-нибудь узнал об этом. Пусть правая рука не знает, что делает левая.

— Вы мне можете, батюшка, принести вещи с чердака?

— Это я сам сделаю. Ты только отбери все что нужно.

На другой день к Янковским заехала повозка с Сениными. Аннушка для них приготовила обед. Когда все поели, Матьяс почитал из Слова Божьего и помолился с ними. Затем он передал соседям ключ от их дома. Сениным показалось странным, что никто не проводил их домой. Жене Сенина Циле хотелось бы, чтобы с ней пошла Аннушка. Хотя она и сказала своему мужу, что прощает его, когда он таким смиренным и трезвым пришел к ней в больницу, и все же она с ужасом подумала о том, что ей снова предстоит перешагнуть проклятый порог пустого дома, в котором из всех углов зияет горькая нужда. Как же были приятно поражены Сенины, когда хозяин открыл дверь в кухню! Двери передней и задней комнат тоже были открыты, и полуденное солнце освещало весь дом. Они его едва узнавали! В кухне было полно деревянной и глиняной посуды, как и прежде; стены комнат украшали фарфоровые тарелки; причудливые сосуды и даже стеклянные кувшины, каких никогда у них раньше не бы-



вало, переливались на солнце радужными цветами. На окнах висели чистые занавески; столы были покрыты скатертями. В задней комнате на месте старой поломанной кровати стояли новая, покрашенная зеленой краской скамья и кровать, застеленная чистым бельем. На столе рядом с Библией,

лежала свежая, ароматная булка хлеба, за ней благоухал букет полевых цветов. Теперь, когда сердце Сенина согрелось незаслуженной им, всепрощающей любовью, перед ним вдруг в ужасной обнаженности встало все его отвратительное прошлое. Он бросился у скамьи на колени и заплакал горькими слезами. И эти слезы в очередной раз растопили лед, сковавший сердце его обиженной жены. Она опустилась на колени рядом со своим мужем и сказала: «Не плачь, Егор, ты сказал, что Бог тебя простил. Так и я прощаю тебе в этот час от всей души все, что ты натворил». Эта молодая еще женщина наконец сделала то, к чему во время болезни побуждала ее совесть: она обратилась за милостью и прощением к Господу, покаявшись в своем упрямстве и непослушании перед Ним и своими родителями. Принесли также

свои плоды покаяния мужа и свидетельство свекрови. На родине вечной любви в этот час царила великая радость. Святые руки занесли там имена трех душ в Книгу вечной жизни.

Запыхавшись, Егор Сенин прибежал к соседям:

— Да вознаградит вас Бог за то, что вы сделали для нас! — воскликнул он, войдя в комнату, где Янковский сидел один.

— Это Аннушкина идея. Но она не хочет, чтобы кто-нибудь об этом узнал, — ответил Матьяс.

Едва он узнал, что произошло у Сениных, как прибежали и женщины. Аннушке не удалось скрыться от них, они ее нашли в ее комнате.

— Не прячься, — сказала Циля, — ты мне жизнь спасла, и твоя любовь победила мое ожесточенное сердце. Ты мне помогла вернуться к жизни, и я вечно буду благодарить Бога за тебя. Как я рада, что Он тебе уже воздал! Ты ведь теперь не оставленная сирота, а, к счастью, нашла своего доброго отца!

Горящий огонь скрыть невозможно. До наступления утра вся деревня узнала, что Ян-



ковские сделали для Сениных. Егор молчал, как ему было велено, но приехала в гости мельничиха, тетя Цили, и вскоре всем все стало известно. Она приехала присмотреть за своей племянницей и привезла ей большой маковый пирог и несколько яиц. Тетушка была в доме и перед отъездом бедняжки в больницу, поэтому она сразу увидела, как изменился дом Сениных. В разговоре благодарные женщины многословно и взволнованно рассказывали об оказанной им помощи.

Если же делается доброе дело, то всегда находится кто-то, кто хочет тому подражать. Так и это милосердие Аннушки и Матьяса не осталось без отклика. Получилось почти так, как у Иова, когда он выздоровел: собрались все женщины, и ни одна не пришла с пустыми руками. Одна несла молока, другая сахару, третья немного маку и сухофруктов; куски сала, колбасы, хлеб и яйца наполняли пустую кладовку. Каретник Ключ, перевозивший как раз свое зерно, приказал снять с доверху нагруженного воза несколько мешков для Сениных. А бабушка Ужерова не только принесла гостинец — двух голубей на суп, но и сказала, что они с Мартыном договорились предложить Сениным взять на время их пеструю корову. Они решили еще немного подержать волов и выра-

тить молодняк; для этого оставляют молодую корову. Пеструху же надо бы продать, но жалко — из-за хорошего ее молока. Это было бы выгодно и им, Ужеровым, и Сениным. Пастись Пеструха могла бы с их скотом. Но ведь и у Сениных есть огород и капустное поле, и до зимы корову легко можно прокормить.

Да, событие в Зоровце очень напоминало случай с Иовом. Ибо превыше всего чистая, самоотверженная любовь. Она подобна огню, который светит далеко, греет и приносит счастье.

Глава 10

Было 15 августа, католический праздник. Бабушка Симонова сидела в своей комнате и пряла грубую коноплю на мешковину. Вместе с пряжей вились и ее мысли. О чем же бабушка думала, когда бывала одна? Мысли старых людей, как книга со сказками, историями и картинками. Такими они были и у нашей бабушки. Ведь она жила в двух столетиях и очень многое пережила. В детские годы — революцию 1848 — 1849 гг.¹, затем прусскую войну и в старости — ужасную первую

¹ Восстание в Будапеште против гнета Габсбургов, в котором Словакия заняла антивенгерскую позицию.

мировую войну. Хотя бабушка Симонова с детства служила у людей, вышла замуж за бедняка и очень рано овдовела, она вырастила четверых детей и с детства размышляла о жизни. Она замечала многое, что другие не видели. И теперь, сидя за прялкой, она мысленно пересматривала всю свою прошлую жизнь.

Ах, ей даже не верилось, что она дожила до освобождения своего народа! Когда-то после школы, в свои 12 лет, она служила нянькой в доме пастора в И. Сегодня она вспомнила старую мать того пастора, жившую вдовой в доме сына. Как она жаждала освобождения своего народа! Когда-то маленькая Юлька слышала, как эта женщина, часто мучившаяся от боли, говорила своим детям и снохе: «Дети мои, я сильно страдаю от моей болезни, но если бы я знала, что для нас, словаков, настанут лучшие времена, я хотела бы пожить еще!» Бедняжка, как долго ей пришлось бы страдать! Русоволодая головка маленькой Юльки побелела, прежде чем так неожиданно осуществились чаяния старой женщины¹.

Как будто вчера это было. Бабушка видела перед собой лица дорогих ей людей, прежде

¹ Лишь в 1918 году Словакия получила долгожданную свободу.

всего — своего первого хозяина. Мало было таких людей, как он. Светлые волосы обрамляли его высокий лоб, где хранилось столько разумных мыслей! Маленькая Юлька всегда восхищалась его ясными, светящимися глазами. Он был немногословен, но говорил всегда серьезно и с добрым намерением. Хотя он был еще молод, его все уважали: многочисленные члены его общины, вся его большая семья, дамы и господа, посещавшие его дом. Многие собирались у него, чтобы посоветоваться о том, что можно сделать для спасения словацкого народа.

И как славно подходила ему его молодая жена! Лишь ангелы на небе могут жить между собой лучше, чем эта пара на земле. Ах, эта добрая женщина! Пастор слишком рано ушел из жизни, а его жене еще 30 лет пришлось жить на этой многострадальной земле. Уже в глубокой старости она оставила этот мир. Как раз тогда, когда вдали гремели пушки и тысячи отцов и сыновей истекали кровью на полях битвы. Шла Первая мировая война.

Ее глаза, которые и в глубокой старости не потеряли своего блеска, закрылись на 83-м году жизни. До конца жизни она излучала любовь. На ее погребении звонили колокола, а вскоре они были сброшены жестокими руками с башни, откуда так долго призывали людей к молит-

ве. Хорошо, что ей это варварство уже не пришлось пережить. Как и голод, наступивший в скором времени, когда хлеб людям отпускали по карточкам. Великая нужда посетила всех, особенно в больших городах. Дамы, которые прежде крестьянку едва достаивали взглядом, приезжали в деревни поездами, даже пешком добирались, чтобы за большую цену купить немного муки. И когда за деньги ничего уже нельзя было купить, они отдавали последнее: драгоценности, одежду, белье. Про одну такую беднягу рассказывали, что она вернулась домой без рубашки, отдав ее немилосердной крестьянке за булку хлеба. Крестьяне поняли, что наступило их время; да, их время, когда слуги сидят на конях, а князья ходят пешком, как слуги. И они пользовались этим, накапливали богатства и продавали свои запасы лишь за кровавые гроши, ибо теперь на конях сидели они, власть находилась в их руках.

В истории любимого народа было немало темных пятен, причинявших боль сердцу бабушки. Несмотря на обретенную свободу, будущее Словакии было неясно. Но бабушка не предавалась этой заботе; она предоставляла ее Тому, пути Которого хотя и непонятны иногда, но всегда верны и Который может привести к добру через самое тяжелое и горькое.

Сколько бабушка Симонова плакала, когда ее последний внук, едва подлечившись в госпитале, в третий раз был отправлен на фронт и потом попал в итальянский плен! Она уже и не надеялась когда-нибудь его увидеть! Но, несмотря на то что и на воле люди умирают от голода, он вернулся домой из плена и привез ей большое сокровище — глубокую веру в Бога. В плену он находился вместе с одним солдатом постарше, у которого дома были жена и маленькие дети. Его новый товарищ никогда не отчаивался, как другие, которые подчас даже собирали и ели ядовитые корни, чтобы умереть и избавиться от мук. «Если мне суждено умереть от голода, то на то будет воля Божья; сам же свою жизнь я не намерен сокращать», — говорил он. Пленник читал свою маленькую Библию и когда печалился, то пел духовные песни. Он никогда не сквернословил, не произносил злого слова. Всегда терпеливый, он никого не обижал, ни с кем не спорил, а делал добро, как только мог. Когда он познакомился с внуком бабушки Симоновой, то позвал его к себе, чтобы с ним почитать слово Божье и помолиться. Нередко они до полуночи говорили о Божьих делах, пока молодой Симонов не познал Сына Божьего так, как знал Его этот солдат. Когда он обратился к Нему, то Господь простил все его

грехи и даровал ему в этой великой скорби мир и радость в сердце, которые внук потом принес домой своей бабушке. При этих воспоминаниях из глаз старой женщины покатались слезы, но это были слезы радости.

Если бы бабушке Симоновой в то время, когда она денно и ночью молила Бога сохранить внуку жизнь и привести его домой, кто-то сказал, что Бог ее услышит, но что она увидит смерть своего внука, она, наверное, отрицательно покачала бы головой и подумала бы, что этого ей не пережить. И вот она это пережила! Одна она осталась на свете и в глубокой печали, однако такой счастливой в душе, как никогда прежде. Смертельно больным возвратился ее внук с войны. Он был, как срубленное дерево, которому уже не суждено зеленеть. Напрасно она варила ему всевозможные травы и корни, чтобы подлечить его больной желудок. Не было для него лекарства. Когда-то, умирая с голоду, он мечтал о корке хлеба, но ему ее не давали; а теперь, когда у него было все: вкусный домашний хлеб, свежее молоко, яйца — его желудок ничего не принимал. Жизнь его угасала медленно, как свет на алтаре. Умирающий ни о чем не жалел и утешал себя и бабушку словом Божьим, лежал тихо и поглаживал своими горячими от жара руками жесткие мо-

золистые руки бабушки. Лишь вспоминая виденное и пережитое на полях битвы, он становился таким грустным, что часами не произносил ни слова. Редко он об этом рассказывал. Однажды, глубоко вздохнув, внук сказал:

«Война — это что-то ужасное, бабушка! У меня был товарищ, красивый парень, кровь с молоком, 18-ти лет, единственный сын у матери. Ночью он часто плакал от тоски по дому. Однажды наши окопы подверглись сильному обстрелу. Прямо около нас разорвался снаряд, и к моим ногам упала рука милого Иванка, все что осталось от него... В первые дни мне казалось, что от горя и ужаса я сойду с ума. Днем и ночью я видел перед собой эту руку, хотя мы, его товарищи, и похоронили ее. И сегодня еще, закрывая глаза, я вижу ее перед собой. Он был так молод, красив и добр, а они его убили».

В другой раз он проснулся от ужаса.

— Чего ты боишься, дитя мое? — заговорила с ним бабушка.

— Ах, эта сожженная сербская деревня! Старики, ломая руки, ходят вокруг горящих домов; полуголые дети кричат от страха. Там лежит убитая молодая женщина, прижимая к себе живого ребенка. Он поднимает головку, умоляюще смотрит на меня... Я ему не могу помочь, мне надо идти вперед. Да если бы я и за-



хотел помочь, все равно они от меня убежали бы, потому что я их враг... Ах, скорбь за всех этих людей меня убьет!

Конечно, эта скорбь убила бы его, если бы он не мог утешиться тем, что Спаситель Иисус Христос умер за грехи и несправедливость всего мира, в том числе и за его грехи.

Снова бабушка вспомнила последние дни своего внука. Еще перед уходом в страну вечности он здесь, на земле, обрел полный покой. Все ужасы прошлого оставили его и перестали мучить, лишь мир и радость наполняли его душу. Когда сердце внука остановилось, он лежал перед ней с блаженной улыбкой на устах. Он уснул таким сладким сном, что никакой злой сон не мог его больше разбудить. Его похоронили, и бабушка осталась одна на земле. Умирая, внук препоручил свою бабушку Спасителю: «Господь Иисус Христос, предаю ее Тебе, так как она остается одна!» И Он ее при-

ня; она днем и ночью чувствовала, что не одна, что Он действительно с ней.

...Бабушка допряла нить, и скорбные мысли оставили ее. Она вышла во двор, где вокруг нее собрались все ее животные: куры, утки, индюшки, кролики — все ждали милости из ее рук. Голуби и воробьи слетели с крыши, прибежали дворовый пес и черно-белый кот, чтобы встретить свою хозяйку. Они так хорошо понимали друг друга, ибо живущий с Богом живет в ладу и с Его природой. Для всех у бабушки находилось доброе слово, приветливый взгляд.

Издали доносился вечерний колокольный звон.

Глава 11

На берегу быстрого Вага, может быть, там, где когда-то сиживала Марийка, теперь сидела Аннушка Янковская. Они с Дорой Ужеровой выстирали белье, которое теперь сушилось на солнце. Перед ней уже стояла большая корзина с высохшим бельем. Дору позвал домой пастушок, сказав, что к Ужеровым приехали гости.

Аннушка осталась на берегу одна и невольно задумалась о том, что произошло за послед-

ние недели. Ей показалось, что уже много времени прошло с тех пор, как она когда-то здесь сидела и ее позвали домой, потому что заболел дядя Матьяс. Как с тех пор все изменилось! Не только вокруг, но и внутри нее! Она ежедневно благодарила Отца Небесного, что Он ей вернул отца. Она старалась быть утешением ему, и, действительно, теперь он уже не был таким печальным. Но что все это было в сравнении с той радостью, которую дарил ей его любовь? Как они до сих пор могли жить друг без друга? Аннушка радовалась, еще только заслышав шаги отца; но она понимала также, что и она — его солнышко на земле. Как он старался раскрыть перед ней Божью истину! Какие чудные часы они проводили теперь со Словом Божиим, особенно с тех пор как вернулись к себе домой Сенины. Она вспоминала, как кто-то постучал в их дверь и вошел незнакомый человек с приветливым лицом, который предложил им Слово Божье и христианскую литературу. Отец пригласил его сесть, а дочь поспешила приготовить для гостя угощение. Когда она вернулась, на столе лежала стопка книг, которые отец купил для нее. С тем милым человеком было так приятно беседовать! Когда она принесла Библию, некогда принадлежавшую ее матери, чтобы показать, сколько она уже прочитала, гость с

удивлением обнаружил на первой странице надпись: «Марийка Скале, куплено у книгоноши Х.». «Как к вам попала эта книга? — спросил он. — 19 лет назад я ее продал молодой девушке, на которую вы очень похожи. В то время и я был еще молодым человеком. Война прервала мою деятельность, и я долго не мог распространять христианскую литературу. Лишь два года назад я смог вернуться к своему любимому делу».

Господин Х. остался у Янковских на ночь и узнал все об их судьбах. Довольно долго новый знакомый жил у них, пока распространял книги в Зоровце и его окрестностях, и каждый вечер он толковал им Священное Писание. Не одни Янковские присутствовали при этом, приходили также все Ужеровы, Сенины, Рашовы и бабушка Симонова... Потом пришли и Миловы и привели с собой Ключа. Жена Сенина пригласила свою тетю. Люди охотно покупали книги. Среди предлагаемой литературы был и небольшой песенник с новыми песнями. У книгоноши был приятный голос, он хорошо пел и каждый вечер разучивал с ними две песни из сборника. Узнав, что Аннушка знает ноты, он подарил ей песенник с нотами. Он же и сказал Матьясу, что один человек в округе продает

фисгармонию¹, что инструмент в хорошем состоянии, но так как его хозяин переселяется в Венгрию, то хочет продать эту вещь совсем недорого. Книгоноша посоветовал Матьясу купить фисгармонию, Аннушка, по его словам, в скором времени научится играть на ней, так что они потом смогут сами выучить все песни.

Матьяс предложил использовать на покупку деньги, положенные в банк на имя Аннушки.

— Я охотно продал бы часть земли, чтобы доставить тебе радость, — сказал он тогда, — но земля сегодня очень дорога. Деньги теряют свою цену, а земля потом тебе останется.

Господин Х. с этим тоже был согласен, даже посоветовал отцу купить еще земли, так как, по его мнению, это самое надежное капиталовложение. И отец действительно прикупил немного земли, но об этом Аннушка не думала. Ах, ни о чем она не заботилась, потому что у нее был такой мудрый отец!

Теперь фисгармония стояла в задней комнате, и Аннушка брала уроки музыки у жены учителя. У нее были поразительные успехи в учебе, потому что она всегда молилась, чтобы Гос-

¹ Фисгармония — клавишный музыкальный инструмент, по форме напоминающий небольшое пианино, а по звучанию — орган.

подь помог ей. Как ей хотелось играть на своем собственном инструменте! Вот если бы матушка ее могла услышать!

И теперь, сидя на берегу Вага, Аннушка запела от всей души так звонко, что слышно было далеко-далеко.

Потом она вспомнила, как отец дал обещание господину Х., что после его ухода будет проводить собрания, как это делал книгоноша. И он сдержал свое обещание. Трудно было сказать, кто лучше разъяснял слово Божье — господин Х. или отец Аннушки.

— Давно уже тебе надо было поучить нас, Матьяс, — с укором сказал ему дядя Мартын в последнее воскресенье. — Ты так много знаешь о Божьих истинах и ничего нам не говорил до сих пор!

— Я не мог, Мартын, поверь мне! Вина и печаль камнем лежали на мне, — ответил Матьяс. — Я благодарю Господа, что он освободил меня от этой тяжести, и теперь я вместе с вами буду Ему служить.

— Ах, матушка моя! — подняла Аннушка глаза к небу. — Знаешь ли ты обо всем этом? Ах, Господь Иисус Христос, Ты можешь ей сказать, какие мы счастливые и как новая жизнь, которую Ты даровал ей там, на плоту, а нам здесь, начинает распространяться в Зоровце!

...Мысли Аннушки прервались, так как приехал на своем велосипеде Степан Ужеров.

— Это ты, Аннушка? Одна здесь? — окликнул он ее издали.

— Одна, Степа. Дору позвали домой, у вас гости!

Он соскочил с велосипеда, и они пожали друг другу руки.

— Как я рад, что встретил тебя! У вас опять стирка?

— Это не наше белье. Тетя Рашова больна. Пришлось бы стирать бабушке Симоновой, поэтому мы с Дорой предложили свою помощь. Да мы уже закончили работу. Ты на велосипеде скорее будешь дома, скажи, пожалуйста, Рашовым, чтобы дядя приехал за корзинами с бельем, оно уже почти высохло.

— Передам. Но я не понимаю дядю Матьяса, почему он позволяет тебе стирать для чужих, — сказал парень, нахмурившись, — будто Рашovy не могут нанять кого-нибудь.

— Некого было, а я сегодня свободна; отца нет дома.

— Вот оно что! Он, наверное, этого не допустил бы... А нет ли у тебя водички напиться?

— Воды у меня нет, а есть хорошая пахта. Присядь, в ней и масло есть, я тебе на хлеб намажу.

Парень удобно расположился на мягкой траве, откусил свежего хлеба с маслом и попил пахты.

— Как вкусно! Я даже не знал, что так голоден. Хорошо, что вы столько взяли с собой!

— Да я на тот случай и взяла побольше, чтобы кого-нибудь угостить.

— Ах, Аннушка, ты всегда думаешь о других! — покачал он головой. — Мне здесь так хорошо, но надо домой. Ты сегодня еще придешь к нам?

— Не знаю, у вас же гости. Поэтому тебя, наверное, и домой позвали?

— Меня не позвали. Я получил письмо от моего прежнего хозяина, он пишет, что хочет вместе с женой посетить меня. И что это они надумали приехать сюда, в деревню? Вот и размышляю, как наши их примут, — объяснил парень озабоченно.

— Если вам что-нибудь понадобится, мы поможем.

— Я знаю. Скажу матери, а тебе спасибо, Аннушка. Не оставайся долго здесь! Я тебя давно не видел, но мне надо идти.

— Ты еще долго будешь молотить?

— У нас, слава Богу, еще много зерна в запасе, и машина твоя отлично работает!



Парень вскочил на велосипед, попрощался и укатил домой. Но он еще раз оглянулся и чуть не повернул обратно. Солнце как раз садилось за гору, и девушка стояла в ее лучах, как олицетворение весны. Нежное розовое лицо ее с большими ясными глазами было прелестно. Парень поехал быстрее, но расстояние не отдаляло его от нее — образ ее запечатлелся в его сердце. Недалеко от деревни он встретил работника Рашовых и велел ему поскорее забрать высухшее белье.

Немного позже уже в своем дворе он соскочил с велосипеда, прислонил его к стене и зашел на кухню.

— Ты пришел, Степа, это хорошо, — встретила его бабушка. — Переоденься! Гости с Мартыном в саду. Не появляйся перед ними таким потным!

— А почему? Они меня не раз видели таким. Но я охотно переоденусь, бабушка! А что вы для них готовите?

— Не заботься, сынок; мы все сделаем так, что тебе за нас краснеть не придется.

А тем временем гости Степана сидели в саду под старой грушей. Это были солидный господин со своей супругой. Их внешний вид, одежда и манеры подчеркивали респектабельность гостей, видно было, что они себе ни в чем не отказывали. Напротив них сидел Мартын Ужеров. Господин Найберт рассказывал, как они проводили время в Татрах. Все было дорого, пиво и еда ужасны, одним словом, туда не стоило ехать. Госпожа Найберт, пожимая плечами, объясняла, что ради единственного дитяти на все пойдешь, что они согласились на эту поездку по настоянию дочери. Но и самой Иде, не особенно там понравилось, и теперь она успокоилась.

— Знаете, — объяснил господин Найберт, — мы бы сюда и не приехали, если бы ваш племянник не расхвалил нам так долину вашего Вага, что Ида обязательно захотела ее увидеть. Ее здесь нет, поэтому скажем вам правду: она немного влюбилась в вашего парня, так что ни на кого другого смотреть не хочет, хотя у нее есть выбор. Ваш сын обещал, что он устроится в городе механиком, но, как мы видим, он предпочел остаться со своими.



— Когда Степан вернулся домой, он нам сказал, что хотел бы жениться на вашей дочери, — возразил Ужеров серьезно. — Мы ему не противоречили. Я ему только посоветовал, прежде чем он в угоду своей жене переселится в город, накопить для начала немного денег. Без гроша трудно начинать что-нибудь! Для сельского жителя у Степана неплохое отцовское наследство. Но, продай он его, трудно ему в городе будет. Сейчас у него поддома и достаточный доход. Доля его дает ему необходимое для жизни, а то, что он зарабатывает как механик, он может отложить. Если бы ваша дочь согласилась жить вместе с нами, крестьянами, и была бы не очень требовательна, они могли бы пожениться и некоторое время пожить здесь; но ей это вряд ли понравится.

— Значит, вы не возражаете против женитьбы Степана на нашей дочери?

— Он совершеннолетний. Во всяком случае, мы, как и вы, не особенно в восторге от этой идеи. Как механик, наш Степан слишком незначительный человек, чтобы содержать такую даму. Ему нужна жена-помощница. Вы же желаете для своей дочери мужа, который исполнял бы все ее желания, чтобы ей замужем жилось еще лучше, чем дома, иначе вы ее и не отдали бы, не так ли?

— Да, конечно. Вы говорите очень разумно. Так посоветуйте, как нам быть? — попросила госпожа Найберт.

— Я считаю, что вы не должны противоречить вашей дочери. Пусть она сама решит, жить ей здесь или стать великосветской дамой в Праге.

В этот момент хозяина дома позвали во двор, и супруги продолжили этот важный для них разговор. То, что их Ида не место в этом доме, они поняли сразу, при первом взгляде. Отдать свою единственную дочь этим крестьянам? Никогда! Степану пришлось бы сразу переселиться в город, но сколько он выручил бы за половину этой хижины и нескольких пахотных полей? Ждать, пока он что-нибудь накопит? Ида за это время превратится в старую деву.

— Ида, и вы здесь?! — воскликнул Степан Ужеров, появляясь с другого конца сада и не совсем веря своим глазам. Ее появление показалось ему странным в этом старом саду. Ида протянула ему руку. Парень вдруг живо вспомнил любимившуюся ему городскую жизнь в Праге. Почти полгода прошло с тех пор, как он в последний раз прикасался к этой мягкой руке.

— Ну что, господин Ужеров, разве я вам не сказала, что мы приедем посмотреть на вашу

деревню? — воскликнула она знакомым ему звонким голосом, в котором слышались капризные нотки.

Степан окинул восхищенным взглядом эту поразительно красивую городскую девушку — от коротко стриженной головки, которую прежде украшали богатые косы, до ножек в лакированных туфельках. Оранжевое платье едва доставало до колен; глубокий вырез, голые руки, чулки телесного цвета — все это взволновало доселе спокойного молодого человека. Свежесть, красота и явная заинтересованность девушки приятно поразили молодого человека. Ему вдруг захотелось обнять и расцеловать ее. Он невольно отступил, словно убегая от самого себя.

— Вы в этой скучной местности разговаривать разучились, что ли? — засмеялась красавица.

— Болтуном я никогда не был, это вы знаете, — извинился он, растерявшись, — и, похоже, уже незачем спрашивать, понравилось ли вам у нас!

— Какой вы обидчивый! По вашим рассказам я эту словацкую деревню представляла себе иначе.

— Я вам никогда не рассказывал о нашей деревне, а говорил лишь о красоте долины Вага.

Для меня она и сегодня самая прекрасная, ибо она — моя родина.

Она была ошеломлена. Таким она его в Праге не знала.

— Вы что даже по-чешски разучились говорить? — спросила она недовольно.

— Почему я дома должен говорить по-чешски? Ведь вы меня понимаете. Я же словак.

— Этого вы у нас никогда не говорили.

— Однако вы знали, что я словак. Или нет?

Ида оставила его вопрос без ответа.

— Мы не застали вас дома. Где вы, собственно говоря, были?

— Я в Ф. молотил. Туда мне и переслали письмо вашего отца.

— И вы еще долго намерены оставаться в этой деревне? — допытывалась она.

— Я еще не знаю. Во всяком случае, пока мне не удастся найти работу. Да и бежать из отцовского дома у меня нет причин. Мне здесь хорошо. Войной и школой я был оторван от родины. В Праге мне казалось, что не имеет значения, где жить. А сегодня мне уже не так легко расстаться с теми, кто добр ко мне и кого я люблю, — признался он откровенно.

— Вы моих родных не знаете, — продолжил он, заметив насмешливую улыбку на ее устах. — С ними надо пожить. Нет, наверное,

другой такой бабушки, как моя, и нет такого брата! Его молодая жена заботится обо мне, как сестра. А мои приемные родители? Многие сыновья были бы счастливы иметь таких родителей... Но пойдете, бабушка зовет ужинать!

Дора очень постаралась красиво накрыть стол. Она посоветовалась с бабушкой Симоновой, служившей когда-то у господ, а бабушка Ужерова позаботилась о хорошем ужине: подавались цыплята с тушеной капустой и блинчики на сливочном масле, обсыпанные сахаром. Гостям предложили также свежий хлеб, молоко и масло, так что еды было достаточно! Господину и госпоже Найберт еда понравилась, но дочь их едва прикоснулась к пище, взяла только самую малость, а остальное оставила на тарелке. Дора не посмела заговорить с Идой. Шутник Илья даже посмеялся над Дорой, от смущения как будто проглотившей язык. Мартын рассказал гостям, что у него есть еще один сын. Он уже сдал экзамены для поступления в высшую школу, но домой на каникулы не приехал, а остался в доме одного соученика, сына богатых родителей, и готовит его к повторным экзаменам по разным предметам. Илья сказал, что представляет себе Мишку с очками на носу и с тростью в руках, а затем рассказал, как он однажды от страха перед палкой учителя вы-

прыгнул из окна школы и побежал домой. Все смеялись, и Ида хохотала, сверкая красивыми белоснежными зубками, и выглядела так привлекательно, что Степан не мог оторвать от нее глаз. После ужина Степан повел Иду по всему дому, а затем — по деревне. Она смотрела, как скот возвращается с пастбища, как каждая корова находит свой двор, а там, где ворота закрыты, умные животные терпеливо стоят и ждут. Барышня удивилась, как деревня вдруг ожила: заблеяли овцы и козы, замычали коровы, захрюкали свиньи, послышались голоса крестьянок, собачий лай, щелканье кнутов и гоготанье гусей. Стоял такой гомон, что собственного голоса не слышно было. Девушка захотела посмотреть, что находилось там, за садом, и молодые люди пошли к колодцу Янковских. Она села на скамейку и похвалила прелестное местечко и хорошую воду. Ах, как жаль было, что она так вырядилась. И зачем она отрезала свои чудесные косы! Какой хорошенькой она казалась, когда закуталась в большой пуховый платок, так что не видны были ее голые ноги и руки! Понятно, почему Степан выбрал ее. Родных удивило только то, что парень вдруг стал таким неожиданно серьезным, особенно когда он стоял у колодца, прислонившись к дереву, будто и не слышал их веселые разговоры.

Гостям уступили обе комнаты. Степан и Илья легли на чердаке, а Дора пошла ночевать к Аннушке, и им было о чем поговорить. Дора рассказала Аннушке, что приехала избранница Степана. Аннушка слушала, как удивленный ребенок, которому рассказывают о чем-то незнакомом, над чем она еще никогда не думала. Наконец она озабоченно спросила:

— А она Спасителя любит?

Молча глядя перед собой, Дора покачала головой:

— Думаю, что нет, не похоже. Но и Степа Его еще не знает!

— Ах, если бы он Его полюбил до приезда этих гостей! — вздохнула Аннушка.

— А почему ты так сожалеешь об этом?

— Не знаю, но мне кажется, так было бы лучше.

На том разговор и закончился.

— Аннушка, ты спишь? — спросила Дора через полчаса.

— Нет, не сплю, Дора!

— Что она Иисуса не любит, я знаю точно, ведь если бы она Его любила, то постеснялась бы так одеваться. И если Степан хочет на ней жениться, то ему это нужно сделать сейчас. Потому что если он полюбит Господа, то никогда не сможет этого сделать. А теперь спать!

— Дора, скажи мне одно, — начала Аннушка немного погодя, — а ты Его любишь?

— Да, Аннушка, хотя еще не так, как ты или дядя Матьяс, или как бабушка Симонова; но я Его все же люблю и знаю, что Он простил мне грехи мои, когда я Его об этом попросила. Я также верю, что Он живет с нами. Я с Ильей часто о Нем говорю. Илья надо мной не смеется, и я знаю, что ему хотелось бы сделать то, о чем твой отец нам недавно говорил. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, Дора!

В комнате наступила тишина. Обе подруги уснули.



— Вот, дочка, мы исполнили твое желание; дольше, чем до завтра, мы здесь оставаться не можем. У людей работа, а мы им мешаем, — сказал господин Найберт.

— Папа, я спать хочу, — возразила Ида плаксивым голосом.

— Знаешь, дочка, если ты хочешь стать крестьянкой, выйдя замуж за крестьянина, то ты должна отучиться долго спать. Посмотри на них: в 4 часа они все уже на ногах!

— Ты думаешь, что сможешь здесь спать до девяти часов и свекровь будет приносить тебе кофе в постель, как твоя мама это делает?

— Я спать хочу! Завтра об этом поговорим, а теперь оставьте меня в покое!

— Глупая девчонка, здесь живут приличные люди, что они о нас подумают, зачем мы приехали? Парень на тебя едва смотрит!

— А если бы он ухаживал за мной, вы бы опять сказали, что он зарится только на ваш дом. Теперь все ездят в Словакию, почему бы и нам ее не посмотреть? Мы были в Татрах, ехали окольным путем через словацкую деревню, заедем еще в Тренчин и в Тренчин-Теплиц, а потом отправимся домой. Вы говорите, что он не смотрит на меня, что все забыл, но я не хочу, чтобы он меня забывал, а хочу, чтобы он стал самостоятельным предпринимателем и поскорее побывал у нас в Праге. За мужика я не выйду, разумеется, и в деревне жить не хочу, но он меня повезет туда, куда я хочу, и, может быть, вы увидите еще, что он сам будет носить мне кофе в постель. Я не нищая, и мы из этого мужика сделаем господина! А теперь дайте мне уснуть!



У соседей стало тихо, но все ли спали у Ужеровых? Один точно не спал. Степан не пошел на чердак. Зря Дора ему там хорошо постелила! Серебристая луна освещала сад, по которому

он бродил, пока, словно притянутый магнитом, не очутился у ключа в сосновом бору. Степан сел на скамеечку и так долго размышлял, что казалось ему, голова его скоро лопнет. Однажды, в день Троицы, он сравнил две картины, два образа, сегодня он сравнивал их снова. Обе девушки были прекрасны. Но красота Иды была вызывающе соблазнительной, а красота Аннушки, затихшей в молитве, поразила его чистотой и загадочностью. Обе девушки-невесты словно бы нарочно выбрали место для смотрин у колодца с ключевой водой, там, где родная природа особенно нежно ласкала глаза и душу Степана.

Степан осознавал, что Аннушка удивительно благотворно действует на него, внося в его душу свет, тихую радость и желанный мир. Он в ее присутствии как бы вырастал в собственных глазах и казался себе сильным, мудрым и нужным людям. А чего ожидала от него Ида? Кем рядом с нею был он? Что он ощущал? Степан ясно понимал, что они с Идой — разные люди. Он догадывался, что ею руководило лишь женское тщеславие, желание властвовать над ним... Но, Боже праведный, как красива была эта девушка! То чувство, которое Степан испытывал к ней еще в Праге, особенно сильно заявило о себе сегодня здесь, когда Ида призывно смея-

лась и мило кокетничала. Чувство это с каждым часом усиливалось и уже властно тянуло его туда, в дом, где она спала в его комнате. Недавно книготорговец сказал ему: «*Похоть же, зачавши, рождает грех*»¹... Да, пора назвать вещи своими именами: его чувство к Иде — похоть; если ее удовлетворить, она усилится еще больше и сожжет его... Но все же как неудержимо его тянет к ней! Может быть, она и не спит вовсе? Может быть, ждет его? Да, скорее всего, так оно и есть! Так в чем же дело? Он постучит к ней в окно. Ида наверняка откроет ему — и тогда произойдет то, зачем она приехала: ему придется предложить ей руку и сердце, и, может быть, он испытает счастье любви...

Парень встал со скамьи, сделал нерешительный шаг, затем побежал и вдруг услышал знакомый голос:

— Это ты, Степан? Что ты здесь делаешь и куда направляешься? Что с тобою, сын мой?

Степан бросился к соседу и спрятал лицо у него на груди. Он не сопротивлялся, когда Матьяс повел его к бревну, и в тот же миг, бесильно опустившись рядом с ним, парень признался во всем, что за последние часы так взволновало его сердце.

¹ Иак. 1:15.

Почему он был так откровенен? Потому что искал защиты. Он осознал свою природную греховность, которая, подобно потоку лавы, затопляет и сжигает все вокруг. Он почувствовал всю тяжесть вины и всю глубину собственного бессилия в борьбе против этой адской силы. Матьяс понял, что настала пора показать бедняге Голгофу и закланного и за его грехи Агнца и указать ему на спасающую и очищающую силу Его крови. Распростертые на кресте руки Спасителя не остались пустыми — Он нашел грешника!

Госпожа Найберт в своих размышлениях о бесполезности их приезда в Зоровце оказалась права! Едва забрезжил рассвет, как дом Ужеровых оживился. Проснулась вся деревня, люди и скот принялись за свое обычное дело. Однако гости спокойно спали, только Ида встретила восходящее солнце в саду. Никем не замеченная, она дошла до колодца Янковских. Там она хотела привести в порядок свои мысли, так как в эту ночь о многом размышляла и пришла к печальному выводу: «Твоя мать права! Здесь тебе не место, и хотя Степан тебе нравится, он тебе не пара, так как эта деревня полностью его преобразила. Он, конечно, ожил бы опять, ты сумела бы подчинить его, но многое ли он может дать тебе в будущем? Как владелица



пражского дома, ты при своей красоте можешь иметь женихов больше, чем у тебя пальцев на руках, да уже и сегодня у тебя есть богатый выбор. Из Степана же ничего, кроме механика, не получится, на большее он не способен; и что сказали бы твои подружки, если бы приехали к вам в гости эти глупые крестьянки?» Так разум заставлял размышлять уже ночью и продолжал говорить сейчас, когда она направлялась к роднику. Однако, что это?! На скамейке сидел Степан, обхватив руками колени. Ида кашлянула, чтобы обратить на себя внимание. Он, испугавшись, вздрогнул. Заметив, как покраснело его бледное лицо, и она зарделась.

— Ида, вы уже встали? — поклонился он.

Она объяснила, что не могла больше спать и еще раз хотела побыть в этом прелестном уголке. Он уступил ей место на скамеечке, а сам сел на сруб колодца. Вокруг было тихо. Они смутились на мгновенье, и Степан вдруг поднялся.

Она последовала его примеру и, взглянув на него, сказала:

— Итак, я выполнила свое обещание и приехала посмотреть, как вы живете. Теперь очередь за вами. Когда вы приедете в Прагу?

— Не знаю, Ида, но с прежним намерением — уже никогда, — ответил он.

— Не понимаю. С каким намерением?

— Просить вашей руки у ваших родителей и прежде всего просить вас стать моей женой. Я благодарю вас, что вы приехали и разрушили эти планы.

— Я? — воскликнула она удивленно. — Что вам не понравилось во мне? — спросила она его, необычайно красивая в этой внезапной вспышке гнева.

— Я сравнил вас с нами, со мной и понял, что не соответствую вашим представлениям о настоящем муже, из меня никогда ничего иного не получится. Я — словацкий крестьянин. Моя семья — неподходящая для вас компания, и вы ей не подходите. Стать самостоятельным предпринимателем я еще долго не смогу, а вы не сможете жить здесь. Всегда лучше, когда в браке сходятся равные. Я знаю, что ваш отец хочет иметь подходящего зятя, и он прав. Поэтому я в Прагу не приеду. Но я желаю вам счастья в вашей жизни.

— И вы женитесь на простой крестьянке, на кругленькой, пухленькой девушке вроде Доры? — она насмешливо скривила губы.

— О женитьбе я еще не думаю, — возразил он серьезно. — Я еще молод, и дома обо мне заботятся.



Гости у Ужеровых появились неожиданно, и прежде чем слух о них распространился в Зоровце, они уже уехали. Люди в недоумении искали причину такого скорого отъезда горожан. Они решили, что Степан в Праге, наверное, нашел себе невесту, но когда она приехала, то не понравилась ни ему, ни родителям.

— И поделом гордецу: нечего было ему заноситься! Жену из Праги ему подавай! Будто у нас своих девушек мало! — рассуждали люди. Но так как никто ничего толком не знал и от Ужеровых тоже ничего нельзя было узнать, молва постепенно умолкла.

— Бабушка, свадьбы не будет! — засмеялся Илья, когда гости уехали на вокзал и след их простыл.

— Ты это точно знаешь? — бабушка облегченно вздохнула.

— Я видел сегодня утром Степана и Иду вместе и по их лицам понял, что согласия меж-

ду ними как ни бывало. И родители девушки заметно обрадовались, что уезжают, все они спешили в Тренчинский замок, хотя и нелегко добраться до него! А как они всем нам, в том числе и Степану, сердечно трясли руки на прощание!

— Все это ты правильно заметил, сынок, — подтвердила Сусанна, — мне госпожа Найберт тоже сказала, что молодые люди образумились и готовы послушаться нас, стариков. Так как мы прежде об этом не говорили, мы и впредь будем молчать, чтобы не было лишних пересудов. Оставьте и Степана в покое, пока он нам сам не скажет, как закончилось дело. Господь наш проявил милость в том, что дело так завершилось! Заметив, как Степан смотрел на девушку, я, признаться, испугалась, потому что она ему вовсе не пара. Ей нужен не такой муж, как наш Степа! Он бы, конечно, оказался у нее под каблуком и пропал бы.

Едва гости уехали, как и Степан простился с семьей, сел на велосипед и поспешил по своим делам. Женщины подумали, что эта неудавшаяся женитьба его все же сильно задела, и готовы были еще посудачить о переживаниях парня.

— Это пройдет, — рассуждала бабушка, — надо быть лишь очень чуткими к парню и благодарными за то, что он думал и о нас, когда отпустил ее без обещаний.

Итак, женщины не судачили с соседками о случившемся, только Аннушке Дора вынуждена была сказать правду, так как она ей проговорила об избраннице Степана.

Глава 12

Быстро, как птица, летит время, унося и принося с собой всякое: и радость, и горе. Так вот, пролетая над Зоровце, принесло оно неожиданно страшную гостью, оставшуюся довольно надолго в округе: испанский грипп, или испанку, как ее называли в народе. Эта грозная болезнь прилетела незаметно и теперь властвовала, забирая лучшее, что было в Зоровце, — детей и молодежь. Давно уже церковные колокола не звонили так часто, как теперь. Если болезнь набрасывалась на человека постарше, она его трясла и трепала, как кошка пойманную мышь, которую в лучшем случае она отпускает полумертвой.

Школу пришлось закрыть, и теперь учителю ежедневно приходилось прогуливаться на кладбище для похорон. Придя домой, он с удовольствием встречал там Аннушку, которой его жена Ольга давала уроки музыки. С такой ученицей занятия были в радость! Девушка действительно была очень музыкальна и схватывала

все не только своим ясным умом, но прежде всего — душой, любящей музыку. Ее маленькие нежные руки словно были созданы для клавиатуры. Усвоив ноты и аппликатуру, она быстро научилась играть первые простые песни. Хотя ноты из ее песенника были не самыми легкими, они учительнице нравились. Ольга играла эти песни с чувством, так что и Аннушка вскоре стала играть их, хотя они для нее были еще трудноваты. Учитель с женой уже несколько раз провожали Аннушку домой и играли на ее фисгармонии. Они хвалили удачное приобретение Янковского, так как в послевоенное время такой инструмент — редкость. При втором посещении учитель начал уговаривать Янковского послать Аннушку на учительский семинар, уверяя, что из нее может получиться хороший учитель. Аннушка подошла к своему отцу и, обхватив его шею руками, сказала: «Батюшка мой оставит меня дома, не правда ли? Я не хочу уходить отсюда! И так довольно поздно Господь нас свел, зачем нам разлучаться?» Это было так трогательно, что супруги попросили девушку рассказать им историю ее и матери. Выслушав, они ужаснулись своему совету. Отправить Аннушку учиться означало лишить отца ребенка, которого он потерял при таких трагических обстоятельствах и после стольких лет снова нашел. Они сказали себе: «Если бы Аннушка на

годы разлучилась с отцом и потом где-то вдали от него получила бы место работы, то она не смогла бы выполнить желание ее умиравшей матери — быть ему утешением».

Теперь, когда свирепствовала испанка, Аннушка мало бывала дома. Она ходила по домам и помогала ухаживать за больными. Вскоре врач без нее не мог уже обходиться. Нередко она своим тихим, чудесным пением унимала боли, вызванные лихорадкой, останавливала страх и смягчала горе отчаявшихся матерей. Умиравшие болели не долго, а у выживавших болезнь поражала внутренние органы. Жена учителя удивлялась Янковскому, который позволял своей любимице подвергаться такой опасности. Несмотря на его ум, он был несведущ в медицине, полагался на судьбу и не имел правильного представления об этой болезни, как и остальные крестьяне, отвечавшие на предостережения врачей: «Какое заражение?! А откуда взялся первый больной?!» Доктор М. нередко приходил в школу и делился своими опасениями с учителем.



Был пасмурный субботний день. Аннушка закрыла свою нотную тетрадь, собираясь уходить, когда вошел учитель.

— Подумать только, — воскликнул он из дверей, — куда этот недуг забрался!

— А куда? — переспросила спешившая ему навстречу жена.

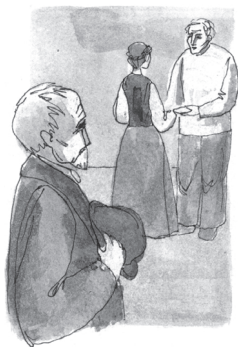
— В дом пастора! Мы стоим еще у могилы, господин пастор говорит благословение и вдруг как закачается, и упал бы, если бы я его не подхватил. Он сказал, что у него весь день сильно болела голова. Я проводил его домой. По дороге я послал за врачом, которого, к счастью, застали еще дома. Он пришел и установил сильный грипп.

— Неужели?! — всплеснула жена учителя руками. — Мать пастора тоже слегла; у нее сильный ревматизм. Кто же за ними будет ухаживать?

— А вот идет доктор; сейчас узнаем, как он там!

И действительно вошел врач.

— Ах, Аннушка, вы здесь? — воскликнул он радостно, увидев ее. — Помогите мне! Дом пастора превратился в больницу. Духовный отец переоценил свои силы. Он хотел превозмочь болезнь, потому что мать его слегла, и сам с прислугой за ней ухаживал, хотя ему уже два дня назад надо было лечь в постель. А теперь его схватило основательно! Старуха плачет в одной комнате, а он стонет в другой. Послали



телеграмму сестре пастора, может быть, она завтра будет здесь. Но как быть ночью?

— Вы думаете, господин доктор, что я смогу быть сиделкой? — спросила девушка озабоченно.

— Конечно! Лишь бы вы согласились! Надо постоянно класть компрессы на голову и шею. Хотя там у них церковный служитель, но что он может? Бедный Мадера лучше справлялся бы с обязанностями могильщика, — грустно улыбнулся врач.

— Пойду домой, господин доктор, переоденусь и сейчас же приду.

— Спасибо, Аннушка, но я лучше пойду с вами, попрошу вашего отца, чтобы он разрешил вам остаться на ночь, до утра, пока не подоспеет помощь. Случай очень серьезный.

Хорошо, что Аннушка с доктором застали Янковского еще дома. Пока она переодевалась в своей комнате, доктор сообщил ее отцу причину своего прихода. Янковский стоял перед ним со скрещенными на груди руками; лицо Матьяса было спокойным, как всегда, но глаза его, со следами долголетней печали, несмотря на его теперешнее счастье, выдали вдруг всю

глубину его жгучей боли и душевной борьбы. Когда Аннушка, приготовившись, вошла, его скрещенные руки вздрогнули, будто он хотел обхватить ими дочь и крикнуть: «Не забирайте ее у меня! Я не могу рисковать ею!» Доктор это заметил, понял, но промолчал. Аннушка, нарушив повисшее молчание, обратилась к отцу:

— Вы меня отпускаете, папа?

Руки Матьяса простерлись к ней, и она бросилась в его объятия.

— Иди, дитя мое, свети нуждающимся в тебе и даруй им счастье, как повелел Христос. Он Сам да сохранит тебя!

Доктор понял, что Янковский не тот странный отшельник, мужик-фаталист, как о нем говорили. Он отлично знал, что делал, и прекрасно понимал, что рискует всем своим счастьем. Но, так как Христос и Его любовь были для него превыше всего, он не боялся земной смерти. С глубоким почтением доктор подал ему руку на прощание.

— Послушайте, Аннушка, — сказал он, когда они уже почти пришли, — вы только до ночи останетесь в доме пастора; я еще кого-нибудь найду.



— Зачем же, господин доктор?

— Вы не заметили, как тяжело было вашему отцу отпустить вас?

— Видела, господин доктор! — ее серебристый голос задрожал немного. — Но Господь Иисус Христос укрепил его, и он отпустил меня!

Немного погодя девушка уже склонилась над матерью пастора, помогая прислуге перевернуть ее на другой бок. Ей удалось найти для больной такое положение, что боли в ее груди утихли, и ей стало легче дышать.

— И откуда ты такая взялась? — спросила она удивленно. — У тебя в самом деле руки целителя, как говорит доктор.

— Господин доктор привел меня, чтобы ухаживать за вами и за господином пастором, пока помощь подоспеет.

— Ты пришла за ним ухаживать? Тогда иди, дитя мое, и помоги моему страдающему сыну!

Но Аннушка не сразу смогла уйти. Ей еще пришлось выслушать трогательный рассказ матери о болезни сына. Взяв с девушки обещание сразу же сообщить ей о самочувствии сына, мать наконец ее отпустила. И вот сиделка уже у постели больного. По опыту она сразу поняла, что здесь предстоит жестокая борьба между жизнью и смертью. Пастор Моргач был молод

и посмел померяться силами с недугом, этим свирепым врагом молодости. Болезнь обрушилась на несчастного со всей своей силой. На девушку смотрела пара темных глаз. Прежде бледные щеки стали красными; губы горели от жара; судорожно сжатые руки беспокойно дергались. Доктор снял компресс, девушка принесла другой и положила его больному на лоб. Он почувствовал облегчение, и глаза его закрылись. Доктор тихо поманил Аннушку, и она последовала за ним в соседнюю комнату, дверь которой он осторожно затворил. «В тяжелом он состоянии, Аннушка, я не уйду от него. Мне придется лечь здесь, на диване, потому что я уже две ночи не спал. Если понадобится, велите разбудить меня, и лучше сами приходите, чтобы слугитель по неосторожности не зашумел. Компрессы меняйте по возможности чаще; лекарство дайте больному в 9 часов; теперь 8. Если он уснет, пойдите и побудьте немного с его матерью. Хорошо было бы бедняжке немного поспать!»

Это была жуткая ночь. Менялась погода. На дворе выл и грохотал ветер. В деревне лаяли собаки. Дождь стучал в окна. Больной, вздрагивая, стонал во сне; в бреду он говорил о пожаре, о больших собаках или начинал громко сме-

яться. Несколько раз он срывал компресс и с силой бросал его на пол, после чего обеими руками трепал свои волосы. Но от прикосновения маленькой прохладной руки Аннушки пастор каждый раз успокаивался. Она знала, что он принимает ее за свою мать. Он укорял ее за то, что она не помогает ему, в то время как он стораает, с ума сходит от жара. Когда он после свежего компресса и приема лекарства заснул, девушка дважды ходила к матери пастора. В первый раз она обрадовала старую женщину сообщением о том, что господин доктор лежит в соседней комнате, а господин пастор спит. Заглянув к ней во второй раз, Аннушка увидела, что больная спит. Но в полночь пастор вдруг начал проповедовать, и говорил он, не прерываясь, дольше четверти часа. Глаза его сверкали все сильнее; он махал руками, и девушке стало очень страшно. Вокруг все спали. Служитель спал так крепко, что она, прежде чем он проснулся, могла бы сбежать за врачом; однако она не смела оставить больного: а вдруг он упадет с кровати? Девушка знала пастора Моргача только с кафедры, больше с ним нигде не встречалась, она ему раза два ответила на вопрос «который час?», но больше с ним ни слова еще не говорила. Так как страх ее не покидал, несмотря на то что она постоянно молилась,

она решила запеть. Может быть, проснется Мадера или доктор подойдет? Итак, в эту страшную ночь в доме пастора зазвучала песня:

*Буря, Господь, завывает,
Как страшен сердитый гул!
Туча нам свет застилает,
Мы гибнем, а Ты заснул.*

*Или Тебя не тревожит,
Что смерть окружает нас?
Грозный вал наступает и может
Ладю поглотить тотчас.*

Припев:

*И волны и ветер услышат Мой глас,
Умолкнут тотчас,
Бурное море смирится,
Мне всякая тварь подчинится.*

*Владыка земли и небес тут Сам,
не даст Он, Всесильный, погибнуть нам.
Услышат волны и ветер Мой глас,
Умолкнут тотчас.*

*Боже, в глубокой печали
Склоняю главу мою,
Душу грехи взволновали,
Спаси, о спаси, молю.
Сердце мое заливают*

*Потоки земных скорбей;
Я гибну, к Тебе взываю,
Покой дай душе моей!*

*Буря, Господь, миновала,
И в сердце настал покой!
Солнце опять засияло
Над стихнувшей вдруг водой.*

*Будь же со мною, Спаситель!
Твой мир Ты во мне храни
И в Божью Твою обитель
На вечный покой прими.*

Буря на дворе утихла, и больной, успокоившись, прошептал: «Как хорошо это было! Спой еще раз!» И девушка повторила свою песню.

Врач, склонившись над больным, сказал: «Ваша песня его спасла, Аннушка, кризис прошел».

Глава 13

Прекрасна зима, когда свежевыпавший снег покрывает леса и поля, иней сверкает на ветвях деревьев и лунный свет серебрит землю! Такой светлой зимней ночью одинокий путник шагал через заснеженные деревни, где освещенные окна домов глядели на него, как сонные детские гла-

за, медленно закрывающиеся от монотонного голоса бабушки, которая рассказывает старую знакомую сказку. Степан Ужеров возвращался домой после долгого отсутствия. Бодро шагая, вдыхая свежий воздух, он чувствовал себя необыкновенно счастливым от того, что стал новым человеком! Несколько недель назад Степан оставил отцовский дом грешником, спасенным и примиренным с Богом; Бог остановил его буквально на краю пропасти! Теперь он возвращался домой как сын, которому Иисус Христос открыл Отца, и этот Отец даровал ему Духа Своего и новую вечную жизнь.

Всего лишь две недели проработал он в К., как ему стало известно, что господин Х. в Л. распространяет Слово Божье. Степан пошел к нему и, так как у него в К. была снята комната, пригласил книготорговца поселиться у него и отсюда исполнять свое чудное служение. Ведь сказано в Писании: *«Страннолюбия не забывайте; ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам»*¹.

В сердце молодого человека была подготовлена почва для Благой Вести. Стучавшийся в его сердце Христос открылся ему, и он впустил Его. В те две недели, когда он каждый вечер

¹ Евр. 13:2.

проводил в общении с опытным, верным христианином, всей душой верящим в то, что он возвещал, было положено твердое основание строения, которое Дух Божий возводил в сердце Степана; так что теперь расставание с добрым другом ему уже не могло повредить. Молодой человек в духовном отношении не остался одиноким. У него было Слово Божье и руководство к чтению; и он читал Библию, просил о просвещении, верил Богу и был Ему послушен.

Спеша теперь домой, он в душе снова и снова переживал последние события, происшедшие в родительском доме. Ведь снова была ночь, как та, проведенная им в мучительных раздумьях. Он уже не считал, что чувство, испытанное им у колодца, на него нашло, как злой дух! За прошедшие недели он понял, что внутренне с ним всегда было так, особенно на военной службе, где зло, вызванное в нем поведением товарищей, время от времени выходило на поверхность. Он не хотел быть подлецом, он не был ни пьяницей, ни картежником; у него было честолюбивое желание стать чем-то лучшим, нежели он, Степан, был на самом деле, поэтому он никогда не связывался с женщинами. Ида была первой, которая привлекла его внимание, но и с ней он не вступил в близкие отношения, потому что хотел жениться на

хорошей, нравственной девушке! Нередко ему приходилось бороться с самим собой, когда они с Идой бывали наедине, так как рядом с нею в нем всегда пробуждалось то чувство, которое он испытал там, у колодца, и которое сегодня считал нечистым. Хотя он еще не умел глубоко анализировать свои чувства, этого и многого другого в себе еще не понимал, уже в те годы Бог много раз предостерегал его и уберегал от греха. Все его нечистые желания и вождения достигли высшей точки в тот момент, когда пражская красавица приехала к нему в деревню.

Степан невольно остановился и почти испуганно огляделся вокруг; но потом глаза его засветились, и в душе прозвучало: *«Если будут грехи ваши, как багряное — как снег убелю»*¹. «Он омыл меня кровью Своей, я очищен!» — радостно подумал он.

Невольно мысли молодого человека пошли дальше, и перед ним возник ясный образ: Аннушка! Он спешил, чтобы поскорее рассказать ей все, что с ним произошло. Она его поймет!

Вдали уже виднелась церковная башня Зоровце. Деревушка спала, не было света ни в одном окне. Никто его не ожидал! «Если бы сви-

¹ Ис. 1:18.

репствовала еще та страшная болезнь, — подумал он, — то свет был бы в домах больных; но, слава Богу, она прошла, и из родных никто особенно не пострадал, если не считать Ильи, который проболел два-три дня, и Рашова, неделю пролежавшего в постели».

А вот и дом пастора! Где он сейчас и что с ним? Его испанка потрепала как следует, так что ему даже пришлось уехать в Далматию на поправку! Хорошо, что у него там родственники. Может быть, легкие его не пострадают, и он там, на юге, полностью излечится. Слава Господу, что он не умер, ведь хотя он и был пастором, но жил не с Богом, так же, как и я. Он еще молод, и если Сын Божий его найдет, то как радостно будет ходить к нему в церковь! Сколько Господь мог бы через него сделать! Пока что он лишь служитель церкви, а станет слугой Иисуса Христа». Степан остановился и помолился за молодого пастора. Только он хотел ускорить шаг, как перед ним остановился автомобиль; за рулем был Эдуард Соланский, его бывший школьный товарищ.

— Это ты, Эдик?

— Да, Степа. А ты откуда идешь?

Они пожали друг другу руки.

— Я возвращаюсь с работы.

— Разве до сих пор молотил?

— Три дня мы еще лес пилили, а теперь закончили. Машину завтра привезут; я не захотел ждать.

— Ну конечно же, жених ведь! Когда на свадьбу пригласишь? Не притворяйся! Думаешь, что никто в Зоровце не знает, что твоя красавица Ида у тебя была в гостях? Я их встретил, когда они ехали на вокзал. Так когда будет свадьба?

— У нас с Идой — никогда, — ответил Степан серьезно. — Она приехала лучше узнать условия моей жизни, и, так как они не подошли ни ей, ни ее родителям, не было даже обручения.

— И об этом ты говоришь так спокойно? Упустить такую невесту! Зачем ты разрешил ей сюда приехать? Устроился бы сразу в каком-нибудь городе или, еще лучше, сразу в Праге обручился бы с ней! Ее старики уж как-нибудь пристроили бы тебя. А ты позволил ей приехать в нашу деревню! Твоим родителям и всей твоей семье — честь и почет, однако они лишь простые словацкие крестьяне. Будь они хотя бы чешскими или моравскими землевладельцами! А так это просто мужики!

— Нам хватает того, что у нас есть, — возразил Степан. — У ваших крестьян тоже только один желудок, а чем больше полей, тем больше

работы. Уплатив налоги, как и мы, они тоже живут только тем, что им остается. Поезжай себе, Эдик, а я пойду пешком. Счастливого пути!

— Вот еще! Я еду через Зоровце, а ты пойдешь пешком? Садись, поедем вместе!

— Да здесь уже недалеко. Но, чтобы тебя не обидеть, поеду. Это ты господ увез на вокзал?

— Я был на вокзале, но напрасно, никого я не вез.

— Послушай, Степа, — начал Эдик, когда они поехали, — мне кажется, ты и не жалеешь, что ничего у вас с этой невестой не получилось? Или ты только притворяешься?

— Подумай, Эдик, она бы мне досталась лишь в том случае, если бы ее родители устроили меня на службу и если бы я ее никогда не привозил в Зоровце. Из-за жены мне пришлось бы расстаться навсегда со всей моей семьей. Из меня, как бы я ни старался, все равно ничего не получилось бы, кроме простого механика какой-нибудь мельницы или небольшой фабрики. Возможно, я бы стал железнодорожником, но ведь этого для Иды мало. Меня же не удовлетворило бы быть лишь мужем моей жены и жить за ее счет! Так что мы с миром разошлись. Пусть она выйдет за другого, подходящего человека, а я останусь свободным!

— Неужели ты хочешь жить в этом захолустье, быть простым мужиком?

— Конечно! У меня есть дом, поле и ремесло в руках. Я только теперь понял, как хорошо остаться со своими. Так как я жениться пока не собираюсь, мне не нужно денег, чтобы начинать новую жизнь, и я могу уплатить за молотилку. Полученное за молотьбу зерно я отдам в наше домашнее хозяйство, куплю себе одежду и обувь и буду жить без забот.

— Какой ты вдруг разумный стал! Жаль, что мы уже подъезжаем.

— Приходи ко мне, Эдик, ведь ты часто один едешь мимо; думаю, что тебе у нас понравится.

— Хорошо, я завтра же заеду по пути на вокзал.

Машина остановилась. Друзья пожали друг другу руки, и через минуту Степан постучал в окно. Встреченный радостным лаем своего старого друга, он вошел в теплую комнату брата.

— Я так и знала! — захлопала в ладоши Дора.

— Она тебя в самом деле ждала, даже постель твою проветрила и комнату натопила! — подтвердил Илья обрадованно.

— Спасибо тебе, Дора; я пойду лягу спать; не будите никого!

— А ужинать? Голодным спать ложиться не хорошо.

— Я не голоден, немного перехватил в дороге. Хочу отдохнуть.

Степан уже давно спал, а молодые супруги все еще говорили о нем. Они не могли уснуть, радуясь, что он пришел домой здоровым и в хорошем настроении.

— Он и не печалится о городской красавице, — вздохнула Дора облегченно.

— И он останется с нами, — добавил Илья.

На другой день в семье все радовались; и соседи вместе с ними, когда узнали, что Степан Ужеров вернулся домой.



Не случайно деревни возникли из семей и, собственно, из семей и состоят. Если чужой приходит в деревню, то он либо смешивается с общиной, либо отходит ото всех и вместо имени получает прозвище. Лучше всего это видно по дому пастора. Обращение «господин отец» и «госпожа мать», которое еще до недавнего времени существовало в деревне, исчезло; осталось только «господин пастор». Даже фамилию пастора не всякий знал. Да это и не нужно было, потому что в деревне обычно только один пастор. Лишь там, где есть католические и

евангелические церкви, их двое. Оба они стоят как бы над остальными жителями деревни — и в повседневной жизни, и в церкви, где проповедник стоит на кафедре, а люди сидят внизу. Этому «превознесенному» человеку, чтобы слиться со своей общиной, необходимо постичь великое искусство любви. А это бывает так редко! Хотя пастор в течение года видит почти всех членов общины в своей канцелярии, знает их поименно и ему многое известно о них: их радости и печали, имущественное положение, о котором он может судить по церковному налогу; он знает, кто из них пользуется избирательным правом; кто пьяница или бездельник, — по-настоящему своих прихожан он все равно не знает. Потому что он не видит их жизнь дома, в быту, не знает, что у них болит, что их угнетает, чего они желают, о чем мечтают. Совершенно спокойно в воскресенье он называет своих слушателей «христианской церковью», не задумываясь, имеет ли хоть один из них право быть ее членом. Или, положим, пастор в своей надгробной речи говорит об усопшем как о верном супруге, добром отце, а на самом деле умер человек, который издевался над женой и детьми и о них совсем не заботился. Он описывает печаль вдовы, а она только теперь, после смерти своего мучителя,

легко вздохнула. Или он говорит о том, как самоотверженно дети ухаживают за своими старыми родителями, а при этих детях заброшенные старики нередко умирают от голода. Иногда среди служителей церкви появляется молодой идеалист с большими планами по улучшению жизни своего прихода. Но так как его в высшей школе не учили, с какого конца следует начинать, а повседневная работа в церкви занимает все его время, эти высокие идеалы постепенно угасают, мечты бледнеют, и человек продолжает действовать автоматически. И неудивительно, что он чувствует себя таким несчастным, не удовлетворен результатами своей работы и понимает, что никому не в состоянии помочь в духовном плане.

Такие мысли роились в голове молодого пастора Моргача, когда он чудной зимней ночью в наилучшем настроении возвратился домой и, возбужденный путешествием, не мог уснуть. «Зачем я, собственно, здесь нужен? — размышлял он. — Когда мне пришлось уехать после болезни, которой я заразился, исполняя свой долг, это никого не тронуло, и когда я вчера вернулся, меня, кроме должностных лиц: инспектора, учителя и заведующего церковным имуществом — никто не встречал. Я им чужой, как и они мне, хотя и работаю здесь уже до-

вольно долго и избрали они меня сами, единогласно. Да и по моему предшественнику они тоже не плакали, несмотря на то что он 10 лет жил среди них и служил им. А может быть, мне стоит поближе познакомиться с ними? Сейчас зима, у них больше свободного времени, попробую приходить к ним домой. Начну с того интересного отшельника Матьяса Янковского. Надо же мне поблагодарить его за то, что он тогда позволил своей дочери прийти к нам, когда мне было так плохо. И ее поблагодарить за то, что она в ту ужасную ночь ухаживала за мной и за моей матерью. И песне той она должна меня научить, которую пела тогда. Доктор рассказывал, как Янковский принял Сениных и помог им. А я, несмотря на мои добрые намерения, еще ничего не успел сделать для людей. Ученики превзошли своего учителя. Надо, наконец, и мне взяться за дело!»

С этими благими намерениями молодой пастор вскоре уснул.



Утром Дора прежде всего рассказала Степану о том, что они начали собираться у бабушки Симоновой по вечерам пряжу прясть. Аннушка каждый вечер приходит с новой песней, разучивает ее с ними или читает книги, куплен-



ные у книготорговца господина Х.; и, по словам Доры, вечер всегда так быстро проходит.

— А у вас одни женщины собираются?

— О нет! — возразила Дора. — Наши мужчины там плетут циновки из соломы. Илья уже много наплел. Ра-

шов и отец занимаются резьбой по дереву, а дядя Звара им помогает. Ты придешь?

— Конечно, но что я там буду делать? Я ведь ничего такого не умею.

— Сменишь Аннушку, будешь нам читать. Она и так жалуется, что не успевает прясть.

— А она умеет прясть?

— Аннушка? А чего она не умеет? Матушка Скале научила ее и с веретеном, и с прялкой управляться, и прядет она так тонко и ровно, что мне стыдно перед ней за свою работу. Недаром она говорит, что с ней Господь и что Он ей во всем помогает. Но Он и нам помогает!

— И тебе, Дора? Ты Его уже приняла в свое сердце?

— Да, слава Богу! Но и ты Степан, не так ли?

— И я тоже. Как я рад, что мы так хорошо понимаем друг друга! А Илья?

— Он Его еще ищет. Прошу тебя, поговори с ним, потому что я чувствую, что он только ради меня это делает, из любви ко мне, знает, как сильно я этого желаю. Но важно, чтобы он сам принял правильное решение.

Степан пообещал ей выполнить ее просьбу и пошел к соседям. Он хотел приветствовать дядю Рашова и бабушку Симонову. Они ему были сердечно рады. К Янковским он зашел в последнюю очередь и пробыл у них подольше. Хозяина не было дома. Аннушка мотала пряжу. Он стал ей помогать, и они разговорились. Степан не зря радовался: девушка с полуслова понимала его. Она поделила с ним его радость и рассказала о себе, о том, как она научилась верить и как Господь услышал ее молитвы. Но как он поразился, когда Аннушка повела его в заднюю комнату, чтобы поиграть ему на своем прекрасном инструменте! Ее игра показалась ему удивительной!

— Господин учитель сказал, что до весны я все смогу играть по нотам, потому что у меня талант и хороший слух. Это все от Господа, потому что я, уходя на урок, всегда прошу Его помощи и благословения.



Затем она ему показала книгу, которую читала по вечерам у бабушки Симоновой. Очень обрадовалась, узнав, что он готов почитать вместо нее, чтобы она могла прясть. Между тем вернулся ее отец, и Аннушка поспешила на кухню. Матъяс со Степаном поговорили еще немного и потом вместе пошли к Ужеровым. Там Степан рассказывал, насколько благодатным оказалось его общение с истинным христианином, книготорговцем господином Х. Тут он вспомнил также о старом товарище, Эдуарде Соланском, обещавшем навестить его после обеда. Степан попросил бабушку приберечь немного печенья, которое она как раз напекла, и сварить кофе. Ему хотелось устроить теплый семейный праздник, пригласив и Янковского с Аннушкой. Этим небольшим торжеством он хотел отметить свое решение навсегда остаться здесь, дома, чтобы жить вместе с ними и для них, но прежде всего — для Господа.

Все получилось по его желанию. Его друг Соланский действительно пришел и с завистью в голосе заметил, что такой дом, таких родных и соседей не следует оставлять из-за женщины. У Степана, правда, была только крестьянская комната, но чистая, теплая и уютная, а главное — она принадлежала ему. Разговор с соседями был оживленным и очень интересным.

Ужеров и Янковский много повидали, и им было что рассказать. Женщины то и дело подключались к мужской беседе. Дора была на редкость симпатичной женщиной, но Аннушка показалась Соланскому зачарованной принцессой из сказки. Когда гость узнал, что она мастерица исполнять тренчинские песни, то попросил ее спеть. Женщины запели, и потом, когда он возвращался обратно, их песни еще долго звучали в его ушах. Но одно особенно яркое воспоминание не оставляло его. После кофе Ужеров взял в руки Библию и подал ее своему соседу Матьясу, чтобы тот почитал. Как он читал и излагал Священное Писание! Так, как, наверное, делали это богемские братья на его родине! И молился так, как, наверное, когда-то молились и они. В заключение они вместе спели хорошую духовную песню. Чистые, звонкие женские и низкие мужские голоса сливались в стройный хор. Третий куплет новичок Эдик Соланский уже пел вместе с ними. Потом все проводили его к машине и долго махали ему вслед, пока автомобиль не скрылся за поворотом.

Сердце Степана наполнилось ощущением семейного счастья и духовного родства. Такого он еще никогда не испытывал! Долго потом он вспоминал этот чудесный вечер.

Пастор Моргач начал свои посещения. Первым он посетил инспектора, затем побывал у старосты, у могильщиков... Люди удивлялись. Ведь господа священники обычно приходили только по приглашению на свадьбы и другие семейные события — без приглашения никто из них не являлся. Что надумал этот их новый душепопечитель? Некоторые женщины жаловались, что его визит застал их врасплох: у них как раз не было убрано в доме. Хотя бы он по очереди ходил, чтобы можно было подготовиться; но он перескакивал дома, как огонь при пожаре. Пастор говорил, что хочет поближе познакомиться с членами своей общины, но это было утомительным для обеих сторон. Ему везде приходилось говорить о своем здоровье, рассказывать, как он побывал в Далматии, и выслушивать долгие истории о скончавшихся от испанки. Когда он говорил родственникам несколько утешительных слов из Писания, они ему отвечали, что Бог, кого любит, тем и посылает страдания. У него сложилось впечатление, что члены его общины благочестивые, добрые христиане, которым он, собственно, ничего не может дать. Кое-где разговор касался и политики, но лишь

слегка, так как пастор вырос в Венгрии и учился в венгерских школах и политические проблемы Словакии были ему чужды. В последнее время он кое-что начал понимать, но в новые условия ему еще нужно было вживаться. Так что посещения пастора никого особенно и не осчастливили.

Наконец, подошла очередь и наших соседей. Рашов был рад, что господин пастор застал его дома, и стал расспрашивать его об Америке. Супруги любили об этом говорить. Они показали пастору весь дом и повели его наконец к бабушке Симоновой.

«Странно, — подумал пастор, —эта старая женщина говорит так мудро и так хорошо, с ней приятно беседовать!»

Рашов припомнил, что бабушка пришла к ним после того, как похоронила своего внука, которого воспитала. Когда пастор познакомился с ней поближе, она поведала ему о блаженной кончине своего внука, особенно — о великом счастье, которым он ее одарил. После этого посещения молодой служитель церкви вернулся домой очень задумчивым. Он не мог забыть слова старой женщины и свидетельство усопшего юноши.

После Рашовых он посетил Сениных. Они встретились на улице, и сапожник вежливо

пригласил пастора в дом. Пастор немало был удивлен порядком и мирной семейной жизнью в доме человека, о котором слышал столько плохого. В разговоре он намеренно напомнил о болезни молодой женщины, и, к его удивлению, Сенин рассказал ему обо всем с предельной откровенностью. Он ничего не скрыл, ничего не смягчил, но охотнее всего говорил о милости Божьей, о любви людей.

— Господин пастор, — сказал он, узнав, что тот непьющий по убеждению, — если вы знаете, какое это зло, какой грех, очень вас прошу, поговорите об этом с кафедры и на занятиях перед конфирмацией. Покажите на моем примере, каков пьяница, объясните, что он плохой сын, жестокий муж, позор для общины и для церкви, расскажите, как губительно пьянство для человеческого общества.

Уходя, пастор вынужден был признаться себе, что проблему пьянства он еще не рассматривал так глубоко, не представлял себе, насколько страшна та пропасть, в которую падает пьяница.

К Ужеровым он пришел, когда вся семья собралась к столу. Уважаемого гостя пригласили в комнату, и вскоре бабушка принесла ужин. Пастор еще ничего не ел, так как он специально старался не попасть в дом к обеденному вре-

мени, но здесь ему пришлось-таки сделать исключение, да и кто бы мог устоять перед приветливым приглашением бабушки Ужеровой и перед немой просьбой в глазах Доры? Разговор с Мартыном Ужеровым, потом со Степаном оказался действительно интересным. С первым он говорил о России, с последним — о летней школе. Слушая их, пастор Моргач отметил про себя, что простые крестьяне много читают и прочитанное остается в их памяти, как в сокровищнице. «Подумать только, что может получиться из словака, когда он на длительное время выбирается из своей деревни», — подумал пастор во время беседы.

Наконец, он пришел туда, куда ему так хотелось попасть, — к Янковскому. Он провел у него почти весь вечер. Пастор много слышал об этом странном человеке, отшельнике, как его многие называли в Зоровце. И видел он его уже не раз, но лишь сегодня, сидя вместе с ним за столом, он смог рассмотреть его спокойное лицо с высоким лбом, сжатыми губами и мудрыми, печальными глазами. Аннушку он не застал, она была на уроке музыки. От Ужеровых пастор Моргач узнал, что Янковский тоже побывал в русском плену, и ему захотелось услышать, что он думает об этом большом народе. Он заговорил о нынешних переменах в России.

Об этом ему подробно рассказали два русских беженца, с которыми пастор встретился в Далматии.

— Знаете, господин пастор, — сказал Янковский серьезно, — если судить по тому, как там обстоят дела, то может показаться, что этот народ ждет экономическая и моральная гибель; однако он не погибнет, потому что Сам вечный Творец и Строитель воздвигает там Свое здание на вечной основе.

И затем он с воодушевлением стал разворачивать картину духовного пробуждения людей, которые приобщились к Евангелию. Матьяс говорил трезво и спокойно, он описывал горячую любовь к Христу, готовность людей жертвовать собой при распространении Евангелия. Это была не эксцентричная речь религиозного фанатика, а скорее сообщение беспристрастного свидетеля.

— А какую позицию заняли вы по отношению к этим собраниям и ко всему этому движению? — спросил его пастор настороженно.

— Позицию брата к братьям, — улыбнулся Янковский. — В Россию я пришел самым несчастным человеком, а они повели меня к Христу, и Христос меня принял, очистил и спас.

Легкая тень омрачила лицо молодого служителя церкви. Но вдруг открылась дверь, и на



пороге появилась молодая, ясная, как весеннее утро, девушка. Она несла перед собой горящую лампу, которая освещала ее лицо.

— Добрый вечер, — сказала она.

Ах, это был тот самый серебристый голос, певший ту чудную песню, которая, как утверждает доктор, спасла ему жизнь! Как она попала в эту крестьянскую хижину, такая нежная, милая? Он невольно встал и поклонился. Она, немного покраснев, поставила лампу на стол и приветствовала гостя в своем доме. Пастор поспешил объяснить, почему пришел: ему хотелось поблагодарить отца и дочь за их милосердную помощь. Одновременно он попросил девушку спеть ту чудную песню, которая спасла ему жизнь и которую он не мог вспомнить. Возможно, он не стал бы просить об этом, если бы знал, какую бурю вызовут в его душе слова песни. Но слово было сказано! Девушка при-

Кристина Рой

слонилась спиной к большой кафельной печи и запела чистым прекрасным голосом:

*Буря, Господь, завывает,
Как страшен сердитый гул!
Туча нам свет застилает,
Мы гибнем, а Ты заснул.
Или Тебя не тревожит,
Что смерть окружает нас?
Грозный вал наступает и может
Лагью поглотить тотчас.*

И как искреннее покаяние прозвучал последний стих:

*Буря, Господь, миновала,
И в сердце настал покой!
Солнце опять засияло
Наг стихнувшей вдруг водой.
Будь же со мною, Спаситель!
Твой мир Ты во мне храни
И в небесную Божью обитель
На вечный покой прими.*

Когда девушка закончила песню, в комнате на мгновенье наступила благоговейная тишина. Прервал ее пастор; он встал и произнес несколько слов благодарности. Затем простился, и Янковский проводил его до ворот. Но песня

сопровождала его; она звучала в его ушах, чтобы он ни делал, до самой ночи.

Наконец он дал выход своим чувствам: «Да, эта мудрая песня неожиданно помогла понять состояние моей души, где тоже — буря и непогода. Испытания меня преследуют... А что я сделал? Нет человека без греха. И я тоже грешник, но пока еще не могу сказать: "Он меня принял, омыл и спас". Но ведь так говорят сектанты. А разве те русские, которые среди бедствий распространяли свет Христа, были сектантами? Знания у моих прихожан тоже есть, но у тех русских не только знание, но и жизнь в Боге. Впрочем, и здесь есть настоящие оазисы веры: старая бабушка Симонова живет в Боге, Янковский тоже и Аннушка поет: "К Тебе я взываю, покой дай душе моей!" Она, конечно, может сказать, что именно отец привел ее к Господу, и Бог ее принял. А я, пастор, не могу этого сказать о себе! Как же мне проповедовать?! Проповеди мои мне самому не нравятся, как же они могут удовлетворять людей? Зоровчане каждое воскресенье приходят слушать меня, хотя что я могу им дать! Но к чему такие мысли, Август? Кроме нескольких студенческих проделок, я ни в чем не виновен. Сколько школ я прошел! А они — лишь простые крестьяне. Зачем я сравниваю себя с ними, я, рукопо-

ложенный священник?! Мне нужно искать общения со своими братьями-служителями, а то я здесь опрошусь совсем. Ни к чему мне этот изнуряющий душу самоанализ, просто лучше надо готовить свои проповеди...» Молодой человек зарыл голову в подушки и закрыл глаза, чтобы заснуть, но в его душе звучало: «О, я гибну, к Тебе я взываю, покой дай душе моей!»



«Так хорошо и мудро наш пастор никогда еще проповедовал, — говорили люди, выходя из церкви, — он станет хорошим проповедником». Молодой пастор теперь старался не только лучше готовить воскресные проповеди, но и утренние богослужения, которые перед Рождеством проводились ежедневно. Его предшественник проводил такую службу только три раза в неделю, но теперь старый порядок был восстановлен. Все больше людей приходило в церковь, причем самыми прилежными были те, кто по средам, пятницам и воскресеньям вечерами собирался у Янковского. Неожиданно молодой пастор заметил, что и в нем самом происходят изменения. Прежде он только по долгу службы готовился к своим проповедям, а теперь, размышляя над Словом Божиим, он ощущал незнакомую ему прежде радость.

Казалось, что книги истинно верующих пасторов открывали ему глаза на божественные истины, о которых он до сих пор ничего не знал. Он учился сам и с кафедры стал говорить лишь то, что для него самого было важным. Пастор знал, что некоторые из членов его общины собирались у Янковского, но, когда его второй помощник по хозяйству Стах сказал ему об этом, он почувствовал что-то недоброе. Моргачу не хотелось, чтобы в его общине возникла одна из тех сект, о которых так часто говорили его братья-служители на пасторских конференциях. Он ничем не выдал своего беспокойства и сказал Стаху, что сам разберется в этом. За две недели до Рождества он появился у Янковского и был встречен очень радушно. Ему предложили почитать Слово Божье, но он отказался и до конца собрания не проронил ни слова.

Уходя, Август Моргач подумал, что у этих «библиистов» есть чему поучиться. Как этот простой человек понимал Слово Божье! Как о многом оно ему говорило! Какие глубокие истины он из него черпал! Он говорил с такой же силой, как и выдающиеся мужи церкви, книги которых пастор изучал. Как он находил все, что указывало на второе пришествие Мессии, и как убедительно он доказывал, что каждый человек лично должен принять Сына Божьего!

Собрания у Янковского очень заинтересовали молодого служителя церкви. Он стал регулярно бывать там и внимательно слушал все, о чем говорилось; все привыкли к его молчаливому присутствию.

К Янковскому потянулись люди, и, хотя в деревне по-разному относились к этим собраниям, желающих глубже узнать Священное Писание становилось все больше и больше.

За неделю до Рождества вечернее собрание провел книготорговец господин Х.; он уже несколько дней жил у Янковского. С особенным вниманием выслушав его, пастор Моргач пригласил этого необычайно смелого в суждениях человека к себе домой. И не напрасно: в эту ночь оба почти не спали; лишь после полуночи затихла жаркая словесная баталия. Утром пастор, не выспавшись, пошел на раннее богослужение, и ему было трудно произносить проповедь. «Сегодня Янковский вряд ли поблагодарит меня», — подумал он с горечью и не обрадовался, когда увидел его в церкви. «И зачем я пригласил к себе этого противного книгоношу? — размышлял он. — Когда Янковский проводит свои собрания, я ничего не имею против; но такому самонадеянному фарисею я не позволю сбивать с пути истинного членов моей общины!»

— Что ты имеешь против этого человека? — с укоризной спрашивала мать сына. — Он такой скромный, приятный, ты же, вместо того чтобы дать гостю спокойно отдохнуть, всю ночь ссорился с ним, а вот от него я не услышала ни одного обидного слова.

— Сказать тебе, что он мне говорил своим тихим, ровным голосом? — нервно отозвался сын. — Он смел утверждать, что величайшее зло евангелической церкви — ее необращенные и невозрожденные пасторы.

— Он это сказал? Ну и что? Ведь тебя он к ним не причисляет?

Неожиданно из кухни донеслось подозрительное шипение, и мать поспешила туда. А ее сын бросился в кресло перед письменным столом, закрыв руками лицо. «А к кому он может меня причислить? — подумал он. — Я и сам не уверен, что грехи мои прощены, не уверен в своем спасении». — «Вы господин пастор, — говорил ему книгоноша, — благородный человек, у вас добрые намерения, честные устремления, но для вечности этого недостаточно. До тех пор пока Христос не станет главой вашей жизни, ни Богу, ни вашей общине, ни вам самим никакого проку не будет от добрых дел. Ветхозаветное требование: *“Уклоняйся от зла*

*и делай добро*¹ настоящего израильтянина, как и Никодима², не удовлетворяло. Необходим был Новый Завет, провозглашенный устами Христа: *“Должно вам родиться свыше!”* Ветхий Завет по праву требует: *“Ты должен! Отдай!”* А Новый предлагает новое сердце и новый дух! Никогда человек со своим старым греховным сердцем не перестанет делать зло; а тот, кто пытается делать добро своими силами, все равно вынужден будет признать вместе с апостолом Павлом: *“Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которое не хочу, делаю”*³. Все это верно. Но также верно и то, что Иисус Христос зовет нас к Себе, что Он нашим душам обещает мир. Этот мир приходит лишь в результате полного примирения с Богом, когда Он прощает нам наши грехи. Он обещает дать нам жизнь. *“А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть, быть чадами Божьими”*⁴. — «И всего этого у меня, пастора евангелической церкви, до сего дня не было? Нужно было прийти какому-то книгоноше, не видевшему ни гимназии, ни университета, что-

¹ Пс. 33:15.

² См. Ин. 3:1–12.

³ Рим. 7:19.

⁴ Ин. 1:12.

бы вывести меня на верный путь? На верный ли? — На путь экстравагантных сектантов!»

В это время раздался погребальный звон колоколов. Он напомнил пастору о его обязанностях. Похороны должны были состояться в другой деревне, и через некоторое время пастор вместе с учителем и церковным помощником в удобных санях помчались по заснеженной дороге в сопровождении ликующей детворы, гроздьями повисшей на санях.

В следующую среду Августу Моргачу предстояло ехать в Л. на очередную миссионерскую лекцию. Эти лекции с недавнего времени читались пасторам с целью помочь им оживить религиозную жизнь общин. Предстояла встреча с коллегами, и он надеялся, что это отвлечет его от тревожных дум, поможет восстановить потерянное равновесие и вернет его душе мир.

Глава 15

Недалеко от дома пастора, в конце деревни, стояла старая хижина с маленькими окошками и покосившейся крышей, укрепленной двумя подпорами. Если бы старая, склонившаяся над ней груша ее не прикрывала, ее бы, наверное, унесло ветром. В свое время хижина была построена общиной

для пастуха; ей она и принадлежала теперь, и была она ровесницей Зоровце. Нынешний пастух, Галас, жил в собственном доме, поэтому община решила, чтобы прежний пастух, Бенек, доживал в ней свой век. Это была своего рода пенсия. Он хорошо, по мнению крестьян, знал, как обходиться со скотом, даже лучше ветеринара, поэтому у него часто спрашивали совета или звали его на помощь и никогда не отпускали с пустыми руками. Когда Бенеку нечего было делать, он ходил к своим соседям погреться. Есть у них он отказывался; то небольшое, что ему нужно было, он готовил себе дома сам. После первых заморозков его старая груша насыпала ему столько груш, что все соседские дети приходили их собирать. Женщины сушили для него фрукты, так что ему оставалось только варить их. Пастух угощал грушами всех, кто к нему приходил. У него часто ночевали странствующие подмастерья. Он стелил им около печи и хвалил свою общину за доброту, за то, что она ему разрешала брать из леса дров, сколько ему нужно. Община снабжала его и картофелем. Иногда, забывая, что ему уже 75 лет, Бенек огорчался, что силы его куда-то ушли и ноги не хотят служить ему, как прежде! В последнее время он жаловался особенно часто. Началось это с того времени, когда у него заночевал про-

ходивший мимо их деревни парень. Ночью у парня началась лихорадка. Два дня случайный гость пролежал в хижине. Бенек варил ему лекарственные травы и обрадовался, когда молодой человек на третий день почувствовал себя так хорошо, что решил продолжить свой путь. Но болезнь, наверное, осталась в хижине и перекинулась на старика. И теперь он то трясся в ознобе, то горел от жара. Он ничего не мог есть, ноги подкашивались, и тело болело. Всю жизнь пастух превозмогал любую хворь, но на этот раз он сдался.

Соседи спрашивали друг друга, почему не видно старого Бенека, но узнали о его болезни, только когда жена сторожа пришла к нему поговорить о своем заболевшем теленке. Люди стали приходить к нему с советами и лекарствами, принесли пахту. Женщины говорили о том, что он не на шутку расхворался и может умереть, а в его хижине, как в хлеву, на похоронах будет стыдно войти сюда, и, не долго думая, решили убрать все как следует.

Пришли соседки, стали дружно обметать стены и потолок, которые, наверное, годами не чистились, выскоблили их и побелили. Когда чистили окна, подняли такую пыль, что больной чуть не задохнулся. Мать сторожа успокаивала старика, говорила, что это необходимо:



как можно пустить людей в такую грязную хижину?

Больной смирился и, едва дыша, благодарил женщин за их доброе дело. Натопив как следует печь, они, довольные, ушли домой. Больному казалось, что голова его лопнет от жары. К счастью, пришел церковный сторож, который во время болезни пастора кое-что узнал об уходе за больным, открыл окна и двери. Он огляделся и увидел, что кровать у старика слишком ветхая и надо бы ему другую. По дороге домой он встретил Янковского, и тот пообещал набить матрас свежей соломой.



Короткий зимний день подходил к концу. Скрываясь за заснеженными горами, солнце еще раз заглянуло в маленькие окошки хижины, словно прощаясь с больным стариком. Он до неузнаваемости изменился, лежал в чистой постели и в чистом белье, умытый, побритый, с расчесанными волосами, никогда такого раньше не бывало! В комнате было тепло, чисто, все убрано и проветрено. На старом стуле сидел Янковский подперев голову руками. Заметно

было, что и ему нездоровится. Но Матьяс был доволен, что смог сделать еще одно доброе дело. Вчера он пришел помочь установить новую кровать и принес постельное белье своей матери и кое-что из своего собственного нательного белья, с помощью Звары выкупал больного старика, и они уложили его в постель, как ребенка. Звара ушел, а Матьяс стал ждать Аннушку, которая должна была принести немного молока.

Но почему же Матьяс так низко склонил свою голову?

— Отец, что с вами? — прозвучал над ним серебристый голосок.

— Это ты, Аннушка?

Он выпрямился и печально посмотрел на любимое дитя.

— Я пришла, отец. Но почему вы так печальны?

— Дочка, ты читала книжку «Без Бога на свете»¹?

— Да.

— Смотри, он как тот Мартынок. Сколько лет был у нас пастухом, а Пастыря



¹ «Без Бога на свете» — первый рассказ К. Рой (1892 г.)

своей души так и не познал! Мы все о Нем знали, но старому Бенеку никто слова не сказал! Я обвиняю не своих земляков, а самого себя! Шесть лет я жил в этой деревне, приняв Христа, но ни разу не говорил о Нем с этим несчастным. Мы доверяли ему наши стада, платили ему, так что он мог худо-бедно прожить, но о его душе мы не позаботились. Это — мой грех! «Я был в темнице, и вы не посетили Меня»... — говорит Господь. Бессмертная душа старика была в темнице неведения, а я его не посетил... А теперь, наверное, уже поздно, он утасует... Куда эта бедная душа пойдет? Пусть это будет тебе предостережением, Аннушка, не молчи, свидетельствуй всем о Христе, чтобы тебе не пришлось когда-нибудь пожалеть, что погибла душа, которой ты не открыла дорогу к свету!

— Родной мой! — обняв отца, девушка прильнула к нему. — Этого Господь не допустит. Ведь дядя Бенек еще жив. Будем за него молиться, чтобы он не умер раньше, чем услышит Благую весть и примет ее!

Детская вера была подобна спасательному канату, за который ухватился отец, чтобы не утонуть в бушующем море самобичевания.

Немного погодя Матьяс ушел, а Аннушка осталась вместо него и молилась у постели больного. Будто дождавшись этого момента, Бенек

открыл глаза и удивленно посмотрел в лицо девушки.

— Вы хорошо спали, дедушка? — спросила она, склонившись над стариком.

— О да, я выспался, — похвалился он. — А ты кто такая, дитя мое?

— Аннушка Янковская. Я принесла вам молока. Попейте немного, дедушка.

— Янковская? Та, пропавшая, значит?

— Да, дедушка, я дважды была пропавшей.

— Что ты говоришь? Как так?

— Я вам сейчас расскажу, как это было, но сначала вам надо поесть.

У больного не было аппетита, но, чтобы не огорчать девушку, которая ухаживала за ним, как за важным господином, он попил немного молока с булочкой. После этого он попросил ее рассказать, как же она была дважды пропавшей.

Между тем наступил вечер. Светила луна, а теплый отсвет огня из печи освещал кровать, старика и сидящую перед ним девушку. Это была дивная, почти символическая картина: в старой низенькой хижине — старик на краю могилы и девушка, подобная нежному свежему цветку. Аннушка так увлеклась, рассказывая, как она годами была пропавшей для своего родного отца, что даже не слышала, как кто-то во-

шел. Если бы она чуть повернулась, то, наверное, испугалась бы огромной тени в низенькой комнате. Но она смотрела только на старика, как и он на нее, так что они оба не увидели, как вошедший тихо опустился на скамеечку возле печи. Это был пастор Моргач. Хорошо, что он не помешал девушке и она смогла рассказать, как второй раз была пропавшей, а именно — для своего Отца Небесного! Она рассказала старику о Господе Иисусе Христе как о добром Пастыре и о своей душе как о пропавшей овечке. Старик слушал ее, не отрывая взгляда от нее. Она ему рассказала историю из Евангелия от Луки о пастыре, имевшем 100 овец, из которых одна потерялась¹. По лицу старика видно было, что он ошеломлен тем, что услышал; но Аннушка в то же время чувствовала, что ее слова глубоко проникли в душу слушателя.

— Вот так Он и меня нашел, на руки взял и теперь несет на небо! — закончила она свой рассказ. Держа в своих теплых нежных руках руку старика, она с детской сердечностью сказала ему:

— Дедушка, вы когда-нибудь думали, почему Отец Небесный сына Своего сперва послал к пастухам?

¹ См. Лк. 15:3–7.

В комнате на мгновение наступила тишина.

— Нет, овечка моя, об этом я никогда не думал, и все же это правда! Первыми Его в хлеву нашли пастухи. Помню, что это рассказывала мне моя бабушка, вечная ей память, — проговорил задумчиво дед. — О том, что ты мне поведала, я и в школе слышал; но я ее посещал только две зимы, а потом меня забрали в солдаты. После моего возвращения домой община взяла меня пастухом. На военной службе я был конюхом; там о Боге ничего не было слышно. Будучи пастухом, я только зимой мог ходить в церковь. Но я был таким глупым человеком, что ничего не понимал из проповеди пастора. Скажу правду, я там часто спал. Мне всегда непонятно было то, что я не знал; зачем мы, собственно, ходили на исповедь? Ведь после нее мы оставались такими же, как до нее. В церкви мы всегда обещали исправиться, но я, по правде говоря, своего слова никогда не мог сдержать. Покойного пастора я любил; он был очень добрым человеком, часто расспрашивал меня о скоте и угощал табаком, а я приносил ему с гор разные травы.

— А о вашей душе он с вами никогда не говорил? — спросила девушка печально.

— Никогда, птичка моя; он, наверное, считал, что достаточно нам рассказывает по воскресеньям.

— А господин пастор, который на Троицу ушел?

— Тот тоже был добрый, приветливый господин. Он мне часто что-нибудь дарил, и, когда его Пеструха сломала ногу и я совсем растерялся, он меня утешал: «Не горюйте, мы ее продадим мяснику».

— Он вас тоже не спрашивал, думаете ли вы на пастбище о добром Пастыре?

Старик отрицательно покачал головой:

— Знаешь, дитя мое, я его не понял бы, как и его проповеди. Он был очень умным, ученым господином. Я не удивился, что он не захотел остаться в нашей деревне до конца своей жизни.

— Дедушка, вы читать умеете?

— Когда-то умел, но со временем забыл.

— Вы будете слушать, если я буду приходить читать вам Слово Божье?

— О, с удовольствием! — старик погладил руку девушки. — Приходи, может быть, ты меня чему-то еще и научишь, тебя я понимаю! Ты сказала, что Сын Божий был сначала послан пастухам. Это так тронуло мое сердце, ведь я тоже пастух. Значит, Он был послан и ко мне, не так ли?

— Конечно, и к вам так же, как и ко мне. Я Его приняла; и вы Его примете, не так ли?

— С радостью, дитя мое! Ты только поучи меня, как это сделать. Если ты мне будешь читать Священное Писание, я это, наверное, узнаю?

— Определенно, дедушка! Но теперь вам не надо больше говорить, вы слишком устали. Если хотите, я теперь помолюсь за вас и спою песню, чтобы вам поскорее уснуть.

И девушка помолилась. Старику казалось, что он слышит просьбу ребенка, который твердо уверен, что получит то, о чем просит. Пастух повторял слова Аннушки и наконец добавил: «Господь Бог мой, помилуй меня, глупого человека, научи, как принять Сына Твоего!» Затем девушка запела: «Научи меня, Боже, молиться».

На последнем куплете пастор встал и потихоньку вышел в зимний вечер. В лунном свете стройная фигура молодого человека, одетого в зимнее пальто, казалась особенно одинокой. Этим вечером пастор пешком возвращался с вокзала и по дороге узнал, что заболел старый Бенек, который, наверное, недолго уже проживет. Он вспомнил, что никогда еще не посещал этого человека, и решил по пути исполнить свой долг. Он вошел в хижину пастуха, и то, что он здесь услышал, необычайно поразило его. В этот час открылись его глаза, и он полу-



чил ответ на различные вопросы, тревожащие его душу. «Вот такому народу мы 52 раза в год проповедуем Божьи истины! — подумал он, шагая по дороге. — Эти люди нас слушают, и все остается по-прежнему, потому что они нас не понимают. А что бы они поняли? Может быть, личное свиде-

тельство? Христос не говорил: «Будьте моими священниками!» Он говорил: «Будьте моими свидетелями!» Свидетель прежде сам должен что-то пережить, увидеть, услышать, одним словом, приобрести опыт! Разве это опыт, то, о чем мы говорили на последней встрече с пасторами? Нет, это были красивые, высокопарные, тщательно подготовленные речи, и мы, и наши слушатели ушли такими, какими пришли».

— Как прошла ваша встреча, Август? — спросила за ужином мать пастора своего сына.

— Как обычно, — ответил он, странно улыбаясь. — Мы услышали с поддюжины тщательно подготовленных, никому не нужных докладов, в которых подчеркивалась истинность евангелической церкви и необходимость посещения церкви, потом немного поругали сектантов. От сознания бессмысленности всего

происходящего у моих коллег появилось глухое раздражение, и все с облегчением вздохнули, когда объявили перерыв на обед. Мы славно пообедали. Потом посоветовались, какую следующую общину нужно «оживить» нашими миссионерскими проповедями, и все разошлись, подгоняемые суетой жизни!

Мать, унося посуду со стола, подумала, что сын ее вернулся еще более недовольным и раздраженным, чем был прежде. Что это с ним?



Люди в Зоровце удивлялись, что старый Бенек не сразу умер, как они предполагали. Говорили, что, с тех пор как Янковские стали заботиться о нем, ему стало лучше. Да, все, за что брались отец с дочерью, им удавалось. Ночью у больного дежурил кто-нибудь из мужчин. Янковский принес туда свой плетеный матрас с солдатским одеялом. Днем у старика сидела бабушка Симонова со своим веретеном. Прясть здесь, говорила она, не хуже, чем дома, больному надо было подать воды или молока, так как он ничего другого не ел, и, что еще важнее, поговорить с



ним, когда он не спал. Бенек всегда с нетерпением ожидал полудня, когда приходила Аннушка, читала ему Слово Божье, и они обсуждали его. Когда Бог открывает человеку глаза, тогда духовное пробуждение его происходит основательно и быстро, особенно если осталось так мало времени! Соседи, приходившие на собрания, удивлялись, как быстро старик постигал истину! А он каждый раз радовался, когда ему что-то становилось ясным из Евангелий или посланий. Теперь и другие разговаривали и читали с ним, но больше всех он любил слушать Янковского. Старый пастух чувствовал тепло его братской любви и ценил то, как Матьяс старался открыть ему божественные истины. Однажды, когда они были наедине, Янковский попросил у старого пастуха прощения за то, что он ему раньше не принес Благую Весть. И Господь благословил кротость Матьяса тем, что старец его рукой дал повести себя под Голгофский крест, с надеждой принять там Сына Божьего как своего личного Спасителя, Который сперва явился пастухам. С того дня силы старика стали слабеть, но поразительно было, как он укреплялся духом. Вся деревня приходила к нему, и все удивлялись его словам, потому что теперь он говорил, как говорит Священное Писание. Когда собирались соседи, старик просил их

спеть песню. Трижды наведывался к нему пастор. В третий раз по просьбе больного он принес ему хлеб и вино для причастия. Присутствовали только церковный сторож и бабушка Ужерова, которая потом рассказывала, что Бенек после Вечери Господней громко помолился. Он благодарил Бога за все доброе, что Он сделал для него на земле, но больше всего за Сына Его, Которого Он послал к пастухам, а значит, и к нему. После молитвы пастор его спросил:

— Бенек, вы уверены в прощении своих грехов?

— О да! Кровь Христа очищает нас от всякого греха. Она и меня омыла.

— Значит, вы надеетесь на вечную жизнь?

— Я не только надеюсь, а уже имею вечную жизнь. Разве Иисус Христос не сказал: *«Я есмь воскресение и жизнь»*¹? Отец Небесный дал мне Сына Своего, чтобы я не погиб, а имел жизнь вечную.

— А что вы будете делать, когда окажетесь в долине смертной тени?

Старик засмеялся:

— Однажды я видел в горах, как коршун гонялся за кроликом, бедняге грозила смерть. Я

¹ Ин. 11:25.

хотел прогнать птицу, но кролик успел скрыться в расщелине скал и был спокоен. Так и я укроюсь ранами Христа, и смерть мне не повредит. Первую половину моей жизни я прожил в горах, без Бога; другую половину я хочу провести с Богом — на вечных горах.

— Ах, — удивлялись женщины, — и откуда у старого Бенека все это? Он нам всегда казался таким глупым, а теперь он такой человек, который всех нас может учить.

Во время болезни старика прошли праздники Рождества и Нового года. Женщины кончили прясть и смотали пряжу. Ткачи налаживали ткацкие станки. Много полотна предстояло наткать. До Крещения стояли сильные морозы, но потом неожиданно наступила оттепель. В полдень солнце уже хорошо пригревало. С гор ручьями потекла вода, но мельникам и крестьянам это было в радость; они давно этого ждали, чтобы намолоть муки. Снег быстро таял, в полях появлялись черные, дымящиеся паром проталины. У кузнецов появилось много работы. Крестьянки сажали клушек на яйца. В некоторых домах готовились к свадьбам. Прекратились посиделки с прялками у Рашовых, и на собрания к Янковскому теперь приходило меньше людей. Но те, которые их не пропускали, начали служить Господу. Степан больше неде-

ли где-то работал со своей молотилкой и, вернувшись домой, был обрадован переменам, которые произошли с его родными, особенно с Ильей, как смело шли они за Господом!

Милову удалось купить имение зятя, так как тот тоже прикупил немного земли у помещика в Коморне.

— Это я для вас покупаю, дети — сказал он молодым. — Деньги мне на это придется занять в банке, но у вас будет хорошее наследство. Даст Бог здоровья, расплатимся; за 10 лет сможем их выплатить.

— Не покупайте, отец, — возражал Илья, — у нас достаточно земли и работы. *«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?»*¹

— Не может ничем повредить душе хорошее хозяйство!

— Вы в этом уверены, отец? Иисус Христос велит: *«Ищите же прежде Царства Божия»*². А как мне его искать, если у меня столько работы, что и вздохнуть некогда? Поденщиков нанимать нам невыгодно, а самим всю работу делать — ноги протянешь. Чтобы я своей Доре

¹ Мф. 16:26.

² Мф. 6:33.

позволил так мучиться? Нет, отец, для нас ничего не прикупайте, а вам оно не нужно!

Слова, сказанные Ильей, означали многое. Он был молодым, здоровым, толковым работником, любил скот и пашни; и все же состояние его души было ему дороже. Староста сначала злился, но постепенно убедился, что зять его прав.



Однажды после полудня, когда Янковский наводил порядок в своем книжном шкафу, в дверь постучали.

— Это ты, Степа? Добро пожаловать, — приветствовал хозяин гостя.

— Что вы делаете, дядя?

— Как видишь, книги укладываю. Два года назад я этот книжный шкаф купил у нотариуса и отдал столяру на ремонт. Потом я забыл про свой заказ, а сегодня он мне сам его принес. Как видишь, у меня немало старых и новых книг, и у Аннушки тоже. Ты очень кстати пришел: помоги мне, пожалуйста, перенести шкаф в комнату дочери.

— О, охотно! — парень снял куртку и повесил на крючок. — Где вы его хотите поставить?

— Мы убрали скамью, и теперь там места хватит. И фисгармонию уже сюда перенесли.

— Я слышал, что Аннушка теперь во время собраний аккомпанирует хору. Вот радость вам, наверно?

— Конечно, Степа. В душе я всегда благодарю Отца Небесного и брата Х. за покупку фисгармонии. Сколько приятных часов моя дочь проводит за ней, и мы радуемся вместе с нею! Музыка — это дар с небес, если она звучит во славу Господа!

Через некоторое время книжный шкаф со стеклянными дверцами уже стоял в комнате Аннушки. Степан переносил сюда книги из передней. Матьяс из сундука Аннушки достал кое-какие безделушки, которые они поставили на одной из полок. Степан сказал, что так теперь принято в городе. Нижние полки они оставили заполнять Аннушке. Вот она обрадуется!

— А где она, дядя?

— Она отправилась в школу, а оттуда пойдет к больному пастуху. Но я беспокоюсь — она оставила дома шерстяной платок, а на улице такой холодный ветер!

— Вы думаете, она нескоро вернется?

— Через час, не раньше.

— Тогда поговорим о деле, из-за которого я пришел. И если дадите мне потом платок, я ей

смогу его занести, так как хочу проведать еще дядю Бенека.

— Так садись и говори, что у тебя на душе.

Янковский поставил Степану стул, а сам сел на скамью у окна.

— Я с радостью вам говорю, что за молотилку уже могу уплатить. Когда отец мне сказал, что у нас на зиму достаточно зерна, я излишки продал и заработал еще кое-что на лесозаготовках. Одеждой и обувью я обеспечен, и, если добавить мои сбережения, мне с избытком хватит расплатиться за покупку машины.

Степан с радостью отсчитал необходимую сумму, добавив и проценты. Их Янковский не взял:

— Если христианин хочет помочь другому, он за это платы не берет.

— Что вы, дядя, это же не плата за вашу любовь! Вы мне так помогли!

— Этому я рад, но проценты не возьму. Аннушке это не понравилось бы, а ее реакция тебе далеко не безразлична, не так ли? И вообще к чему такая спешка? Ведь никто этих денег не требовал с тебя. Хотя, надо сказать, долги — враги человеку. Чем раньше от них избавишься, тем спокойней будешь спать. Прекрасно, что ты, Степан, отработал машину. Это равносильно покупке пары лошадей. Теперь никто

из односельчан уже не скажет, что у тебя ничего нет. То, что ты теперь заработаешь с помощью молотилки, будет твоей собственностью. Да поможет тебе Бог!

Матьяс сердечно пожал руку Степану. Затем он положил деньги в боковой ящичек в сундуке.

— Знаешь, что я на них куплю?

— Интересно, скажите!

— Продаются луг с рощей между ольхами и лощинами.

— Но это ведь непахотные земли! — удивился парень.

— Да, но лишь так можно огородить одним забором все наши поля и луга, которые я откупил обратно, словом, все наше имение. Если я вложу в эту землю дополнительную сумму, у меня получится большой доход. Я хотел бы показать моим односельчанам, как христианину следует обращаться с землей, которую Бог ему доверил. Мы уже давно могли бы жить лучше, если бы по-хозяйски обращались с земным богатством, данным нам Богом. Нечего нам в поисках заработка уходить на чужбину. Теперь, когда Господь вернул нам нашу землю, каждый обязан ее обустроить.

Янковский говорил с необычным энтузиазмом, и Степан с интересом его слушал.

— Дядя, вам надо бы купить мотоплуги, особенно для перекопки картофеля. Наших мне не удалось уговорить на это, а ведь с помощью техники можно было бы сберечь много времени и сил.

— Ты можешь дать мне список этих механизмов и машин?

— Конечно.

— Принеси его вечером. Я благодарен тебе за добрый совет! Не тот глуп, который всю жизнь учится, ведь он становится все умнее, а тот, который думает, что знает достаточно!

— В этом вы правы, дядя! Но нам, молодым, порой кажется, что мы уже все знаем, и это жаль!

— Может быть, люди удивляются, что я стараюсь увеличить свое имение, после того как я годами не обращал на него никакого внимания. Возможно, что вы, любящие правду, обвините меня в пристрастии к наживе. Но ты понятлив, и потому скажу тебе: я очень многое в жизни терял, особенно во время горькой печали, когда все во мне замирало: сердце, душа и дух. Бог помиловал меня, разбудив от этого сна, причем не ударом, а великой Своей любовью. Теперь глаза мои открылись, и мне стало понятно, в каком долгу я перед людьми. Вам, приходящим ко мне, я служил Словом Божьим и дальше охотно

буду служить, так как к личному свидетельству я мало способен. Так и в земных отношениях: я не умею говорить, поэтому хочу на своем примере показать людям, что нужно делать, чтобы Бог нас мог благословить. Я думаю, что просто возвещать Слово Божье людям, которых нужда гонит по миру, недостаточно. Это все равно что плыть по бушующему морю в лодке с одним веслом. Гребешь, гребешь — и не двигаешься с места.

В комнате на мгновение наступила тишина. Затем Степан протянул Матьясу руку:

— Благодарю вас за доверие, дядя. Вот вам рука с обещанием, что пока я в Зоровце, я ваш верный помощник; будем вместе гребти двумя веслами. Только подсказывайте, что нужно делать, чтобы я знал, как вам помочь.

Мужчины пожали друг другу руки. Затем Степан взял платок для Аннушки и поспешил к хижине пастуха.

Он тихо вошел, но на пороге остановился. В сумраке комнаты звучали два голоса. Внимательно оглядевшись, он понял, что Аннушки здесь нет. У кровати больного сидел пастор Моргач, а около печи — бабушка Симонова. Мужчины оживленно разговаривали. Чтобы не помешать, Степан тихо вышел и закрыл дверь. Бабушка Симонова его видела и, поняв, кто ему



нужен, улыбнулась. Не зная, что делать, Степан остановился на дворе. И вдруг знакомый голос окликнул его по имени. Он радостно обернулся.

— Аннушка, что ты здесь делаешь?

— Привет тебе, Степа! Дяде привезли немного дров. Вот я их убрала и теперь иду домой.

— Тогда поспеши! У тебя замерзли руки. Холодно. Отец передал тебе платок!

— Ах, ты его принес, вот хорошо! — девушка закуталась в платок.

— Так идем! Или ты еще хочешь зайти?

— Я уже простилась. Там у дяди Бенека бабушка Симонова и господин пастор. О, если бы ты слышал, как дедушка свидетельствовал ему!

— Я слышал их оживленный разговор и не захотел мешать. А ты считаешь, что этот страдалец принадлежит Господу?

— Да, конечно! Когда я ему читаю или пою, он так радуется! А ведь радоваться мы можем лишь тому, что уже имеем, не так ли?

— Да, это я теперь хорошо знаю. Всю неделю, живя вдали от дома, я, казалось, был в мире один, и все же не один, так как Он всегда был со мной.

Борясь с ветром, молодые люди шли по улице.

— Видишь, как платок тебе пригодился. Ветер прямо ледяной.

— Не знаю, Степа, почему люди ко мне все так добры, — заметила девушка.

— А всегда ли это было так?

— Да, и там, дома, сколько помню — соседи, в школе, а теперь здесь все вы!

— И я?

— Конечно!

— Знаешь, однажды я в Малековом бору вызывал эхо, и лес мне отвечал теми же словами, которые кричал я, добрыми и злыми. Что касается меня, то я тебе лишь выплачиваю долги.

— Долги?

— Что ты удивляешься? Разве я у тебя не в долгу? Но уже недолго осталось, так как я отцу твоему только что уплатил за молотилку. Ты от всего сердца хотела мне помочь, и Господь благословил меня так, что даже родные мои удивились тому, сколько я заработал. Ваш мельник был прав, когда сказал: «Не бойтесь купить эту машину. Она изготовлена еще в довоенное вре-



мя и сможет работать очень долго. Другую такую не скоро найдете. Хотя она и кажется маленькой, с ней многое можно сделать». Досадно мне лишь то, что отец твой не хотел взять проценты.

— Проценты? — воскликнула девушка ошеломленно. — Господь говорит: *«Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать»*¹. Значит, мы члены Его семьи, и мы брат и сестра. Я считаю, что нехорошо было бы сестре брать у брата проценты. Если бы она нуждалась, другое дело, а так?

— Ты права. Но и я хотел бы отплатить за добро добром. Вы привезли себе лес. Мы с Ильей придем и распилим его.

— Вот это было бы хорошо, Степа. Только прошу, придите поскорее. С тех пор как у отца заболело сердце, ему пилить лес не под силу. Но так как он дяде Зваре не хочет оставлять всю работу, он каждый день пилит сам. Ты окажешь нам большую услугу, если убережешь отца от болезни!

— Хорошо, что ты мне это сказала. Мы завтра же придем. Ну вот мы и дома!

Степан открыл калитку Янковских.

¹ Мф. 12: 50.

— Послушай, Степа, — сказала Аннушка, задержав протянутую руку, — Дора с Ильей сегодня придут к нам на ужин. Приходи и ты!

— Охотно приду. Есть причина?

— Мы вместе испекли хлеб и булочки. Отец привез чаю и сахару и сам хочет угостить нас настоящим русским чаем. Будем петь и попросим отца рассказать нам о пережитом. Он это так хорошо умеет делать!

Что значит молодость! Парень с девушкой стояли на сильнейшем сквозняке, северный ветер чуть не сбивал их с ног — а эти двое счастливых не чувствовали холода. Парень спиной подпирал ворота, чтоб ветром не закрылись. Им было тепло, потому что тепло шло из их сердец. Им так хорошо было вместе, что и расходиться не хотелось.

Не прошло и часа, как они снова были вместе. Янковский действительно заварил отличный ароматный чай. Аннушка с Дорой поставили на стол вкусное печенье. Все ели с завидным аппетитом. Потом пели песни под аккомпанемент Аннушки и наслаждались ее игрой. Но когда Янковский потом начал рассказывать о бескрайней России и о страданиях детей Божьих во времена репрессий и революции, восхваляя великую милость Божью, проявленную Им там, все сидели замерев, и Дух Святой, дейст-

вующий в тишине, действовал и в их сердцах, укрепив в них намерение и решение следовать за Христом до конца жизни. Это был божественный час, один из тех, когда рождаются будущие герои и образуются совершенные характеры. Собравшиеся не заметили, как к ним вошли Мартын и Сусанна Ужеровы и с ними — Сенины. В заключение по просьбе Доры под аккомпанемент фисгармонии спели еще:

*Господь, мое желание —
У ног Твоих всегда пребывать
И в полном послушании
Тебе, Спасителю, служить...*

Это они пели не только устами — это была молитва верующих душ, которые полностью отдали свои жизни своему Спасителю. Это была небольшая группа малопросвещенных детей своего народа. Мир о них ничего не знал, но там, на вечной Родине, в Царстве Божьем, они были известны и любимы.



Между тем беседа в пастушьей хижине обрвалась, так как у старика начался приступ удушья, и все подумали, что за несчастным страдальцем пришла смерть. Молодой пастор приподнял голову старика и прижал ее к своей

груди. Бабушка открыла окно и дверь, и струя холодного ветра заставила сжатую грудь вздохнуть. Глаза открылись, и больной благодарно взглянул на пастора. Немного погодя тот уложил его обратно в подушки, и старый пастух, глотнув из ложки воды, поданной бабушкой, затих.

— Вряд ли он еще раз проснется, бабушка, — сказал пастор взволнованно.

— Как Богу угодно, господин пастор, ведь он пойдет Домой. Недавно он сам нам сказал, что Дух Святой дал ему уверенность в вечной жизни. О, Бог милостив. Последовавшего зовет Христос, Он не разочарует.

Потихоньку, чтобы не разбудить старика, бабушка стерла с его лба капли пота, выступившие во время приступа. Губы его зашевелились. Пастор и бабушка склонились, чтобы услышать его слова: «Благодарю Тебя... Господь Иисус... Твоя кровь... вечную жизнь... к святым горам... благослови... Аннушку!» И еще раз с тоской: «Иисус мой, домой!» Больше они ничего не слышали. Старик приподнял голову, и лицо его от лба до подбородка словно просветлело. Вздрогнула еще левая рука, тихий вздох, и...

— Он уже в вечности... — вздохнула бабушка, опустила на колени и тихо стала молить-

ся, чтобы Иисус Христос провел возвращающуюся душу через долину смертной тени и довел домой.

Так ушел в вечность пастух общины Зоровце, который на земле мало трудился для Господа, потому что жил во мраке. И все ж пастор был доволен, что ему дано было спасти человека, ему, которого люди поставили своим душепопечителем. Земляки вручили ему пастырский посох, чтобы он повел свое стадо в страну, верный путь к которой ему был не известен. На вопрос, ожидает ли их там вечная жизнь, он тоже не мог дать точного ответа. Юноша был научен исполнять свою должность, незаметно для него произошла подмена: жизнь с Богом была заменена на образование. Его послали работать, нести людям свет, прежде чем Иисус Христос стал его светом в жизни.

После утомительных бессонных ночей, жестокой борьбы с гордым сердцем, в которой должен был умереть самонадеянный богослов, чтобы родился слуга Христа, Бог заставил его услышать свидетельство и увидеть смерть наименьшего из Своих детей, чтобы сказать ему: «Да будет свет!» И стал свет. Пастор Моргач поверил, что все Слово Божье — истина и что Бог, милостиво принявший старого Бенека благодаря голгофской жертве Сына Своего, при-

мет в свое время и его. Склонившись у тела старого пастуха на колени, в то время как бабушка сопровождала молитвами отошедшую душу, он в вере обрел милость, прощение, новую жизнь и свет.

Пастор Моргач оставил дом пастуха новым человеком. Ушедший из этой хижины был теперь на небе, в покое, красоте и славе, пастор же — обновленный, с большой радостью в душе, пошел навстречу борьбе и страданиям. А на земле оба они были пастырями.



Таких похорон люди в Зоровце еще не видели. Вся община провожала своего пастуха в последний путь; три отряда с горящими факелами оказывали ему честь. Если бы он был католиком, то ему пели бы: «Вечный свет да светит ему!» Он ему действительно светил. Может быть, поэтому и солнце так ярко светило! Но самым примечательным была надгробная речь пастора. Никогда еще люди в Зоровце такой не слышали. Когда пастор стал описывать жизнь старика, о которой услышал от него самого, у всех появились слезы на глазах. Он сказал, что, к сожалению, никто не заботился о его душе, что, по признанию пастуха, он в этой христианской среде жил без Бога и без Христа, что он

ничего не понимал из того, что говорилось в церкви. «Он жил среди нас, он нам верно служил, но если бы Бог не послал к нам Своих слуг, то мы все проводили бы его в вечную тьму, без Христа, без света. Никто из нас не служил ему в духовном отношении — меньше всех я». Пастор, передохнув, продолжил: «Зато он своим последним вздохом послужил мне! У его смертного одра я узнал, что он в свой последний час верой обрел Спасителя и что я, который все о Нем знал, который поставлен на это место по вашему желанию, чтобы вести вас к Богу, — Его не имел. Умом, из книг, я о Нем знал, но в моем сердце Его не было. *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного»*¹. Эти слова я хорошо знал, как и то, что Бога Сына тогда я еще не принял. Но так как в Слове Божьем сказано: *«А тем, которые приняли Его, верующим во Имя Его, дал власть быть чадами Божиими»*², Юрий Бенек стал счастливым сыном и наследником раньше, чем я, ваш пастор. Это справедливо, так как перед Богом все равны. Видя кончину этого оправданного человека, наблюдая за тем, как он уходил домой, я наконец открыл сердце стучавшемуся

¹ Ин. 3:16.

² Ин. 1:12.

в него Спасителю. Он меня помиловал, и я принял Его. До того времени Он жил только в моем уме, в книгах, а сердцем я Его не видел. Сегодня Он живет в моем сердце, так что я могу воскликнуть словами песни:

*Да, я спасен, спасен я от блужданий
Пытливого и гордого ума.*

В самом деле, таких похорон в Зоровце еще не было и такой надгробной речи еще никто не слышал. Никто из участников не остался равнодушным. Ведь неслыханное дело: пастор перед членами своей общины делает такое признание! Понявшие его ликовали в душе, другие, которым его высказывание было непонятным, почувствовали все же глубокое уважение к нему. Он словно приблизился к ним. До сих пор с ними говорил пастор, сегодня это был человек, говоривший с народом, как брат с братьями. Уходя с кладбища, даже самые равнодушные с уважением прощались с ним.

Так жители Зоровце похоронили своего пастуха. На третий день после похорон на собрании общины решили перестроить пастушью хижину и использовать ее для ночлега странствующих подмастерьев. Так община хотела сохранить память о Бенеке.

Глава 16

Наступил вечер. Сенины после дневного труда, поужинав, сидели вместе, размышляя о божественных истинах. Они прочитали Псалом 50: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои...»

— Думая о своих злодеяниях, — сказал Сенин печально, — я не могу от всего сердца благодарить Господа за то, что вы, матушка моя, и Циля меня простили, как и Господь меня простил из любви Своей великой, и Спаситель меня кровью Своей омыл навсегда.

— Это, сынок, были не только твои грехи, — сказала мать его, схватив сына за руку.

— Верно, — подтвердила Циля, — это были и наши грехи, и Бог нам всем их простил.

Она встала, чтобы убрать со стола. Положив руку свою на плечо мужа, она с любовью посмотрела ему в глаза. И он с благодарностью ответил ей тем же.

— Посиди еще, Циля, вымоешь посуду после. Я вам что-то хочу сказать.

Немного позже молодая женщина, вытерев стол и по просьбе матери достав для работы мешок с перьями, села возле своего мужа. Они сидели рядом так мирно, что их недавняя про-



шлая жизнь казалась нереальной. С выздоровлением Цили снова расцвела и ее красота. Се-нин все еще был статным мужчиной с приятной наружностью, хотя уже немного поседевшим. Как благодатно сказались на них обоих милость Божья и человеческая любовь!

— Мартыновы мне пишут, — начал сапожник, — что они имение наконец записали на свое имя. До рождества они еще не знали точно, будет ли оно им принадлежать, и поэтому не могли туда ни переехать, ни привести там что-нибудь в порядок. В имении достаточно строений, но все очень запущены. Они также пишут, что ищут умелых, старательных работников и обещают хороший заработок; работа по сравнению с нашей здешней — детская игра. Работникам разрешается держать для себя птицу и свинью. Если экономить, можно немного накопить денег и со временем купить что-нибудь существенное для своего хозяйст-

ва. Так как я перестал пить, то они предлагают и нам поработать у них. Моя мать помогла бы нам в нашем доме. Зимой и в плохую погоду я мог бы сапожничать. Я думаю: не от Бога ли эта возможность — приобрести обратно то, что я растратил? Мы бы не навсегда, а только на несколько лет нанялись к ним в работники. Земли мы бы там покупать не стали, а берегли бы каждый грош, чтобы вложить его в наше здешнее имение и поправить его к нашему возвращению. Дом и поля можно выгодно сдать в аренду, чтобы уплатить налоги, а заработанное у Мартыновых нам бы оставалось. Так вот, слово за вами.

— Делай, что считаешь нужным, сынок! Я пойду с тобой и помогу, сколько смогу, — сказала мать дрожащим голосом, со слезами на глазах.

Жена склонила голову на сложенные на столе руки и молчала.

— Циля, почему ты молчишь? — спросил ее муж.

— Потому что я боюсь!

— Ты боишься!?! — воскликнули муж с матерью. — Чего же?

— Вы, мама, разве не знаете, чего? — Лицо Циля побледнело. Сжимая лоб руками, она ог-

лядывалась в комнате, как человек, который должен расставаться со всем, что ему дорого.

— Циля, ты боишься, что я снова вернусь к своему старому греху! — догадался ее муж.

— А ты уверен, что этого не случится? Мы жили без Бога, без Христа, без Его Слова; мы оба не послушались ни Бога, ни родителей, да, мы служили сатане в аду. Сбежав в то утро от тебя, окровавленная и израненная, будто собаки меня рвали, я бежала из этого ада. Днем и ночью я видела перед собой ту страшную разруху и опустошение, дрожала при мысли, что мне снова придется вступить в этот ад. И когда вы меня привели в этот чистый обновленный дом, с любовью приготовленный для нас людьми, мне показалось, что я вхожу в рай. Ты был уже не тем диким зверем, но и не тем, ради которого я согрешила, переступив четвертую заповедь, а стал новым, добрым человеком. Я боялась, что это лишь сон и что я снова очнусь в аду. Каждый день и каждую ночь, прожитые мной в этом раю, я начинала и заканчивала на коленях перед Господом Иисусом Христом. И теперь мне уходить из этого рая? И зачем? Чтобы купить земли! Вы слышали, что рассказывала госпожа Гарак, когда она гостила здесь у своих родителей? Хотя она и хвалилась, рассказывая, сколько у них земли, она говорила,

что живут они, как в цыганской будке, где нет ни праздника, ни воскресенья. Во всей округе нет церкви, зато есть пивная! И когда бабушка Ужерова посоветовала им каждое утро петь, читать Библию и молиться, Гарак, всплеснув руками, возразила, что на это нет времени, что у них все не так, как здесь у нас! Работники их забастовали бы, если бы хозяева не работали вместе с ними. А сколько им приходится платить! Там нужно рано вставать, чтобы работа не накопилась! И ты хочешь идти в такое рабство? Без праздника, без воскресенья? Наши здесь будут собираться вокруг Слова Божьего, а мы будем там, в чужой стороне, когда мы в вере еще не окрепли? Ни я, ни вы ручаться не можем, что останемся верными Господу. *«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»*¹ Если хотите — идите, я вам запретить не могу; но добровольно я в этот ад не пойду. Мне точно известно, что Господь нас туда не посылает, ибо Его воля такова, чтобы мы прежде искали Царства Божьего². Там мы его вряд ли найдем. Если бы здесь был голод или еще какая нужда — другое дело; а так?! Зачем нам уходить отсюда? Бог мне

¹ Мф. 16:26.

² Мф. 6:33.

здесь каждый день дает работу, которая меня кормит. А земля? Сколько мне понадобится в конце земного пути, люди дадут!

Молодая женщина говорила сначала с горечью, а затем в ее голосе зазвучала решимость души, которая ни за какие блага не хотела ступить на скользкий путь.

— Ах, Циля, неужели ты думаешь, что я без тебя пойду? — вскрикнул Сенин. — Как ты себе это представляешь? Ведь я не к богатству стремлюсь, а к тому, чтобы тебе и матери вернуть то, что я растратил, чтобы совесть меня не мучила..

— Мне не жаль того, что пропало. У меня теперь большее сокровище, чем все потерянное, ведь я вижу тебя спасенным! Я тебя никогда не укоряла за прошлое. Если бы ты оставил свои грехи там, куда Бог их бросил, они бы тебя больше не угнетали. Но одно тебе скажу: ради тебя я оставила моего доброго отца, потому что тебя я полюбила больше, чем его. Но если ты меня хочешь увести куда-нибудь, где я могу потерять Иисуса Христа, я с тобой не пойду, потому что теперь Его я люблю больше, чем тебя, и не хочу повредить своей душе.

— Но Циля, — смело вмешалась свекровь, — зачем нам жить без Слова Божьего? Кто нам помешает день и ночь начинать с Ним?

— Работа нам помешала бы и работники! Если они там живут не лучше, чем здесь — цыгане, тогда в каких помещениях обитают работники? Может быть, по две семьи ютятся в одной комнате. Мы еще никогда не жили вместе с другими людьми, которые не хотят знать Бога. Может быть, они утром и вечером будут ругаться, ссориться, а нам в той же комнате петь, читать, молиться? Вот если бы это были дядя Янковский или бабушка Симонова; они, может быть, и таких людей привели бы к Господу. Но мы еще не такие христиане, как они!

В комнате наступила тишина. Сенин сидел с опущенной головой. По природе своей он был упрямым человеком; задуманное он всегда хотел осуществить. Если он даже советовался с другим, то в конце концов поступал по своей воле. Цилия хорошо знала своего мужа, поэтому она и не пыталась его отговорить от поездки на новое место. Увидев, что мать уже согласна с ним, она, как тяжело ей это ни было, решительно заявила, что не пойдет с ними. Такого он не ожидал от своей жены. Ведь она теперь, как никогда раньше, искренне любила его, и в последнее время они, по ее словам, жили как в раю! Сенин вдруг встал и молча вышел. Через несколько минут он уже был у Янковского и сказал ему, что хочет посоветоваться с ним по

одному делу. Они вошли в комнату. Сенин сообщил соседу о своих планах и намерениях, ничего не утаив также из сказанного Цилей. Он хорошо запомнил ее слова, но пока он говорил, их значение выросло перед ним во всей своей истине до громадных размеров.

— Скажите, пожалуйста, кто прав, — я или она? Я для нее и для матери моей лучшего хочу. Здесь мы никогда не поднимемся, не станем хозяевами, всегда будем только поденщиками!

— Я думаю, Сенин, что вы стремитесь к доброду, но дорога в ад, как известно, нередко бывает вымощена благими намерениями. Решение вашей жены — не менять Слово Божье на наживу — мне кажется более правильным. Петр тоже дерзал заверить Христа, что останется Ему верным, и против Его воли последовал за Ним во двор Каиафы. Но когда сатана там начал просеивать его через свое сито, Петр не устоял. Циля права, она хочет избежать этого просеивания, чтобы не отпасть от Господа. Вы — спасенный милостью Божьей пьяница и злодей. В силах ли вы устоять при ежедневном общении с такими же людьми? Нет, наверное... А что вы, собственно, хотите? У вас здесь свой домик, ваша жена и мать прилежно трудятся, вы свободный гражданин и сам себе хозяин. Вы, кроме как во время обучения ремеслу и на военной

службе, никогда еще не служили другим. А на новом месте вы станете слугой, а ваша жена — прислугой. Сможете ли вы оставаться смиренными даже тогда, когда увидите всякие глупости со стороны наемных работников? Циля ваша снова такой красавицей стала! Здесь, в деревне, никто не осмелился бы обращаться с нею недостойным образом. Жена работника никогда не пользуется таким уважением, а вы знаете, что в мире много распущенных мужчин. Вы же не удержались бы не ударить такого, если бы он только пошутил с ней? Недавно я получил письмо от товарища по военной службе. Мы в России, в плену, вместе нашли Христа. Он словак и тоже хотел купить земли здесь, в республике. Желая получше узнать жизнь земледельцев, он пошел по колониям навестить своих земляков, которые там принадлежали к христианским общинам и проповедовали о Царстве Божьем. Он надеялся, что увидит в них идеал, свет и соль, но, к сожалению, нашел соль, лишенную силы, а свет, если не потухшим, то поставленным под сосудом, и не встретил ни одной души, приобретенной для Христа. У этих собственников, в самом деле, много земли, они подняли свои хозяйства, но какая польза от этого, если они для дела Божьего мертвы? Так и с вами будет, сосед, если вы предложение Мартыновых назовете волей

Божьей. На самом деле оно не что иное, как искушение.

— Нет, господин Янковский, этого со мной не случится, — ответил сапожник. — Я понял, что вы с Цилей правы. Такую чудовищную жизнь, как вы мне нарисовали, я никогда не смог бы перенести. Лучше я буду жить бедным поденщиком в нашем «раю», как сказала Циля. Я не хочу стать богатым и повредить своей душе. Я благодарю вас!

— Подождите немного, сосед, — задержал Янковский спешившего домой Сенина, — у меня тоже есть предложение для вас. Хотя оно и не столь блестяще, как вам показалось то, от Мартыновых. Присядьте еще ненадолго!

И Матьяс предложил соседу позаботиться об ограде вокруг его полей. Время работы в лесу и на полях будет оплачиваться по соглашению, но не деньгами. И вдруг, совсем неожиданно для Сенина, Янковский спросил его, не хочет ли он приобрести по нынешней цене поле, которое когда-то принадлежало родителям Цили и было куплено матерью Матьяса. Он хотел дать Сенину возможность отработать за эту, дорогую для соседа, землю.

— Поле засеяно. Так как я думаю, что оно будет вашим, я отдаю его вам уже в этом году; семена возвратите мне осенью.

Вот уж радости было в этот вечер в доме Сениных! Циля прибежала к соседям поблагодарить их, и, не застав хозяина, она осыпала словами благодарности и благословениями Аннушку, которая сердечно порадовалась за соседей.

— И вы бы ушли теперь, когда Господь Иисус Христос обратил нашего пастора и мы в доме Божьем будем слушать одни Божьи истины? Мой отец сказал, что мы, верующие, теперь стеной должны стоять вокруг нашего пастора, как нашими молитвами, так и жизнью, потому что враг не дремлет.

— И чего только не придумает этот Янковский! — удивлялись люди в Зоровце. — Огородить поля! Лес для ограды он давно уже закупил, но сколько проволоки и труда еще понадобится! И тот луг он купил лишь для того, чтобы огородить свое имение, — осуждали его одни.

— Что удивительного? Вернувшись из Америки, Матьяс свой луг под склоном горы засадил фруктовыми деревьями. Теперь это уже настоящий сад. Но плодов от него он еще не ел, их собирает молодежь, поэтому сучья на многих деревьях обломаны. Вот он и строит ограду. И скирды сена сохранятся, и на полях потравы не будет, — брали его под защиту другие.

— Да, это так, но во что это обойдется? — продолжали сомневающиеся.

— Нам-то что за забота? Кто с Богом дружит, тому и святые помогают, — благословляли Матьяса те, кто сочувствовал ему.

Не успели люди оглянуться, как прошла масленица, и желавшим пожениться пришлось поспешить, так как наступал великий пост. В Зоровце люди привыкли в это время, как и в предрождественские недели, ежедневно ходить в церковь. Может быть, они тем самым хотели наверстать упущенное? Нередко прежде в это время в церкви сидело всего несколько нищих, старух и мальчиков-хористов. Но теперь все было иначе: такого количества людей в церкви, как в этом году, еще не бывало. Все говорили, что в доме Божьем теперь совсем не так, как в минувшем году.

Казалось, что, с тех пор как похоронили старого Бенека, пастор будто переродился, его было не узнать. Особенно это сказалось на его отношении к своим пасторским обязанностям; а службы по воскресеньям, в предпасхальные дни и занятия перед конфирмацией он проводил с особым усердием. А еще по воскресеньям после обеда он (словно у него было мало работы!) ходил в небольшие деревушки и проводил там богослужения, перенеся второе богослу-

жение в Зоровце на вечер. Среди недели, когда люди собирались у Янковского, он появлялся и там, но только как слушатель.

— Я у вас отдыхаю, — говорил он и лишь по особой просьбе молился в конце собрания. Пастор попросил учителя разучить с детьми любимые словацкие песни и петь их по воскресеньям на вечерних богослужениях. Как это дивно звучало в доме Божьем!

Так прошел великий пост, уже был конец марта, и подходила Страстная пятница. Наступила весна, и молодежь в Зоровце запела новые песни. Вокруг Аннушки и Степана Ужерова собрался довольно большой кружок. Песни звучали на полях во время работы, особенно там, где виднелись белые быки Ильи Ужерова; пели женщины, стирая белье на берегу Вага, и эхо вторило им:

*Хорошо, если сердце свободно,
Хорошо, если нету в нем зла!
Хорошо, хорошо и спокойно,
В той душе, где всегда тишина.*

В тихое утро Страстной пятницы пастор возвращался со своей утренней прогулки. Звучавшая песня была ему знакома, но сейчас, в этот тихий утренний час, словно весь мир вокруг пел ее. Сначала он шел вдоль бурного

Вага, потом свернул на тропу вдоль притока реки, которая протекала между полями в низине и была окружена проволочной оградой. «Это та самая Ольховая низина, которую недавно купил Янковский», — подумал пастор. Часть низины заросла акацией и шиповником. Воду окружали высокая ольха и цветущие ивы, в которых жужжали пчелы. Ограда еще не была закончена. Пастор любил эту сухую тропинку, ведущую через поля Янковского. Нередко он отдыхал на каменной скамье под ольхой с книгой в руке и, возвращаясь домой, всегда останавливался побеседовать с работниками, которые попадались ему навстречу. Обычно они его провожали домой. В этот день ему встретились Сенин и Звара, которые уже давно не пропускали ни одного богослужения, и ему было удивительно приятно поговорить с ними. Сегодня молодой пастор хотел погулять подольше, так как он до девяти часов был свободен. Поднявшись по вытоптаным ступеням на небольшую скалу, он прислонился к старой цветущей вербе, высоко поднявшейся над своими подругами, и жадно обежал глазами чудесный весенний мир. Видны были часть Вага, поля, луга, лесистые склоны в прозрачном тумане, который быстро таял на солнце. На лугу у его ног благоухали нежные фиалки, над голо-



вой залиvisto пел жаворонок. Все пело песнь воскресения; ветры на крыльях своих несли весну.

Пастор вдруг почувствовал, как он молод душой и сердцем. Слишком рано стали угнетать его житейские заботы. Будущий душепопечитель оказался сиротой, когда больше всего нуждался в отце. В школе никто не пробудил в нем идеалы, которые способны воодушевить молодежь. Заботы, казалось, с самого детства состарили его душу. Он не был мадьяром, то есть венгром, по духу, ничто серьезно не связывало юношу с воспитавшим его миром. Но он не был и тайным словаком, как его отец, — он был никем. Богословие он, как и большинство его коллег, изучал ради будущего заработка. Христа он не знал и не любил; не было у него, значит, религиозного идеала и никаких других увлечений, которые могли бы стать содержанием его жизни. Пастор был непьющим и некурящим, потому что в студенческие годы, когда он однажды заболел, разумный врач посоветовал ему не приобретать эти дурные привычки, если хочет долгой жизни. Значит, непьющим он стал вовсе не потому, что хо-

тел собственным примером помочь своему погибающему от пьянства народу, так как он во все не любил этот народ. Он не понимал его души, потому что не знал ее. У этого молодого человека не было никаких пристрастий, и он был сохранен от ошибок. В нем все — сердце, душа и дух — словно спало. Пробуждение от этого сна в последние месяцы было мучительным для него, но, пробудившись наконец, он увидел свет Христа. Пастор Моргач возродился к новой жизни, и, глядя теперь на весенний мир, он почувствовал, что весна пришла и в его сердце, что в нем пробудилась и заявила о своих правах молодость. Невольно ему вспомнились слова:

*Приветствую тебя, весна!
Ты молодость мне принесла.*

Ему вдруг показалось, что и для него наступила пора любви. Он понял, что всем сердцем любит эту чудную местность, потому что полюбил ее Творца, Который сохраняет ее красоту. Думая о жителях этой долины, он чувствовал, что они ему дороги, что они его братья и сестры. С радостью он хотел



возвестить им сегодня о великой спасительной жертве, принесенной Иисусом Христом на Голгофе, и он знал, что они придут и с живым участием будут слушать его. Прежде он часто думал: «Зачем я, собственно, живу?» Лишь сознание, что он сможет содержать свою мать и обеспечить ей беззаботную старость, примиряло его с жизнью. Теперь молодой человек твердо знал, что перед ним стояла большая, очень важная задача, что ему было для кого и для чего жить. Его теперь воодушевлял идеал — всю свою общину привести в объятия доброго Пастыря, где он сам нашел покой и где он увидел Бенека и других, участвовавших в его пробуждении.

— Доброе утро, господин пастор, — услышал он вдруг знакомый девичий голос. Моргач оглянулся. По тропе, вившейся под его ногами, шла молодая девушка, образ которой как нельзя лучше вписывался в этот весенний мир. Она несла корзинку с нежными фиалками, и, несмотря на темный цвет ее одежды, соответствующий сегодняшнему дню, она сама была похожа на чудесный весенний цветок.

— Аннушка, вы здесь? — воскликнул пастор от неожиданности. Он протянул девушке руку, чтобы ей легче было взобраться наверх. — Та-

кая прилежная маленькая хозяйка! Как вы все успеваете?

— Я уже вчера все приготовила к сегодняшнему дню и попросила тетю Звару подать завтрак, так что все сделано.

— Вы хотели собрать фиалок?

— Да, отец и бабушка Симонова их очень любят. Но мне прежде всего хотелось побыть одной.

— Это почему же, Аннушка?

Пастор отодвинулся, приглашая ее сесть на каменную скамью. Места было достаточно, и она поставила свою корзинку около себя. Ему хотелось слушать и слушать ее, потому что ему очень нравился ее серебристый голосок. Она открыто посмотрела на него:

— Сегодня Страстная пятница; в тот раз Иисус Христос весь день был так одинок! Все ученики Его оставили. Одиноким Он стоял перед Пилатом, одиноким Он шел путем страданий, одиноким Он был на кресте и одиноким — в гробу. А потом люди чувствовали себя такими одинокими, когда не могли Его найти ни на земле, ни на небе.

Пастор молча кивнул головой.

— Странная мысль, но вы правы: ни на земле, ни на небе. И еще что вы думали об этом одиночестве, Аннушка?

— Я подумала, что сегодня весь мир об этом размышляет. Мне казалось, что сегодня даже воды Вага поют: «Умер, умер Иисус, Сын Божий». Затем я взглянула на зеленый холм, и мне показалось, будто он мне рассказывает, как Агнец Божий однажды, после тяжелой борьбы, покоился в черной земле. Я выучила песню, которую господин Х. прислал нам на той неделе и которая так подходит к этому моменту.

— Вы можете ее спеть? Тогда спойте и помогите жаворонку хвалить Его.

Девушка сложила руки, и ее чистый голос зазвучал в тихой долине. Волны Вага, подхватив песню, понесли ее дальше:

*У креста хочу стоять,
Созерцать гушою,
Как с Голгофы благодать
В мир течет рекою.*

Припев:

*У креста, у креста честь моя и слава.
Там спасенья полнота,
на блаженство право.*

*У креста открылся мне
Кроткий Агнец Божий,
Он привлек меня к Себе,
Стал всего дороже.*

*У креста я буду жгать
С верой и надеждой,
Пока Бог велит принять
В царство безмятежных.*

После того как девушка допела песню, пастор поднял склоненную голову и молодые люди внезапно встали, осознав святость момента, когда они, мысленно пройдя столетия назад, побывали непосредственно на Голгофе, где Агнец Божий склонился к ним с креста и благословил их. Безмолвно они оставили это тихое местечко и молча пошли домой. Приблизившись к ограде Янковского, пастор взял руку девушки и сказал: «Я благодарю вас, Аннушка!» Она, улыбнувшись, сказала, что ей пора домой, и убежала, а он еще долго смотрел ей вслед.

Бывают в жизни прекрасные незабываемые моменты — в этом сегодня убедился и пастор.

Глава 17

В день Страстной пятницы учитель Людвиг Галь сидел со своей молодой женой Ольгой в комнате. Отношения между супругами были самые сердечные, они искренно любили друг друга, особенно пережив преждевременное рождение и неожидан-



ную смерть своего ребенка. Матери эта потеря чуть ли не стоила жизни, и муж очень боялся, что лишится и жены. Из-за этих событий молодой женщине пришлось оставить свою работу в гимнастическом обществе, которое и без того едва существовало. Прежний пастор был его почетным членом и горячо поддерживал начинания учителя. К сожалению, у пастора Моргача не было никакого интереса к национальной гимнастике, и учитель не возлагал на него никаких надежд в этом деле. Потом на село обрушился испанский грипп, который вырвал из их среды четырех самых активных из детской группы и двух лучших взрослых гимнастов, и учитель Галь вдруг почувствовал себя очень уставшим. А тут еще в предрождественское время началось это странное религиозное движение. Воскресений в масленицу было мало, и интерес к гимнастике, вместо того чтобы расти, все больше исчезал, особенно потому, что не-

сколько гимнасток готовились к свадьбе. Все это мучило учителя. Он решил объявить молодежи, что в понедельник, после Пасхи, гимнастическое общество возобновит свою работу. Он надеялся, что прогулка с ритмическими танцами сможет пробудить новый интерес к гимнастике. Уже две недели назад он об этом говорил со своей женой. И сейчас он размышлял об этом же.

Жена учителя, отдохавшая на софе, думала о том же. Вдруг она воскликнула:

— Людвиг, прошу тебя, иди сюда!

Он подошел, сел на низенький стульчик у изголовья софы.

— Что ты хочешь, Оленька?

— Снять с тебя заботы, обременяющие тебя.

— А ты это заметила? Да, меня беспокоит наше общество.

— Об этой прогулке все думаешь?

— Нет, я думаю о том, как мне вообще прекратить эту работу. Нам не хватает молодежи. Она предпочитает идти на танцы. Если общество занимается лишь гимнастикой и развлечениями, но не проводит культурно-просветительской работы, то оно не достигает своей цели и идеалы его основателя остаются невостребованными. Напрасно я трудился над докла-

дами. Молодые люди регулярно приходили лишь на гимнастику или на какое-нибудь представление. С тех пор как ты, дорогая, перестала мне помогать, все рухнуло.

— Ах, Людвиг, слава Богу, я уже здорова, и ничто не мешает мне тебе помочь, но теперь это невозможно, — ответила она, закрыв лицо руками.

Он их нежно отнял:

— Почему ты не можешь?

— Потому что... как тебе сказать, чтобы ты меня понял и не обиделся? Я не вижу в этом деле возможности спасти и оздоровить наш народ.

Лицо его помрачнело.

— А в чем ты это видишь?

— Во Христе, в обращении к Нему! Прошу тебя, не удивляйся, сомнения уже давно одолевают меня, но сегодня мое убеждение получило подтверждение. Когда Аннушка пришла к нам, я слушала ее слова, как пение птички. Потом мы ближе познакомились с Янковским, и я раза три оставалась на его собраниях. Да ведь и ты там был. После нашей беды меня часто посещала бабушка Симонова; ты же хорошо знаешь, какое отчаяние охватило меня, когда мы потеряли нашего дорогого первенца, какой мрак поселился в моей душе, как мне не хоте-

лось даже глядеть на мир Божий! А эта почти неграмотная старушка так бережно отнеслась к моему горю, так заботливо врачевала мою душу, так убедительно внушала мне мысль на основе Слова Божьего о том, что дитя мое ушло к Нему, на вечную родину, что сумела успокоить меня и вернуть к жизни. Я убедилась в том, что вера этих людей глубокая, искренняя; но они простые крестьяне, а я-то, гордая своим образованием, начитанностью, мнила себя выше их! В предрождественское время я внушала себе, что нам достаточно того, что дает нам пастор Моргач. Но потом началось невообразимое: он начал проповедовать не как книжник, а по Духу, вселившемуся в него, Который говорит нам слова вечной жизни. У меня не было больше отговорок, ибо передо мной стоял не малограмотный мужик и не обыкновенный невзрачный пастор — это был новый человек! Я жаждала новой жизни! Теперь я лучше поняла Аннушку и ее большое счастье. В ней жил Агнец Божий, умерший и за меня. А сегодняшнее свидетельство с кафедры было таким мощным, что я склонилась перед голгофским крестом, и Иисус Христос меня принял.

В комнате стало тихо. Учитель встал и, скрестив руки на груди, молча стал ходить по ком-

нате. Вдруг он остановился и медленно проговорил:

— Он тебя принял! О, если бы я это мог сказать и о себе! И во мне пробудилось то же самое, что и в тебе. Я презирал этих людей, но думал, что каждый может верить по-своему. Моргач вызывал у меня лишь сострадательную улыбку, когда я видел, как он старался превзойти этих «сектантов», просвещая их своей богословской мудростью. Но потом случилось то непонятное, как ты сказала, когда он с высоты своей спустился к нам, признав, что пастух, почти малограмотный человек, повел его ко Христу. И он не только дал себя повести, но и перед нами не скрыл этого. Он признался, что обрел жизнь. И вот после этого я стал его ценить и с интересом слушать его проповеди. Уже в пред рождественское время я несколько изменил свое суждение о том, что он не очень начитанный, односторонне образованный пастор; мне стало понятно, что он самообразованием достиг намного большего, чем ему дали его школы. Но признаюсь, что такой проповеди, как сегодня, мне еще никогда не доводилось слышать! Конечно, я их вообще мало слышал. Однако сказать такую проповедь, которая душу и дух захватывает, может лишь возрожденный, принадлежащий Христу человек.

Раздался звон колоколов, торжественно призывавших к послеполуденному богослужению. В последнее воскресенье пастор объявил, что в Страстную пятницу проповедь будет утром, а обычное литургическое богослужение состоится после полудня. Учителю пришлось поторопиться, так как пастор его попросил перед богослужением зайти в ризницу, поэтому разговор его с женой остался незаконченным.

— Я хотел бы попросить у вас помочь мне немного изменить порядок богослужения, — сказал Моргач, входя вместе с ним в ризницу.

— С удовольствием, — уверил его учитель.

— Я дочитаю этот раздел, затем вы сыграйте, пожалуйста, вот эту песню! Молодежь вверху на хорах споет ее нам. Прошу вас лишь о негромком сопровождении, чтобы слова были понятны.

— Позвольте, господин пастор, не лучше ли, если Аннушка Янковская одна споет припев?

— Я не возражаю, это будет еще лучше. Благодарю вас заранее!

Так как история страданий Христа должна была читаться лишь после полудня, церковь в Зоровце наполнилась так же, как утром.

Никогда еще прихожане не слышали, чтобы так читались священные слова, как сегодня. Но

Кристина Рой

и песни никогда еще так не звучали, как сегодня. Орган лишь тихо сопровождал пение молодежи. Потом, при чтении Евангелия от Марка (15:1–14), раздались мощные звуки органа, и вдруг с хоров зазвучала песня, которую здесь еще не слышали:

*На далеком холме старый крест виден мне,
Знак позора, страданий и мук.
О кресте мы поем потому, что на нем
Был распят лучший грешников Друг.*

И дальше один серебристый голос, сопровождаемый тихими звуками органа, пропел припев:

*Старый крест осудил суету,
Дал покой для усталых сердец.
Я душою прильнул ко кресту,
Через него обрету я венец.*

И снова запели молодые голоса, и так чисто, что каждое слово было понятно:

*Старый крест позабыт,
Мир в погибель спешит.
Крест Христов — наша сила и честь.
Вечный с неба сходил,
На земле в теле жил,
Чтоб его на Голгофу отнести.*

*Старый крест обагрён,
Но не страшен мне он,
В нём открылась мне Божья любовь.
Кровь Иисуса Христа
Пролилась с креста,
Чтоб меня искупить от грехов.*

Между строфами серебристый голос Аннушки повторял припев, и в завершение весь хор молодых голосов с воодушевлением и силой выразил свое призвание:

*Старый крест возвещать
И к Христу призывать —
Вот на что я себя отдаю.
По скитанье земном
Перейду в вечный дом,
Он меня примет в славу свою.*

Медленно замирали звуки органа, и после короткого молчания пастор продолжил чтение слова о страданиях Христа. Учитель Галь сложил руки на пюпитр для нот, склонив на них голову. Он что-то беззвучно шептал, но там, куда его слова были направлены, они были услышаны и поняты.

Когда пастор после богослужения сидел в ризнице и что-то записывал, дверь тихо открылась, и вошел учитель:

— Прошу вас уделить мне несколько минут внимания!

— О да! Но позвольте мне прежде поблагодарить вас за хорошую песню!

— Вы — меня? Я вас должен благодарить!

Когда они через полчаса вместе оставили ризницу, было трудно сказать, чье лицо светилось больше. Прощаясь, они сердечно и долго пожимали друг другу руки, так что прощанье скорей было похоже на радостную встречу.



Во время захода солнца в большом саду у дома пастора, под старой грушей, собрались друзья. Это были старые и молодые крестьяне, мужчины и женщины, которые уже приняли в свое сердце Иисуса. К великой радости Аннушки, пришли и ее друзья из школы. Очень просто и непринужденно шла в этом небольшом обществе беседа. Каждый пришел будто сам по себе, по своему собственному делу; но так как дело каждого оказалось общим, оно в общем и могло решиться. Комната пастора всех пришедших вместить не могла, поэтому Мартын Ужеров предложил выйти в сад.

Молодежь в один момент принесла из дома пастора и из школы столы и скамьи, и собрание началось. Одни сидели, другие стояли во-

круг пастора, и потом начались рассказы о том, как кто искал и нашел Спасителя. Супруги Рашовы сообщили, что они в Америке посетили словацкую общину конгрегационистов, где многие считали их обращенными. Но только сегодня они поняли, что значит действительно принять Иисуса Христа в свое сердце. Уже в предРождественское время Он сильно стучался в двери их сердец, но они все не решались открыть Ему. Сегодня утром они во время проповеди упали к Его ногам, там, на Голгофе, прося простить их грехи. Придя домой, они признались друг другу в этом, но лишь после полудня, на собрании, они поняли, что этого еще недостаточно и что они должны еще что-то сделать. Итак, они решили отдать свое сердце Иисусу, и Он вошел и живет теперь в них. Из семейства Ужеровых говорили старые и молодые, в том числе и бабушка, рассказывая, когда и как они пришли к Господу. Чудесно было, что Господь привлекал к себе целые семьи. У Ключевских отец, мать, сын и дочь в предпасхальное время приняли Христа, у Боротовых — отец и дочь, у Костыльных — мать и сын. Так что обращенными были теперь не только семьи Янковского, Звары и Сенина. Всех очень обрадовало, что к ним присоединились и учитель Галь с женой. Из семьи Миловых к Богу пришел только сам



староста, хотя сначала казалось, что жена его придет первой. А пастор Моргач одиноко стоял среди них. Неужели он так и останется один?

Мать его с ранней молодости была очень порядочным и честным человеком. И сейчас поведение сына ей очень не нравилось. «Сначала Август зачем-то с тем книгоношей возился и спорил, а потом на похоронах этого несчастного пастуха так опростоволосился! Перед всей общиной признался, что сам не имеет того, что проповедует! Что скажут на это другие пасторы? Всегда он был порядочным пастором, а теперь он связался с этой сектой!» — размышляла мать, сидя у окна и наблюдая за сыном и за собранием в саду. «Зачем они собрались? Этого раньше никогда не было! О чем они совещаются? Он лишится всякого авторитета среди них! И учитель с женой тоже с ними? Удивительно! Этот заносчивый человек раньше приходил к сыну лишь по служебным делам, в случае крайней необходимости! А теперь он смотрит на ее сына, будто тот ему родной брат!»

Мать пастора хотела подойти поближе к собравшимся, чтобы услышать и увидеть, что же

там все-таки происходит, но не решилась, потому что могли подумать, что она тоже интересуется этими новшествами и готова их принять. Нет, кем она родилась, тем она и хотела оставаться до конца своей жизни. Она быстро отошла от окна, так как ее сын повернулся и поспешил в дом. Она слышала, как Август вошел в свой кабинет, и подождала, не заглянет ли к ней, потому что он ее в обед очень сильно рассердил. Она сказала, что хочет испечь пасхальные куличи, но он начал просить ее не загружать сегодня прислугу дополнительной работой, потому что это такой великий святой день, который полностью следует посвятить воспоминаниям об Агнце Божьем. Когда она его упрекнула, что он не считается с тем, что у нее на субботу дел невпроворот, он ее попросил вообще ничего не печь, так как в куличах-де нет никакой надобности и праздник от этого не зависит.

«Пасха без выпечки! Какая нелепость! И что ты вдруг вмешиваешься в дела, в которых ничего не понимаешь?» — возразила она, рассердившись. Потом она наговорила ему еще всякого, к делу не относящегося, но му-



чившего ее со дня похорон Бенека. Август не сказал ей ни слова в ответ и, так как зазвонили колокола, ушел в церковь на литургическое служение. И что он опять творит! Объявил песню, которой нет в песеннике! Песню, правда, спели хорошо, как ангелы на небесах, однако она была ни к селу ни к городу. Ах, что это за неслыханные новшества! Вот сын вышел из комнаты, наверное, он сердится на нее. Вот прошел мимо окна, неся конторскую книгу и чернила. Зачем? А вот вынесли столик из школы. Ну зачем этому небольшому собранию эта книга?

Мать пастора не слышала разговора под грушей. А было сделано предложение, чтобы принявшие Иисуса Христа как своего Спасителя образовали евангельское общество, члены которого придерживались бы следующих правил:

1. Ежедневно читать Священное Писание.

2. Строить свою жизнь по нему.

3. Словом и делом трудиться над спасением других людей.

Это было принято с большой радостью и единодушно. Сенин неожиданно внес предложение, чтобы пьющий член общества перестал пить. Боротов считал, что это само собой разумеется, так как в Слове Божьем пьянство по-

ставлено рядом с убийством¹. Мартын Ужеров поддержал Сенина; учитель Галь предложил попожже организовать отделение трезвенников, а предложенные три правила принять за основу. Янковский подчеркнул, что читать Слово Божье должен не только лично каждый член общества, а отцы и матери семейств обязаны возобновить домашние собрания. Так каждый выразил свое мнение, и из этого получилось нечто, подобное прениям на собрании, что потом и приняли за основу своеобразного устава только что созданного евангельского общества.

На первой странице книги пастор написал: «Я, ниже подписавшийся, член евангельского общества, заявляю, что, получив из рук моего Господа прощение моих грехов и вечную жизнь, отдаю себя и мою дальнейшую жизнь в Его пронзенную десницу, чтобы Он мной руководил и употребил меня для распространения Его Царства», — и первым поставил свою подпись «Август Моргач». Следующим подписался Людвиг Галь, и так заполнилась вся страница книги.

Мать пастора не знала, что там происходило. Она только видела, что один за другим люди ставили подписи, потом, стоя, молились и после молитвы запели: «Благодать Господа Иису-

¹ См. Гал. 5:21.

са Христа, и любовь Бога Отца и общение Святого Духа да будет с нами. Аминь».

«Ах, что он наделал?! — ломала руки мать пастора. — Что другие пасторы скажут об этом, когда узнают?»

Да, это действительно был важный вопрос, но в тот момент, когда пастор Моргач пожатием руки прощался с каждым из его братьев и сестер, он был так счастлив, что об этом вопросе даже и не подумал.

Глава 18

Что лучше удачного сюрприза? В субботу вечером неожиданно приехал домой студент Михаил Ужеров, чтобы провести с семьей пасхальные каникулы. Целый год его не было дома, и никто, кроме отца, с ним в это время не виделся. Поэтому родные не могли наглядеться на него. Как он вырос и возмужал! Какие манеры у него появились, совсем горожанином стал! На каком прекрасном словацком языке он говорит! Однако не только семья, а и он сам не переставал удивляться переменам в родном доме, происшедшим за время его отсутствия.

— Вы все будто помолодели, — сказал он матери. — Каким статным парнем стал наш Сте-

пан! Жаль было бы, если бы он в этой деревне совершенно опростился. Он такой интеллигентный, такой понятливый!

— Ах, только оставь его в покое, — сказала мать, приглаживая кудри сына. — Степану хорошо дома, и если Господь захочет, то пошлет его в другое место, Ему виднее, где Степану лучше.

«Ты смотри, — подумал студент, — как мать говорит!»

Ему также очень понравилось, что озорник Илья, с которым он раньше часто ссорился, теперь так ладно жил со своей молодой красивой женой.

— Теперь ты уже не смеешься над моим желанием стать пастором? — спросил он кузена.

— Сегодня я этому даже рад, — ответил Илья. — Только желаю, Михаил, чтобы ты стал пастором не раньше, чем приобретешь все необходимое для этого. Быть настоящим душепопечителем — дело непростое.

— Ты думаешь, что нас выпустят быстрее, чем мы закончим учебу? — озабоченно спросил будущий богослов.

— Кто знает... Нашего пастора ведь выпустили как окончившего, а главного у него еще не было.

— Вот как? Разве вы своим пастором не довольны? Вы же его единогласно избрали.

— Мы свалили крайнее дерево, чтобы не забираться в лес. Но я ничего против него не имею; ты не дал мне досказать!

— И так?

— То, чем он сегодня с нами делится, ему дали не ваши профессора, это он нашел в нашей деревне. Но надеюсь, ты его наведишь и сам убедишься в этом.

— О, это любопытно! Ты говоришь так загадочно. Лучше скажи-ка, как твоя семейная жизнь?

— Если ты когда-нибудь будешь так любить и будешь таким любимым, как я, ты сам узнаешь, какое это счастье. А пока ты только зеленый студент, которому еще долго придется корпеть над книжками.

Михаил чуть не рассердился на Илью, но какой толк в этом? Он знал, что Илью это мало тронуло бы. Мать, бабушка — все в доме носили гостя на руках. Он почувствовал то чудное очарование, которого нигде в мире не найти, — очарование семьи. Но еще до конца каникул он почувствовал также, что дома была атмосфера какой-то небывалой «двойной» весны. Хотя он ни с кем об этом не говорил, ему подчас казалось, что Бог над Зоровце произнес Свое: «*Се, творю все новое*»¹. Это новое было в церкви, в

¹ Отк. 21:5.

доме пастора, в школе, в домах земляков. Михаил пошел проведать учителя Галя, с которым познакомился в прошлом году. Он встретил его, когда тот шел в дом пастора, и Галь пригласил его с собой. Михаил удивился, как сердечно, по-братски общались учитель с пастором. Ведь раньше отношения между ними были довольно прохладными. Учитель, знавший от Ужеровых, что Михаил в студенческом хоре пел тенором, попросил его помочь ему, так как он с молодежью в воскресенье в заключение богослужения хотел спеть песню в четыре голоса. Конечно, Михаил согласился! Итак, уже в тот же вечер он оказался в кругу молодых людей. Это была совершенно новая молодежь, и пела она совершенно новую, по словам и мелодии чисто словацкую, песню, сильно затронувшую сердце студента:

О смерть! Где, скажи, твое жало?

О аг! Где победа твоя?

В воскресшем Христе засияло

Нам вечное солнце бытия.

Христос воскрес, чтоб грех угас;

Чтоб в людях мог Дух Божий жить.

Христос воскрес, Христос воскрес,

Чтоб мертвых нас из гроба

К жизни возвратить...

Невольно он подумал, что гроб здесь, в Зоровце, действительно открылся и покоившийся в нем до сих пор Христос действительно воскрес и живет среди его односельчан.

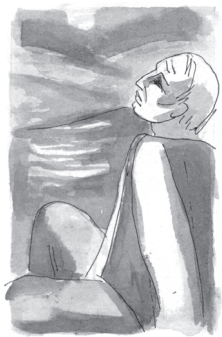
Михаил, как и все, попал под обаяние Аннушки. Так как у него была, как говорят, «поэтическая струна», он начал воспевать зачарованную словацкую принцессу. Всякую ее просьбу он исполнил бы! Он был счастлив, что мог называть ее «Аннушка» и на «ты» и что она ему так приветливо говорила: «Миша, приходи к нам!» Он хорошо играл на фисгармонии и на органе. Восхищение Аннушки льстило ему, и он с удовольствием показал этой способной ученице все, что знал сам. Он научил ее записывать ноты, и сам записал ей многие песни, исполненные ею. Правда, Аннушка совершенно не отвечала на его ухаживания, зато она с радостью научила его своим тренчинским песням, которые он стал играть на скрипке учителя, потому что на фисгармонии исполнить их было невозможно. А на скрипке они звучали, как сдержанный плач и шум Вага...

На Пасху получился настоящий праздник. В Зоровце в каждом доме были гости, так как все прихожане остались на послеобеденное богослужение.

В понедельник учитель объявил, что гимнастическое общество из-за малолюдности и отсутствия у молодежи интереса к занятиям распускается.

Обо всем этом Михаил потом вспоминал с удовольствием, но большее всего ему запомнилось то, что произошло во вторник после Пасхи. Однако прежде следует поговорить еще о событиях в субботу.

Между прочим, надо сказать, что мать пастора, чтобы показать сыну, какова Пасха без традиционной выпечки, в субботу осталась лежать в постели. Ей и в самом деле немного нездоровилось, но, когда Август утром, вместо того чтобы проявить о ней заботу и посокрушаться о том, что дома хоть шаром покати, стал уговаривать ее спокойно полежать и не хлопотать, потому что Господь поможет и Сам все устроит наилучшим образом, она огорчилась еще больше. «Посмотрю, — бурчала она в подушки, — как Он вам поможет, если я не встану!» Когда же она под вечер вышла из комнаты, чтобы дать прислуге возможность сделать уборку, и заглянула в кладовую, то, ошеломленная, застыла на месте. Прислуга ей восторженно сообщила, что жена церковного сторожа шепнула женщинам о болезни матери пас-



тора, и вот соседки наварили и напекли всякой всячины и принесли в их дом. Жена учителя Ольга сварила суп и сделала жаркое из индюшатины. Теперь и пастор мог пригласить гостей: праздничный стол ломился от еды.

Поняв, что болеть бесполезно, мать пастора поднялась с постели и стала приветливо принимать и угощать гостей сына.



Торжественный звон колоколов возвестил конец «тихой субботы». С благоговением слушал его и Матьяс Янковский, сидя на том памятном ему местечке на берегу Вага. Но ведь он уже давно знал, что голубые волны Вага никогда не смыкались над головой его дорогой Марийки, так почему же он там сидел?

Он искал одиночества, тишины, чтобы углубиться в истину великого слова «Воскресение»! Его душа была спокойна от уверенности, что ушедшие к Господу возвратятся, как воскрес Иисус Христос, что они уже и теперь живут в блаженстве и что мы последуем за ними. «Мы с ней увидимся! — размышлял он. — Она

меня встретит и вечно будет моей!» Матьяс повернулся от внезапного всплеска воды. Причалил плот. Заходящее солнце освещало сплавщиков. Будто их призвал звон колоколов. Один из сплавщиков, направлявший плот к берегу, был уже немолодым, седым; другой, высокий, в тренчинском костюме, казался лет сорока с небольшим. Янковский не успел опомниться от их внезапного появления, как тот, что помоложе, был уже на берегу и привязывал плот канатом к стволу дерева. Когда он выпрямился, они уже стояли лицом к лицу и пристально смотрели друг на друга. Вдруг сплавщик поклонился:

— Добрый вечер. Вы не Матьяс Янковский?

— Да. С кем имею честь?

— Я Иштван Уличный.

И сплавщик вдруг оказался в крепких объятиях Янковского.

— Значит, ты жив и пришел? О, сколько я об этом молился!

— Ты, Матьяс?

— Разве я не твой должник? Разве не ты исполнил самое большое желание моей дорогой Марийки? Ты ее увез домой, где она спокойно могла умереть, так как на земле



жить ей было не под силу, потому что судьба слишком сурово обошлась с ней. Да воздаст Господь тебе за твою доброту. Но почему ты сегодня здесь?

— Я тебе все скажу, Матьяс, только сначала отпущу дядю Марка.

Минут через пять Матьяс с Уличным шли к деревне, а старик, с которым Уличный расплатился и ласково простился, отправился в соседнее селение.

— В Америке я лишился на время работы, поэтому вернулся на родину. Мне так хотелось увидеть ее свободной! Слава Богу, что многое изменилось к лучшему. Но так как за эти годы умерли все мои родные, я почувствовал себя здесь еще более чужим, чем в Америке, и хочу по возможности скорее уехать обратно. Я посетил могилу Марийки Скале, и на мельнице мне кое-что рассказали. Однако мне захотелось узнать все от тебя, Матьяс, и увидеть дочь Марийки. Поэтому я приехал, чтобы провести праздники с вами, если примете, конечно. Мне так хотелось прокатиться на плоту, я взял дядю Марка с собой, у которого здесь замужняя дочь, и мы поплыли. Теперь прошу тебя, прими меня и дай мне возможность провести эти дни с тобой и с Аннушкой.

— Мы очень рады принять тебя, Иштван. Заходи в мой дом, как в свой.

Так у Янковских появился неожиданный гость, за которым Аннушка очень старательно ухаживала, а он в это время с нее глаз не сводил. Это была не Марийка, и все же сразу было видно, что она ее дочь. Если она была и не так красива, то привлекала большим обаянием. Ей удалось уговорить Уличного съездить в К. лишь за вещами, вернуться и остаться у них, пока тоска по Америке его не одолеет. Он рассказал ему все, что он хотел знать, и дали ему почитать даже письма от Марийки и матушки Скале. От Сусанны Ужеровой он узнал еще кое-какие подробности. О себе он сообщил, что в Америке нажил небольшое состояние и что живет один, так как другой Марийки не встретил.

Во вторник Михаил Ужеров благодаря ему пережил незабываемый день. Иштван Уличный пригласил всех соседей Янковских поплыть с ним на плоту на мельницу Аннушки. Из Ужеровых, кроме бабушки и отца, поехали все, присоединились также Рашовы, которые знали Уличного еще по жизни в Америке. К общей радости, с ними отправились также и пастор с учителем. Во вторник до самого обеда готовились к поездке. Нужно было найти брезент для палатки, котел, потому что Аннушке очень хо-

телось, чтобы поездка получилась такой, какой была та, когда матушка ее поехала домой. Дядя Иштван позаботился обо всем, даже о баранине на гуляш. Рашовы принесли казан. Захватили с собой дрова и одеяла, потому что ночи были прохладные. Аннушка пригласила братьев Боротовых, Степана, Мартына и Сусанку Ключ. Она бы всю молодежь взяла с собой, если бы можно было. Во вторник после обеда плот отчалил, и собравшиеся на нем запели веселую песню. Они обещали дяде Уличному как плату за проезд петь тренчинские песни, и вскоре на Ваге зазвучали народные песни, одна за другой: «Знал бы я, где смертушка моя...», «Сердцу милая моя...», «Солнце село за малиновым кустом...», «Нива зеленеет, скоро уж созреет, но жницы моей нет...»

По желанию пастора Уличный стал рассказывать о пережитом, особенно о том, как он в тропических джунглях заводил ферму. Он описал жизнь за океаном; воспоминания, одушевленные живой фантазией, помогли ему повести своих слушателей по стойбищам индейцев. Спутники вскоре заметили, что перед ними был словак, который основательно воспользовался американской свободой и возможностями образования. Он признался, что свой крестьянский костюм унаследовал от отца и что он

его надел, потому что хотел здесь ощутить себя настоящим словаком. С тех пор как Иштван стал носить этот костюм, он действительно почувствовал, что вернулся на родину.

Вскоре был готов ужин. За ужином состоялась очень интересная беседа. После ужина на плоту зазвучали прекрасные духовные песни, и вся обстановка чем-то напоминала Геннисаретское озеро: может быть, пышной зеленью и цветами, чарующими взоры; может быть, мирным, как во времена апостолов, ландшафтом...

Пастор сидел на складном стуле с Библией на коленях; остальные сидели, лежали или стояли вокруг него. Ваг тихо шумел под легкими ударами весел, которыми Илья Ужеров и Мартын Ключ держали плот в верном направлении. На долину Вага опускались сумерки, на небе засияла вечерняя звезда. Исчезла нежно-розовая заря, и вдруг из-за горы появилась полная луна, заливая всю землю серебряным светом.

Прочитав соответствующий текст, пастор Моргач стал говорить о третьем явлении Сына Божьего своим ученикам. Он описывал красоту Геннисаретского озера, ночь, проведенную рыбаками в бесплодных усилиях, рассказывал о Христе, Который наблюдал за Своими учениками, хотя они Его не узнавали; слушатели представили себе, как Он на берегу развел

огонь, чтобы приготовить пищу для усталых рыбаков, и как они потом, после богатого улова, пировали, а Он, глядя на них, радовался, что дал им наглядный урок о Слове: «*Се, Я с вами во все дни*»¹. «И с нами Он также будет, — закончил пастор, — ибо *“Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же”*»². Он нас не оставит. Он с нами в труде, в борьбе и в страданиях, в радости и в скорби, а также в долине смертной тени, во всякое время».

Молодой пастор, никогда еще не использовавший в своих проповедях ни единого стихика, стал прямо-таки поэтом. И неудивительно! Все вокруг него было исполнено чудесной, святой поэзии. Михаил Ужеров не мог оторвать глаз от своих друзей. Он вспомнил слова своего брата о пасторе: «То, что он сегодня имеет, ему дали не ваши профессора». Верно сказал Илья: эту веру, эту уверенность в том, что Иисус Христос действительно воскрес и что Он, хотя и невидимый, живет со Своими последователями, профессора дать не могли. После молитвы в наступившей тишине девушки с Доррой начали петь, и душа студента поднялась ввысь, к Его и к нашему Отцу.

¹ Мф. 28:20.

² Евр. 13:8.

*Я знаю, жив Воскресший чудно,
К Его ногам враги падут.
Я знаю, жизнь дает Он людям,
В Его руке и власть и суд.*

Песня звучала сначала тихо, а потом со всей силой истины, несясь над Вагом и ввысь, к горам.

По просьбе Ужеровых Янковский через некоторое время в свободной беседе рассказал о своей последней Пасхе в России и последовавшем за ней духовном пробуждении. Он говорил в свойственной ему захватывающей манере так, что слушавшие его, как дети, едва могли дожидаться конца истории.

— Как мы отстали от этих русских! — вздохнул учитель Галь.

— Ведь мы еще духовные дети, — утешал пастор, — а они были уже отцами и молодыми людьми во Христе!

— Господь и нас не оставит, — добавил Янковский.

Между тем опускалась ночь; мужчины стали готовить ночлег для себя и натягивать палатку для женщин. Учитывая недавнюю болезнь пастора, Янковский укрыл его своей теплой русской шубой. Для себя он, чтобы успокоить Аннушку, взял с собой еще один полушубок. Че-

рез час на плоту все выглядело иначе. Теперь это был освещенный луной и отсветом огня лагерь, в котором все спали, кроме сменявших друг друга сплавщиков. В палатке за занавесом спали женщины и девушки. Они, как и мужчины снаружи, накрыли свою сенную подстилку простынями и укрылись теплыми одеялами, так как ночи были еще холодными. Но утром, когда Рашова разливала по кружкам горячее молоко, никто не жаловался на плохой сон.

Аннушка проснулась раньше своих подруг. Ей подумалось, что пути Господни в самом деле неисповедимы: она, дочь Марийки, теперь плыла по Вагу, как когда-то однажды ее мать. Ей захотелось посмотреть на звезды, поэтому она быстро поднялась, оделась потеплее и вышла из палатки. Некоторое время она оглядывала освещенную луной и огнем сказочную картину. Кроме двух гребцов, облокотившихся на свои весла, все спали. Лишь у огня на стуле сидел, задумчиво глядя на пламя, Иштван Уличный. Аннушке хотелось узнать, спит ли ее отец, но она не решилась ходить между спящими мужчинами, так как не знала, где он лежит. Тут она вспомнила, что человек, сидящий у огня, был лучшим другом ее матери: Иштван прожил рядом с ней все детство и молодость, и от него она, конечно, могла бы узнать многое, чего ни-



кто другой не мог ей рассказать. Девушка тихо подошла ко второму складному стульчику, на котором раньше, наверное, кто-то сидел. Мужчина очнулся от своих раздумий, когда девичья рука осторожно коснулась его.

— Аннушка, ты не спишь?

— Я уже выспалась, дядя Иштван. Если вы не хотите спать, может быть, расскажете мне немного о моей маме? Моя приемная мать ничего мне не говорила и уже никогда не скажет, а отца я просить об этом не могу.

Девушка печально опустила голову.

Уличный ее нежно погладил.

— Не горюй! Я охотно расскажу тебе о Марийке, потому что с тех пор, как я здесь, я днем и ночью думаю о ней.

— Наверное, вы и теперь вспомнили о том, первом, и последнем, путешествии с нею?

— Верно, я все это как будто снова увидел перед собой, но узнал и еще многое другое:

Матьяс разрешил мне списать ее письмо. У меня оно здесь, с собой, и из него видно, что она ушла к Спасителю; я рад, что свое обещание тоже сдержал, хотя и не так, как она того хотела. Лишь здесь, послушав в воскресенье и в понедельник проповедь пастора, а сегодня — рассказ твоего отца о тех русских, я понял, что я далеко еще не христианин, а лишь европейский номинальный христианин, как это называется в Америке. Дитя мое, принадлежишь ли ты Христу?

— Да, дядя!

— Я это сразу увидел и почувствовал.

— Вы разве не читали Новый Завет, как вы обещали матушке?

— Читал. В Америке я тоже был членом словацкой общины; но так как я с детства вел себя прилично и всегда старался оставаться в мире незапятнанным, мне для покаяния не доставало признания моей вины, которое было у тех русских и у Марийки. Когда я в ее письме в третий раз прочитал описание ее возрождения, я наконец осознал, что я грешный человек, и с тех пор я это понимаю все больше. Однако ты хочешь узнать что-нибудь из нашего детства; так я тебе расскажу.

Постепенно догорал огонь, луна скрылась за горами, звезды угасли на небосклоне, и вот

уже начала заниматься утренняя заря, предвестник нового дня. Мужчина и молодая девушка этого не замечали. Он всей душой окунулся в чудные воспоминания, а Аннушка жадно внимала ему. Иштван открыл перед ней дверь зачарованного царства и не догадывался, что срывал волшебный занавес, который скрывал от нее этот мир.

— Я любил ее больше самого себя и не знал, что она предназначена не для меня, — закончил он печально. — Затем пришел молодой красавец и завладел ее сердцем. Для меня она осталась лишь любимой сестрой, ему же подарила свою любовь. С горькой радостью я увидел ее в венце невесты, и я же был дружкой на их свадьбе. Мне Скале, конечно, не отдали бы ее. Во-первых, я был только на год старше ее, во-вторых, считался бедняком. На Янковского я не обижался, потому что Марийка его очень любила. Лишь когда мы ее в тот раз нашли у Вага и в таком ужасном состоянии привезли домой, я был в отчаянии, так как тогда душа моя застонала от боли. Хорошо, что я сегодня все знаю о происшедшем, так что могу твоего отца уважать и жалеть. Какая ему польза была оттого, что он произошел из богатой семьи, когда собственная мать причинила ему такое

горе? Моя семья была бедной, но доброй, царство небесное моим родителям. Приехав с такой скорбью в Америку, я должен был в чем-то найти утешение. Погоня за долларом меня не прельщала. Но так как в пути, а потом и там, за океаном, мне глупому неопытному словаку довелось много страдать, я предпочитал сначала несложную работу за небольшую плату, но искал ее там, где было много людей, чтобы поскорее научиться говорить по-английски. Как только я овладел языком, передо мной открылся весь мир. Там есть вечерние школы, и я учился, так как дома в школьные годы достиг немногого. Американцы презирали переселенцев, особенно словаков, считали их пьяницами, невеждами и невежами; поэтому я решил жить так, чтобы они увидели хотя бы одного приличного словака. Я стал искать единомышленников и нашел ту общину верующих, о которой уже упоминал, и, как порядочного, приличного человека, любящего Слово Божье, меня скоро приняли в ее члены. Таким образом, я остановился на половине пути.

— Но вы ведь не хотите оставаться на полпути? — озабоченно перебила его Аннушка.

— Нет, дитя мое, не хочу. Но мы с тобой заговорились, смотри, остальные просыпаются, наступает день.



«Если Иштван Уличный на полпути, то где же я? — подумал студент, лежавший у костра, но притворившийся спящим, чтобы спокойно смотреть на освещенные огнем лица и слушать их разговор. — Европейский номинальный христианин? Оригинальное выражение! Иными словами, не имеющий Христа! Он на полпути остановиться не хочет. А я?! Если меня сравнить с ними, особенно с Моргачом, то я вообще еще на этот путь не ступил. Зачем я тогда изучаю богословие? Да и богословие ли то, чем мы забиваем свои головы? Божья наука? Да мы едва ли отличаемся от буддистских и конфуцианских студентов. Они учатся, чтобы остаться в высшей касте, и мы тоже. «Дайте спасти себя Христом, — сказал мне Моргач вчера, — ибо, став пастором, первой вашей обязанностью будет спасение душ». Такие мысли занимали парня.

Между тем Уличный сменил Мартына, а дядя Марк взял весло из рук Степана Ужерова, который недавно сменил Илью. «Вы ночью долго гребли, — сказал он, — отдохните». И теперь Степан, скрестив руки на груди, стоял на другом конце плота, предавшись размышлениям, которые были прерваны проснувшимися спутниками. Вдруг кто-то сказал:

— Доброе утро, Степан!

— Ах, Аннушка! — он радостно протянул девушке обе руки.

— Хорошая была ночь, не так ли?

— Чудная. Мне и весла отдавать не хотелось. Всплески воды у моих ног наполняли мое сердце радостью, особенно потому, что ты, Аннушка, спала там в палатке; и мне показалось, что я помогаю волнам Вага нести тебя на родину. Всю жизнь я бы тебя так носил! А потом у меня появились такие хорошие святые мысли о том, что Господь здесь, с нами, и меня окрылило сознание, что я везу Его, как когда-то Иоанн или Андрей на озере Тивериадском. Жизнь с Ним чудесна! Когда меня сменили, я лег у ног твоего отца, и мне приснился дивный сон.

Степан умолк.

— Ты мне его не хочешь рассказать? — проникновенно попросила девушка.

— Если бы я не был таким бедным, я бы тебе его сейчас рассказал. Но у того сна не было конца...

— Ты беден? Веришь, что Иисус Христос с нами, что ты Его везешь с нами, и говоришь о бедности?

— Верно, — ответил он, смешавшись. — Но посмотри, Аннушка, как быстро ночь уходит и

наступает новый день! Ты уже выучила песню, которую нам прислал господин Х.?

— Да, конечно!

— Я тоже. Давай споем ее, она так кстати сейчас! Остальные охотно послушают и скажут свое «Аминь». Отойдем немного от края, чтобы ты не потеряла равновесия, если плот вдруг повернет.

Парень крепко взял девушку за руку, и над Вагом зазвучали молодые голоса:

*Утром, когда встает рассвет,
Боже, Тебе пою
За благодать Твою ко мне
И за любовь Твою.*

Припев:
*Славу Тебе пою
За благодать и любовь Твою,
Силы дай мне всегда
Прославлять Тебя.*

*В радости дай воспеть Тебе,
В скорби — не унывать
И о Твоей святой любви
Людям всем рассказать.*

*В жизни моей Тебя хвалить —
Пусть будет цель моя.*

*Чтоб чудеса Ты мог творить
В сердце моем всегда.*

*Когда приходит день к концу,
Звезды с небес блестят,
К Богу с молитвой прихожу,
Чтобы опять сказать:*

Припев:
*Милости полон Ты,
Милости и любви!
И хочу я всегда
Прославлять Тебя.*

Месяц скрылся за горами. Словно невидимая рука раздвинула облака, и в просвете засияла алая заря. Где-то в долине зазвонили колокола. Звезды погасли, лишь утренняя звезда ждала восхода солнца. Клубившийся в горах туман уходил в ущелья. В святой тишине все ждало начала нового дня. На плоту люди молча слушали новую песню.

— Брат Янковский, помолитесь с нами! — попросил пастор. И была вознесена к Господу такая молитва, что душа Иштвана Уличного обрела мир с Богом. Господь постучался также в двери сердца и Михаила Ужерова.

Еще долго эти люди вспоминали потом, как они плыли к мельнице Аннушки. Домой они

ехали поездом. Уличного с ними не было, так как он решил остаться в своей родной Словакии и ему предстояло много дел в связи с этим. Ему нужно было также прикупить еще крестьянской одежды: уж очень неловко было ему среди своих односельчан щеголять в американских костюмах. Дома всех путешественников ждала работа, а Степана Ужеров — неожиданное письмо. Прочел он его лишь вечером, когда остался один. Бывший его хозяин писал ему, что Ида зимой вышла замуж, сделав блестящий выбор, так что не зря она побывала в Словакии. В Тренчин-Теплице Ида познакомилась с одним отдыхающим, который с ними потом уехал обратно в Прагу. Это господин М., сын богатого крестьянина, он имеет юридическое образование и старается получить мандат депутата. «Наш Отто — счастливчик, — писал господин Найберт, — он цели своей обязательно добьется, и наша Ида со временем еще станет женой сенатора. Я знаю, что мы этим и Вам обязаны, дорогой господин Ужеров, так как Вы нашу дочку вразумили. Она была слишком увлечена Вами и потом очень злилась на Вас за холодный прием в Вашем доме. Теперь она сама рада, что именно так все получилось. Как бы она там с Вами жила, и что бы Вы с ней делали в деревне?! Даже если бы Вы устроились

на службу, она была бы для Вас неподходящей парой. Вам нужна жена, понимающая толк в хозяйстве, птице и кухне, женщина с которой Вы могли бы вместе вести хозяйство. Для доказательства своей дружбы я порекомендовал Вас на должность машиниста. У Вас будет хорошее жалованье, бесплатная квартира с садиком, недалеко от Праги, в К. Поступить на службу можете сразу после Пасхи. Даю Вам два дня на раздумье. Жена моя передает Вам сердечный привет. Ида со своим мужем в свадебном путешествии».

Примерно такого содержания было письмо, которое Степан Ужеров читал с опущенной головой. Жалел ли он о неудавшейся блестящей партии? Нет, он не жалел, а радовался, что Ида нашла то, что ей нужно было, и мысленно желал ей счастья. Задумался он над предложением ее отца. Стать самостоятельным машинистом было его юношеской мечтой. Его согревала также мысль о хорошей оплате и о бесплатном жилье. В таком случае он мог бы и жениться. Но на всем белом свете была лишь одна, которую он хотел бы ввести в свой дом, но не из-за кухни или птицы, как писал господин Найберт, — та, которую он видел во сне в венце невесты входившей в дом Ужеровых. Но она — дочь состоятельного Янковского и наследница

Скале, а он? Различие между ними было таким же, как между ним и Идой. Хотя у него и было ремесло в руках и он мог зарабатывать на жизнь, были женихи и побогаче его! Если же согласиться на предложенное ему место и принять во внимание, что и его крестьянское хозяйство будет давать доход, равный его годовому заработку, то он, наверное, мог бы добиваться ее руки! Парень уже не в состоянии был ни помолиться, ни почитать Слово Божье; он словно был оглушен и с нетерпением ждал утра. Сразу же за завтраком Степан прочитал письмо своим родным и пояснил им все выгоды предложения г. Найберта. Они удивлялись письму и радовались за парня; только бабушка похвалила, что ему дали два дня на раздумье, потому что такой шаг нельзя делать опрометчиво. Михаил радовался, что Степан не «омужичится» в деревне. Он предложил никому ничего не говорить, пока Степан не придет к определенному решению. Доры уже не было в комнате, когда он это сказал. Она ушла за водой, у колодца встретилась с Аннушкой и тотчас же сообщила ей эту важную новость.

— Степан уедет? Он уже не будет жить дома?

Сердце девушки так странно защемило! К тому же день сегодня выдался такой пасмур-



ный, что Аннушке вспомнилась песня:

*Где же красно солнце скрылось,
Что вчера светило мне?*

Задумавшись, она поднялась вверх до самого колодца. Почему-то ей казалось, что она не переживет, если Степан уедет навсегда. Если это дело было от Господа, если Он звал его туда, ей следовало бы только радоваться, что он получил такое хорошее место. Недавно отец ее сказал: «Не всегда мы все будем вместе. Божья земля везде; повсюду ждут нас души, которых нам нужно искать, чтобы принести им свет. Каждому из детей Своих Бог определил место, где мы словом и жизнью своим должны светить, чтобы помочь людям выйти из царства тьмы». Если место Степана там, в городе, если ему там определено спасать души, разве она может ему в этом помешать? Но им вместе больше уже никогда не кататься на плоту? И кто знает, какая там местность? Вряд ли там так хорошо, как здесь. Ему там, среди чужих людей, наверное, будет тоскливо. Как он может оставить свою добрую дружную семью?! Хоть бы кто-нибудь с ним туда пошел! Но у него нет ни матери, ни сест-

ры, как и у нее! Однако у нее ведь есть отец, ее родная душа... Девушка опустила сложенные руки на колени. Ах, почему она вместе с Уже-ровыми не может радоваться этому известию? Почему ей даже плакать захотелось? Нет, плакать она не станет; надо скорее идти домой, там у нее сегодня столько работы! Она уже собралась подняться со скалы, как ее окликнули:

— Аннушка! Я все-таки тебя нашел! Как хорошо! — воскликнул Степан, светившийся от радости!

Как бы ей хотелось радоваться вместе с ним! Она уступила ему место на скамье, рядом с собою.

— Как я рад, что мы здесь встретились, — начал он, задержав ее руку в своей. — Я должен принять решение в одном важном деле, но не могу этого сделать, не спросив тебя кое о чем.

Она приветливо улыбалась.

— Когда мой приемный отец спросил меня в прошлом году, люблю ли я Иду, я мог лишь сказать, что она мне нравится. Тогда я еще не знал, что такое любить. Это значит день и ночь тос-



ковать по одной-единственной, думать о ней и быть счастливым там, где она. Сегодня я это уже знаю, потому что я, Аннушка, тебя так люблю!

Она по-детски удивленно открыла глаза:

— Ты меня любишь? И ты так счастлив, не смотря на то что мы должны расстаться и, может быть, никогда больше не увидимся?

— А ты думаешь, Аннушка, что я ушел бы без тебя? Теперь я могу тебе сказать, что мне там, на плоту, приснилось: я видел невесту в венце, входившую в наш двор. И это была ты, Аннушка! Когда я протянул к тебе руки, то, к сожалению, проснулся. Я бы никогда не посмел к тебе посвататься, если бы не знал, что смогу обеспечить нам безбедную жизнь — ведь ты сегодня самая богатая невеста в Зоровце! А так я могу пойти к твоему отцу и, если ты разрешишь, попросить твоей руки. Скажи, Аннушка, ты любишь меня? Ты пойдешь со мной? Позволишь ли ты, чтобы эти руки понесли тебя по жизни, как там на плоту, когда они держали весла, помогая волнам нести тебя?

В двух молодых сердцах расцвела любовь. Аннушка поняла теперь, почему она не могла радоваться отъезду Степана. И все же, когда Степан с мольбой протянул ей обе руки, она не сразу подала свою руку, ибо... «Отец!» — про-

звучало вдруг в ее сердце, и Аннушка вспомнила, как написала ему мать: «Она тебя утешит!» Могла ли она дать Степану руку, уйти с ним далеко и оставить отца одного? Как она потом посмотрит в глаза матери, когда встретит ее там, у Господа? Но как ей удержаться, когда глаза любимого так смотрят на нее? Как его отпустить одного?

— Почему ты молчишь, Аннушка? — воскликнул Степан испуганно. — Разве ты меня не любишь?

— Я тебя очень люблю, Степа. Я пошла бы с тобой на край света, но не могу.

— Ты не можешь? Почему же? — добивался он, ликуя и одновременно страшась отказа.

— Мой отец так долго был один. Его родная мать причинила ему столько зла! И матушка моя, того не желая, принесла ему много печали. Когда она умирала, то мне завещала утешить его. Хотя не так уж много времени мы с ним вместе, но он сильно привязался ко мне. К тому же он нездоров. Мне постоянно нужно смотреть за ним и отвлекать его от тяжелых мыслей, иначе его измученное сердце не вынесет страданий. Как бы он жил, если бы я ушла и оставила его одного? Он нас обоих любит — меня и тебя. Я тоже тебя очень люблю и не знаю, как мне жить, если ты уйдешь. Но и

уйти с тобой я не могу, потому что я день и ночь буду думать о том, как одинок мой отец. И что об этом скажет моя мать там, на небе? Как ты думаешь, Степа, могу ли я от него уйти? — спросила его Аннушка.

Опустив голову, Степан молчал. Затем он ответил печально:

— Плохим я был бы христианином, если бы увел тебя от твоего отца! Я тебе верю, Аннушка, и, если Господь нас утешит, Он нам и силу даст вынести это испытание. Повтори мне только еще раз: действительно ли ты меня любишь так, как я тебя люблю? Будешь ли ты думать обо мне и тогда, когда мы друг от друга будем далеко?

— Да, Степа, я тебя сильно люблю, и день и ночь буду помнить о тебе. Только Иисус Христос должен мне помочь привыкнуть жить в Зоровце без тебя!

В домах зоровчан давно погасли огни, у одного лишь Степана Ужерова горела лампа. Молодой человек сидел за начатым письмом и не мог его закончить. Ему казалось, что этим письмом он пишет свой собственный приговор, которым он самого себя выселяет из своей родной деревни. Но вот он вскочил, подбежал к открытому окну и выглянул наружу, чтобы вдохнуть свежего воздуха и охладиться. Вдруг

он увидел полоску света из окна бабушки Симоновой.

— Не спит она, слава Богу! Пойду к ней, попрошу у нее совета, и, может быть, она поможет вместе со мною.

Немного погодя он постучался в освещенное окно, и оно открылось.

— Кто там?

— Это я, бабушка. Откройте мне, пожалуйста, если вы еще не легли в постель!

— Это ты, Степа? Входи, сынок, я еще не легла!

Через минуту Степан сидел в комнате у стола, выкладывая старушке все, что у него было на сердце. Он прочитал ей полученное письмо, сообщил, как он и вся его семья радовались этому известию, и с огорчением сказал, что он теперь не может принять предложенное ему место.

— Не могу я отсюда уехать, бабушка, — закончил он печально, — потому что Аннушка не хочет идти со мной.

— Да и не нужно тебе уходить, сынок! Разве ты не зарабатываешь себе на жизнь?

— Но, бабушка, так я никогда не смогу просить руки Аннушки. Я знаю, что она сегодня не смогла бы оставить своего отца; но и в дальнейшем она всегда будет богаче меня, и это разделяет нас.

— Не говори так, сын мой! Ремесло твое имеет золотое дно. За то, что Аннушка не хочет оставить отца даже ради тебя, Отец Небесный вознаградит ее. Без нее Янковский долго не прожил бы. Еще вчера он мне сказал, что не в силах переносить ни большой радости, ни большой скорби. Он все чаще думает о том, что Господь его однажды вдруг отзовет с этой земли. Аннушку Господь ему дал, чтобы Матьяс еще немного пожил; она для него успокоение и утешение. Однако, Степа, этот человек — бессребреник, ближнего своего он оценивает не по его кошельку, и так же он отнесся бы и к тебе как к зятю. Захочет ли он тебя взять, если станешь машинистом в пивоварне и всю свою жизнь заниматься тем, что только будешь помогать портить зерно — дар Божий, которого бедняку часто на хлеб не хватает, — этого я не знаю. Ты непьющий, сынок, и если пиво и не спирт, то оно все же опасный напиток. От него люди жиреют, но силы оно им не дает!

— Ах, бабушка! — воскликнул парень, вскочив. — Больше можете мне ничего не говорить. Об этом я и не подумал. Всю жизнь варить пиво, чтобы люди толстели, как бочки? Я знаю, что пиво очень вредно. Кто его хочет пить, пусть сам его и варит! Для меня это дело решенное. Я эту должность принять не могу, зна-

чит, мне и из Зоровце уезжать не надо! Помолитесь со мной, бабушка! Я вам так благодарен, но мне хотелось бы еще и Господа поблагодарить за то, что Он мне ясно показал Свою волю в этом деле.

На другое утро уезжал Михаил Ужеров. Рашов должен был отвезти его на станцию и привезти Иштвана Уличного. За завтраком Степан ошеломил своих родных сообщением, что он предложенную г. Найбертом должность не принимает. Никто не возражал ему, не уговаривал принять то или иное решение. Прошлой ночью они над этим раздумывали, и как камень легло на их сердца, что Степан навсегда должен уйти из дома, если переедет туда. Обрадованный любовью родных, он объяснил им, что бабушка Симонова указала ему на греховность его будущего занятия и это дало ему уверенность в том, что предложение господина Найберта не было волей Божьей. Ужеровы были очень благодарны бабушке Симоновой.

— Подожди, Степа, я тебе испеку хорошую булку хлеба из муки, смолотой нам на Аннушкиной мельнице! В награду за то, что ты не будешь варить это зелье! Когда мы в тот раз были в Тренчине на ярмарке, Илья мне тоже заказал кружку пива. Мне хотелось пить, и, поверите

или нет, я от него так захмелела, что едва на ногах стояла, — сказал Дора.

Итак, Степан Ужеров написал господину Найберту письмо с отказом, сел на велосипед и сам отвез его на почту, чтобы оно нигде не потерялось. Когда вечером собралась вся его большая семья, он вновь заговорил о письме, добавив, что должность машиниста хотел принять лишь потому, что любит Аннушку. Ему очень хотелось получить хороший заработок, чтобы обеспечить будущую семью. Сама же по себе должность эта его нисколько не привлекает, тем более что Аннушка не захотела с ним ехать. Он готов был скорее дома есть сухой хлеб, лишь бы видеть любимую, чем есть пироги на чужбине, но — без нее. Кроме того, бабушка Симонова права: чем больше он размышлял, тем противнее ему становилось от мысли, что он всю свою жизнь должен работать лишь для того, чтобы люди напивались пива и вредили своему здоровью.

Его сообщение в семье приняли по-разному. Мартын Ужеров, улыбаясь, сказал: «Вы оба еще молоды, куда вам торопиться?» А о чем он еще подумал, лукаво подмигнув, о том вслух не было сказано. Илья добавил, что с самого начала хотел, чтобы Аннушка стала женой Степана. Бабушка благословила Аннушку за то, что не

хочет оставить своего отца, считая, что он этого не пережил бы. А Дора была просто счастлива. Ничего, что свадьба будет еще нескоро; она верила, что эти двое все же поженятся. Тетя Сусанна, внимательно выслушав мнение всех, лишь заметила: «Слава Богу, сынок, что ты отказался. Оставайся дома и не выдумывай всякие глупости. Нет ничего лучше сельского хозяйства, его Сам Бог завел». Бабушка уговаривала Илью и Дору помолчать о письме, чтобы люди не прослышали об этом деле прежде, чем узнает о нем Янковский.

Потом Степан пошел налить воды в корыта для скота, и при этом исполнилось тайное желание его сердца. У колодца он встретил Аннушку. Она как раз хотела позвать на помощь дядю Звару. Это не понадобилось, потому что Степан наполнил сначала корыта и емкости Янковских, а потом — Ужеровых. Парень и девушка были оба смущены и не знали, как начать разговор. Она опасалась, что огорчила его, и боялась, что он сейчас скажет ей, когда собирается уезжать. Он же рад был, что остается, что каждый день будет видеть ее и что никакие расстояния их не разлучат. Как он мог бы жить там без нее и зачем?!

— Ты знаешь, Аннушка, где я был до обеда?

— Наверное, ты отнес на почту письмо? — голос ее немного дрожал.

— Да, конечно! — возликовал он. Она же удивленно на него посмотрела. — Я никуда не уеду, Аннушка, я отказался.

— Не поедешь? А что сказали твои родные?

— Они все обрадовались моему решению.

Он рассказал ей, как бабушка Симонова высказала неожиданное суждение о его новой должности и в каком свете он теперь эту должность видит. Она оторопела.

— Бабушка права. Этого ты не мог допустить! Как мы сразу не подумали об этом! Значит, ты останешься дома, и мы не расстанемся?

— Нет, Аннушка! — невыразимое счастье наполнило сердце молодого человека, так как нежные слова девушки говорили о ее любви к нему. Невольно она выдала свою печаль о нем.

— Мы будем видеться каждый день. Я смогу помогать тебе и твоему отцу и буду знать, что ты меня любишь. А ты действительно пришла бы к нам, если бы не твои обязанности дочери и детская любовь к отцу?

— К вам? Конечно; но нам ведь и так хорошо! Мы оба молоды, и мне еще многому надо научиться.

Разговор прервался, так как животные, спешившие с обеих сторон к корытам с водой, по-

требовали вмешательства людей. Но в сердцах девушки и парня кончилась зима и зазвенела сладостная мелодия счастья.

Между собой Ужеровы часто говорили об этом молодом счастье, оберегая его от чужих глаз. Все они встречали Аннушку Янковскую радужнее прежнего, хотя и так эти два дома связывала крепкая дружба. Аннушка и Степан беспрепятственно могли встречаться каждый день. Лишь Сусанна ходила иногда задумчивой, словно она не совсем была довольна происходящим.

Наступило воскресенье. Община пришла к убеждению, что зерно принесет больше пользы, если его посеять, а не держать в амбаре.

— Все мы, возрожденные Господом и Его Святым Духом через Слово Его, являемся детьми Божьими и призваны сотрудничать с Ним, — сказал пастор. — У всех нас есть дары и таланты, которые мы должны употребить, чтобы вся наша община пробудилась к жизни. Пусть женщины и девушки вдвоем или втроем идут к людям, чтобы пением будить спящие души и проводить с детьми занятия в воскресной школе. Молодые мужчины то же самое могут делать в отдаленных местностях. А мужчины постарше могли бы по воскресеньям после



обеда посещать людей, которые из-за усталости или недостатка одежды не приходят в церковь, и читать им Библию. Пожилые женщины пусть навещают больных. Используем послеобеденное время воскресенья таким образом, а вечером потом соберемся у Янковского, чтобы поделиться

опытом и в молитве попросить у Господа благословения на наш труд.

Это предложение было принято, задания распределены, и вот уже три воскресенья были проведены с большой пользой для общины. В нынешнее воскресенье Сусанна Ужерова осталась дома одна. Отец и молодые люди пошли по своим делам, бабушка отправилась к своей больной двоюродной сестре. Сусанна, возвратившись из церкви и управившись со своими делами в доме и во дворе, помолилась. Потом она вышла из дома, положила ключ в условленное место и мимо колодца направилась к соседнему двору. Она знала, что застанет Матьяса дома, так как он должен был проводить с верующими занятия в вечерние часы. Она очень хотела поговорить с ним с глазу на глаз. Он как раз заканчивал письмо господину X.

— Это ты, Сусанна? Что тебя привело ко мне? — радушно приветствовал ее Матьяс.

— Ах, просто немножко поговорить с тобой хочется, Матьяс. Я тебе не помешаю?

— Ну что ты такое говоришь, я рад, что ты пришла.

— Может быть, тебе еще надо готовиться к собранию?

— Господь мне уже открыл, о чем говорить, и письмо к брату Х. у меня тоже готово.

— Это хорошо! Не знаю, надолго ли я задержу тебя своим разговором, но нужда в нем большая. Мне нелегко сегодня было прийти к тебе, Матьяс, но я подумала, что с Богом осмеюсь на этот шаг.

— А почему тебе нелегко было прийти ко мне? — удивился он. — Ведь между нами никогда ничего плохого не было. С самого детства ты мне была доброй сестрой.

— Это верно, и все же я тебе когда-то сослужила плохую службу, рассказав правду о жизни твоей жены в вашем доме. Если бы мы тогда промолчали, Марийке не пришлось бы столько страдать от твоей матери. Но это дело прошлое, и его не по-



правишь. Часто я вспоминаю слова из ее письма о том, что счастлива она была лишь в те несколько недель, когда вы одни были дома. Ты много страдал, Матьяс, в основном потому, что люди от тебя скрывали правду. И сегодня близкие тебе люди из любви хотят скрыть от тебя истину; а жизнь человеческая — как трава. Отодвинутое счастье нередко имеет крылья. Я долго не знала, правильно ли поступлю, если вмешаюсь в это дело и скажу тебе истину. Я ночью немало молилась об этом, но не знаю, как быть, все мне что-то говорит: «Сусанна, не молчи!»

— Иисус Христос Сам Себя называет истинной, — прервал ее Янковский. — Отец лжи вряд ли вынуждал бы тебя говорить правду. А я ее люблю, какой бы болезненной она ни была!

— Боли она тебе не причинит, Матьяс, это я знаю!

Бывшая его подруга детства и юности начала рассказывать ему, какое место предложили Степану, почему это его сначала так обрадовало.

— Он сильно любит твою Аннушку, так, как ты любил свою Марийку. Но твоя дочь — самая богатая невеста в Зоровце, а Степан — ты же знаешь наше состояние — он от него получил лишь четвертую часть. Степан не хочет, чтобы

люди подумали, что он охотится за богатой невестой; поэтому он не решается попросить у тебя руки Аннушки. Когда ему предложили выгодное место в пригороде Праги, он посчитал, что ему нужно имение, которое приносило бы столько прибыли, сколько он там получал бы жалованья. Но прежде чем дать ответ на это заманчивое предложение, которое дало бы ему высокий заработок, он объяснился с Аннушкой. Хотя она ему и призналась, что также любит его, но тотчас добавила, да благословит ее за это Бог, что не может оставить тебя: ведь ее мать препоручила тебя ей. По мнению твоей дочери, она еще так мало сделала тебе добра, что и думать о разлуке с тобою не хочет. Убитый горем, Степан пошел к бабушке Симоновой, открылся ей, и она эту предложенную ему должность показала с истинной стороны. Она с ним помолилась, и он решил отказаться от этого места. Оно для него и ценность потеряло, так как он туда должен был отправиться один. Степан заявил нам, что лучше дома будет есть сухой хлеб и видеть Аннушку, чем на чужбине без нее есть пироги. Итак, наши дети решили оставаться в дальнейшем лишь добрыми соседями, чтобы не огорчить тебя. Однажды я принесла тебе плохую весть, а сегодня — луч-

шую — об истинной любви. Ну, что ты, Матьяс, на это скажешь? Плохо или хорошо я поступила, что открыла тебе все это?

Сусанна протянула через стол руку, и Янковский взял и крепко пожал ее. Они доверительно посмотрели друг другу в глаза, как родные брат и сестра.

— Сердечно благодарю тебя, Сусанна, ты сделала благое дело. Боюсь, что я не достоин любви моей дорогой дочери. Ты мне раскрыла истинное положение вещей. Хотя я замечал, что парень Аннушку любит, мне и в голову не приходило, что у него такие серьезные намерения. Но за то, что Степан понял, почему дочь не может меня покинуть, Бог его непременно вознаградит. Однако так это дело оставить нельзя. Хотя Аннушка еще молода, ты верно говоришь: счастье крылато. Зачем им препятствовать, если они созданы друг для друга? Из всего того, что я когда-то обещал Марийке, из всего задуманного для нее счастья я ничего не осуществил! Кто бы мог подумать, что всего лишь только три недели из всей нашей жизни будут принадлежать нам! Однако так и было. А она даже и за это в свой смертный час благодарила Господа! Но я от всего сердца хотел бы нашей дочери дать то, чего Марийка лишена была, и радоваться счастьем молодых. Не следовало бы им

долго ждать свадьбы, так как я чувствую, что жизнь моя уходит, как пар. Я часто с беспокойством задумывался о судьбе моей доченьки: что станет с нею, если вдруг Господь призовет меня, — ведь нас в семье только двое. Внешне ее положение вовсе не плохое, но она так молода и одинока, как лилия в поле, и ей нужен кто-то, кто станет ее опорой в жизни и кто сможет по-настоящему полюбить и осчастливить ее! Теперь, когда ты мне сказала правду, я мог бы успокоиться, зная, кто ее утешит, когда покроет меня земля. Но мне этого недостаточно. Свадьба без родителей — дело печальное. Причина, по которой Степан медлит поговорить со мною о женитьбе на Аннушке, неосновательна. Он хороший механик, и это вместе с отцовским наследством даст ему достаточный доход. Но материальные соображения не должны играть здесь главной роли. Дело обстоит так: Аннушка не хочет меня оставить, а я до моей смерти не мог бы с ней расстаться. Но и это все можно устроить. Мне нужен сын. Если Степан примет меня как отца, вопрос будет решен для всех нас. Аннушке достанется любимый муж, и она останется со мной; мечта Степана тоже осуществится, а я, хоть на короткое время, порадуюсь счастьем моей дочери, чего мне самому в моей семейной жизни не дано было. Наши

две семьи в Зоровце самые старшие. Янковских когда-то было много, теперь они почти все умерли. А ваш род сохранился, он всегда был более сильным. Я знаю, что Степану нелегко войти в нашу семью, хотя меня, как христианина, бояться ему нечего. Моя сестра получила все сполна, и, кроме нее, из наших родственников не осталось никого. Положим все это дело к ногам Господа и попросим, чтобы Он Сам дал нам совет.

Примерно через полчаса Янковский проводил подругу юности до колодца. Там они, приветливо улыбнувшись, расстались. Матьяс дошел до колодца в саду, сел там и глубоко задумался. Сусанна поспешила домой. Она увидела дверь дома открытой — знак того, что мать уже вернулась.

Бабушка Ужерова рассказала, что была у своей двоюродной сестры, которая обрадовалась ее приходу, так как жила одна и они давно не виделись. Гостинец она приняла с детской радостью и сразу же съела. Когда бабушка предложила прочитать ей сегодняшнюю проповедь, сестра с благодарностью прослушала ее. Проповедь была убедительной, она свидетельствовала о том, что написавший ее тоже любил Сына Божьего. В беседе они коснулись изменений, новой жизни, к которой Господь

пробуждал людей в Зоровце. Больная выслушала эту весть с интересом и после молитвы бабушки попросила, чтобы пастор Моргач и ее навестил, если сможет.

— Сегодня вечером я его попрошу, он обязательно придет, — обещала бабушка.

Закончив свой рассказ о двоюродной сестре, бабушка спросила свою дочь, что она в это время делала и где была.

— Я вам все скажу, мама, — ответила Сусанна, — сперва только во дворе управлюсь. А вы пока отдохните.

И, быстро покончив с делами, она ей подробно рассказала о беседе с Янковским.

— Это ты хорошо сделала, дочка, — похвалила ее бабушка. — Когда Мартын вернется, ты и ему скажи об этом. Для нашего мальчика это было бы большим счастьем, потому что они с Матьясом жили бы вместе как отец и сын. Аннушка физически не очень крепкая, но если бы они оба берегли ее, ей со Степаном было бы хорошо, и она для них создала бы рай на земле. Я Степану никогда не советовала бы входить в другую семью, потому что примак не кто иной, как неоплачиваемый работник, пятое колесо в телеге; но у Янковских дело иное. Если бы Степан объединился с соседом, они вместе многое смогли бы.



Вечером, когда собрались у Янковских, бабушка Ужерова еще более убедилась в том, что обе семьи только выиграют от того, что Степан, невзирая на обидное словечко «примак», все-таки войдет в крепкую, дружную семью Аннушки и будет Матьясу вместо сына. Сильный молодой мужчина освободит старого человека от тяжелого физического труда, которого в крестьянской семье всегда с избытком.

Матьяс говорил о чудной отцовской любви Божьей так, что у всех загорелись сердца. Собравшимся было так хорошо, что им не хотелось расходиться, особенно когда самые активные стали рассказывать, где они побывали и как проходили посещения. Некоторых принимали приветливо, других провожали с насмешками и бранью. Лучше всех было тем, которые пошли петь, так как хорошую песню каждый хочет послушать! Поэтому собравшиеся с большим вдохновением спели еще несколько песен, и затем пастор закончил собрание молитвой, в заключение которой все произнесли радостное «Аминь!», так как молитва нашла путь к сердцу каждого. Разошлись все молча, чтобы необязательными разговорами не растерять благословения этого часа.

Последним домой отправился пастор. По дороге его задержали люди, которым не удалось прийти на собрание.

— Наконец-то явился! — с раздражением встретила его мать, заждавшаяся сына. — В конце концов и есть отвыкнешь. Где ты ужинал?

— Я же просил передать тебе, мама, что к ужину не приду, — извинился он, — ты хорошо знаешь, что стакана молока и куска хлеба мне вполне достаточно.

— Хотелось бы знать, до чего это тебя доведет — с утра до вечера работать без передышки. Как ты думаешь, на сколько лет хватит твоих сил? Отец твой тоже не был лентяем, но он знал свои силы и возможности. А ты, Август? К чему ты приучил своих людей? Только что были двое из Порубки и чуть не требовали, чтоб ты моментально явился. Но я им ответила как следует, так что они умолкли и убралась восвояси.

— Они сказали, чего хотели?

— Они пришли пожаловаться на одного из ваших братьев новой веры, который припахал себе чужой земли.

— Жаль, дорогая мама, что ты их отослала. Лучше бы они дождались меня. Может быть, эта жалоба и неосновательна; но если действи-

тельно кто-то из наших так согрешил против совести, то его непременно следует наставить на путь истинный.

— Эти жалобщики не хотели ждать! Я тебе, сынок, еще вчера кое-что хотела сказать, но тебе же с самого утра все некогда; к обеду тоже всегда посторонних приводишь, будто дом пастора — гостиница; а теперь уже 9 часов вечера.

Раздражительный, укоризненный голос матери подействовал на пастора как холодный душ.

— Прошу тебя, расскажи мне, что тебя тревожит, дорогая мама, я хочу, чтобы ты успокоилась!

— Я тебя долго не задержу. С какой-нибудь из ваших «сестер» ты бы до полуночи просидел, выслушивая и успокаивая ее, а для матери нет у тебя времени, это я знаю, — упрекнула она его.

Сын промолчал.

— Вот, возьми, почитай, что мне Аранка пишет.

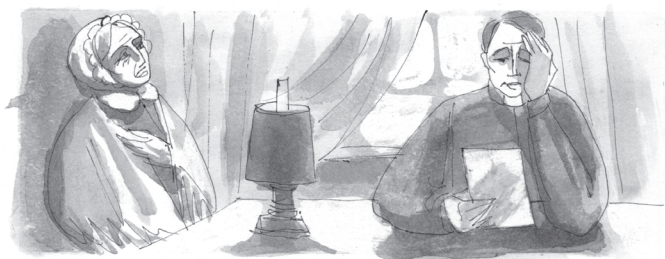
Мать подала сыну довольно объемистый конверт. Он начал читать. Дочь писала матери, что ее муж Игорь унаследовал довольно большое имение своего дяди, оба сына которого погибли на войне. Так как рассмотрение дела затянулось, то он о нем даже жене своей не сооб-

щал, пока все окончательно не решилось. Но после того как Игорь стал законным владельцем усадьбы, семья сразу же туда переехала, потому что в имении оказался хороший господский дом, большой сад, который, правда, немного зарос; конюшня, полная лошадей, и, что очень существенно, вблизи — железная дорога. Дочь нахваливала удобства, которыми она с детьми теперь пользуется, и наконец предложила матери переехать к ней навсегда. Комната будет у нее на первом этаже, и она сможет в любое время выйти в сад; в доме есть и ванная комната. «У меня есть кухарка, прислуга, няня, работники. У тебя будет все, что пожелаешь, — писала она. — Дорогая мама, довольно ты на нас работала! Меня всегда мучило, что пришлось оставить тебя с Августом. А у него, как ты пишешь, только деревенская хижина. В Будапешт я не могла тебя взять, так как наша квартира была слишком мала; а сегодня все иначе. У Августа теперь есть приход, и он там может жениться, а ты, родная моя, переезжай к нам! Оставь ему все, что у тебя есть, — зачем перевозить старый хлам? В доме все удобно устроено. Мы свою мебель тоже продали и на вырученные деньги переехали сюда. Приезжай скорее! Игорь разделяет мое желание, он

тебя любит, ты знаешь. Дети радуются, весь день говорят о тебе. Передай привет Августу. Надеюсь, он понимает, что тебе здесь будет лучше. На ком бы он ни женился, его жена для тебя — чужой человек, а я твоя дочь. Тебе в старости нужны удобства, покой и уход, а этого он тебе дать не сможет. Я хорошо помню, как было в нашем доме. Последний чиновник жил лучше, чем мы. Все среди этих мужиков и баб! Как я рада, что не вышла за пастора Л., когда он меня сватал! Нам с Игорем тоже было нелегко, но это прошло, теперь я, как помещица, могу взять тебя к себе. Что с того, что мы в Венгрии? Ведь мы словаками никогда и не были, и папа тоже. Нам пришлось учиться в мадьярских школах, и мы стали такими, какими нас воспитали. Тебе тоже всегда было безразлично, как говорить: по-мадьярски или по-словацки¹. Главное, чтобы человеку на земле хорошо жилось, чтобы он честно добывал свой хлеб и родителям воздавал за их любовь.

Привет Августу, пусть он поскорее привезет тебя к нам!»

¹ В VIII—IX вв. Словакия входила в империю Габсбургов как поработенная часть Венгрии, поэтому словацкий язык был вне закона, а обучение в школах велось на немецком, чешском и мадьярском языках.



Так закончилось это письмо. Читая его, пастор закрывал им свое лицо, чтобы мать не видела его выражения. Он вложил письмо обратно в конверт и с болью посмотрел на мать тревожным и растерянным взглядом.

— Мама, дорогая, ты хочешь уехать к Аранке?

— Хотела бы, да как я могу оставить тебя прежде, чем, как пишет Аранка, ты не приведешь кого-нибудь, кто о тебе позаботится?

— Ты имеешь в виду, чтобы я женился?

— Разумеется. Прислуга твоя — молодая и неопытная девушка, ты тоже молод, а мир зол. Даже если тебе будут служить твои духовные сестры, ты все равно скоро заметишь, как к худшему изменится твое хозяйство, когда меня не будет. Я, конечно, не отказалась бы от удобств и покоя, главное — от ванны, которой в любое время можно пользоваться! Я всю жизнь много работала, и со всякими людьми

приходилось портить нервы. Когда мы сюда переезжали, ты обещал, что я теперь отдохну. От тяжелого труда ты меня уберегал, это правда; но эта твоя постоянная спешка, с тех пор как ты так изменился, — она изматывает мои силы. Скажу правду: мне, старой женщине, тяжело на склоне лет каждое воскресенье есть вместе с простыми крестьянами и видеть, что сын мой не пользуется никаким авторитетом. Еще немного, и к тебе будут обращаться на «ты» и называть просто по имени! Но что об этом говорить. Мне придется терпеть, пока ты не женишься.

— Это не скоро еще, мама, — возразил сын серьезно. — О женитьбе я еще не думал. Но я раздумывал, куда бы тебя отправить на отдых. Поэтому я приглашение Аранки принимаю, как из руки Божьей. Завтра же поеду в П. или попрошу Степана Ужера сделать все необходимое, чтобы получить паспорт для тебя. Напиши, пожалуйста, Аранке, что недели через две-три она может тебя встречать. Хорошо бы ей или Игорю встретить тебя у границы, чтобы мне самому не понадобился заграничный паспорт. Хорошо также, что Аранке ничего не нужно из твоих вещей, и не потому, что без них мой дом окажется почти пустым, а потому, что я надеюсь, что моя мама ко мне вернется и

будет жить в своем старом доме. Да и тебе легче будет собираться в путь, если решишь поехать налегке!

— Ты, Август, в самом деле думаешь, что мне следует поехать? — спросила она немного погодя. — Похоже, ты нисколько меня не ценишь... Ты думаешь, что и без меня здесь все будет, как прежде?

— Прошу тебя, мама, не говори то, чему сама не веришь! Я знаю, что тебя мне никто не заменит, даже если бы ты весь день лежала в постели и оттуда всем руководила; тем более что весь дом был на тебе и ты заботилась обо всем. Сейчас я не знаю, как все сложится, но впереди еще 14 дней, и до того времени Господь даст нам добрый совет и верные мысли. Если Он позаботился о таком славном местечке для тебя, то и меня не оставит. Но, чтобы ты успокоилась, помолимся теперь. Предадим все в руки Отца Небесного и ляжем спать.

Через полчаса все огни в доме пастора Моргача погасли. Но уснули ли его хозяева? Август спал; он пришел домой усталым, а природа требовала свое. Конечно, у него для забот было много причин, и одна из них — состояние души его матери. Однако он чувствовал, что сам бессилен решить эти задачи, поэтому, как слабое

дитя, отдал все в руки Своего Отца. «Позаботься Ты о нас, Отче!» — вздохнул он засыпая, и глубокий мир вселился в печальное сердце сына, который знал, что мать, любившая его с детства больше всех других своих детей, теперь бежала от него из-за Христа, что он лишился ее любви из-за Него. Он знал, что там, у Аранки, ее земная жизнь будет устроена лучше, чем здесь, у него. Его зять был благородным человеком, Аранка — доброй дочерью, и, безусловно, они по-настоящему позаботятся о матери. Но ему было больно от того, что она бежала от воздействия Духа Божьего! Он боялся, что она полностью погрузится в мирскую жизнь.



В Зоровце люди услышали о том, что мать пастора, которая в последнее время немного сторонилась членов церкви, переезжает к своей дочери, чтобы там подлечиться. Жена церковного сторожа узнала от нее и рассказывала другим, какое счастье привалило ее замужней дочери Аранке: муж ее получил такое большое наследство, а мать пастора теперь будет жить у дочери, как важная дама. До отъезда мать навела в доме полный порядок. Тетушка Сенина, бывшая в молодости прислугой у господ, долж-

на была стать в доме пастора хозяйкой, а толковый работник Иосиф — ее помощником. В доме и в саду работы для обоих было предостаточно. Раньше здесь часто нанимали еще и поденщиков. Циля без матери легко обойдется, а старушке в доме пастора Моргача будет хорошо; и сам молодой хозяин дома будет обихожен и согрет заботой, так как Сенина была порядочной и заботливой женщиной. Мельничиха Ключ высказала предположение, что матери пастора до своего отъезда надо было бы женить сына, так как она уже далеко не молода и неизвестно, вернется ли еще когда-нибудь сюда. Лесничиха, смеясь, сказала, что ей там при нынешнем богатстве может так понравиться, что она и не захочет вернуться сюда, в этот маленький дом.

— Оставь это, — прервал ее Ключ, — если наш пастор задумает жениться, он этот вопрос сам решит и найдет хорошую жену, потому что хорошая жена — дар Господа!

— Ты прав, сын мой, — поддержала его больная мать, — Господь один может дать ему достойную жену.

Однако еще до того, как мать пастора оставила Зоровце и сын проводил ее до границы, произошли события, которые заинтересовали жителей деревни еще больше.

Во-первых, господин Уличный, как его все называли, поселился в Зоровце. Сосед Сенина, Дунайчик, продал ему свой большой старый дом вместе с полями и лесным участком. Дунайчик плохо обрабатывал свои поля (а земли было много) и немало задолжал кредиторам. Ему очень повезло, что нашелся такой покупатель, который все оплатил. Уличный нанял каменщиков, а все братство помогало ему строить новый дом из крепкого материала. Такого в этой деревне еще не бывало. Иштван многому научился в Америке, а Янковский вспомнил то новое и полезное, о чем узнал, находясь в плену в России. Степан Ужеров посоветовал провести водопровод — от тех водоносных скал, из которых в саду Янковского текла вода, — до самого участка Уличного. Новый хозяин имения пригласил специалиста, чтобы определить мощность водных ресурсов. Было установлено, что их хватит на всю деревню, и у Янковских, если от их дома проложить трубы до дома Уличного, воды не убудет. Друг Степана Эдуард Соланский, только что купивший грузовик, охотно согласился перевезти от железной дороги необходимый стройматериал, а крестьяне привезли бревна с лесоповала. Так дело пошло быстрее. В старом доме было четыре окна и

большой подъезд со стороны улицы; во дворе находились разные постройки, так как поместье принадлежало прежде двум братьям с большой семьей. Уличный все снес. Использовались только камни из грунта. Остальной материал, в основном глина, был сложен на строительной площадке.

— Ты мог бы строить дешевле, — посоветовал Рашов, — если бы не так торопился. Жить мог бы пока у Янковских или у нас. После завершения полевых работ мы все могли бы тебе помочь, чтобы меньше платить!

— Вы мне достаточно помогаете, друзья мои, я вашей любви ничем еще не заслужил. Не бойся, с Божьей помощью и благословением мой дом не обойдется дороже твоего. Если Богу угодно, я уже зимой буду жить в нем.

И Бог действительно помогал благословением, здоровьем и особенно хорошей погодой. На этой стройке не слышно было ни ругани, ни крика, так как работа каждый день начиналась со словом Божьим и с молитвой и так же и заканчивалась. Работникам не подавали никаких хмельных напитков, а ели они все у Сениных. В воскресенье утром все ходили в церковь, кто был помоложе, разучивал песни. Кто-нибудь читал им то газеты, то хорошую книгу, и посте-

пенно работники приходили на собрание уже не только ради пения и чувствовали себя там превосходно.

Так как у Уличного не было времени для работы на полях, заботу о них взяли на себя Ужезов и Рашов. Поля были запущены. Незасеянные участки мужчины оставили под паром, чтобы земля отдохнула. Они тщательно обрабатывали фруктовые деревья в надежде на богатый урожай.

Это было одно дело, которое заинтересовало и объединило жителей Зоровце. Было еще и другое, но о нем коротко не расскажешь. Для этого нужно вернуться назад.

Примерно через неделю после разговора пастора с матерью о поездке к сестре Янковский и Степан шли по полям. Только что кончился дождь, и вся природа хвалила своего Создателя. Все вокруг цвело и благоухало. Приближался праздник Вознесения Христа.

— Присядем немного, Степан, — попросил Янковский, прервав беседу, — у меня ноги болят.

Они подошли к тому местечку, где, как помнит Степан, в Страстную пятницу цвело столько фиалок. Вдруг Янковский положил руку на сердце, и лицо его побледнело.

— Что с вами, дядя Матьяс? — спросил Степан озабоченно.

— Видишь, сердце мое опять шалит. Боюсь, что скоро я вообще не смогу работать. А тут еще в субботу немного перетрутился.

— Ах, дядя, зачем вы столько работаете? Мы бы все за вас сделали.

— Верно, но подумай сам, мог бы ты изо дня в день принимать такую помощь от соседей?

Немного смешавшись, парень ответил:

— Если бы я знал, что они меня любят...

Янковский улыбнулся:

— Тогда бы ты еще серьезнее подумал, можешь ли ты пользоваться их бескорыстной любовью. Тяжелую работу я уже сам не делаю и нанимаю людей. Но хозяин в доме всегда находит дело, и, если он не прикован к постели, тогда он забывается и невольно принимается то за одно, то за другое.

— Это верно. Как бы мне вам помочь?

— А ты не знаешь, как мне помочь?

Парень смутился.

— Будь у меня сын, которому я мог бы передать все хозяйство в уверенности, что он позаботится о полях и о скоте, о доме и прежде всего — о людях в нем, то я сам уже не хватался бы за работу, а помогал бы лишь добрым советом... Но у меня нет сына! — последние слова его звучали печально.



Степан покраснел, затем тень скользнула по его лицу, словно он в душе боролся с великаном, и вдруг, выпрямившись, сказал:

— Дядя Матъяс, в этом случае есть лишь один путь и один совет: отдайте мне Аннушку и примите меня как сына! Земного добра у меня нет, это вы знаете. У меня лишь пара здоровых рук и здравый рассудок. Я знаю, что ту, самую дорогую мне на земле, я прокормил бы и без состояния Янковских или Скале. Вы знаете, что я люблю вас, как сын. Если бы я не был беден, я уже давно мог бы стать вашим зятем. Мешало мне только ваше довольно богатое имение.

— А ты уверен, что и Аннушка захочет тебя в мужья? — осведомился Янковский, добродушно улыбаясь.

— Это я точно знаю, — ответил Степан серьезно, затем коротко поведал ему то, что Янковский уже знал от Сусанны Ужеровой, и сказал в заключение: — Я не уверен, отдали бы вы ее за меня, если бы я захотел уехать в предместье Праги, даже если бы Аннушка была согласна.

— Нет, сын мой, туда я ее с тобой не отпустил бы. Она хоть и здорова, но ты же видишь, какая хрупкая и нежная, словно цветок. Я выдам ее замуж только здесь, дома, где мы оба с тобою, я надеюсь, убережем ее от забот и слишком тяжелого труда, чтобы и мы, и другие могли радоваться вашему счастью.

— Значит, вы мне ее отдаете? — возликовал Степан. — Когда же?

— Как только будет возможно, сынок, ведь если ты предлагаешь свою помощь, то мне скоро и в самом деле придется переложить все на твои молодые плечи, а на это решиться нелегко. Мне хорошо понятно, Степан, как тебе непросто было победить свою гордость, чтобы попросить руки Аннушки; но, желая успокоить тебя, говорю, что выше всех земных благ ценю сокровища твоего сердца, доброго и великодушного. Я знаю, что ты не обидишь мое дитя, что вы друг друга будете уважать. Имение ваше будет достаточно большим, и ты ремеслом своим с Божьим благословением можешь его еще увеличить. Да, хочется предупредить тебя еще вот о чем: знай, что в деревне никто ни-



когда не женился без людских пересудов, поэтому не обращайтесь внимания на то, что и вам помогут косточки! Мое мнение теперь тебе известно: ты знаешь, что ты мне люб, что я от всего сердца принимаю тебя как сына, что ты мне очень даже нужен, чтобы еще пожить на этом свете. В верности Аннушки сомневаться тебе не придется, так как она дочь Марийки. Твоя семья с этим союзом вполне согласна, а до людей нам дела нет. Но, чтобы не давать им много времени для бесполезных разговоров, вы в день Вознесения, в воскресенье, и в понедельник праздника Троицы объявите о своем решении, а во вторник справим свадьбу. Пусть готовит ее твоя семья, потому что у тебя есть бабушка и приемная мать, а мы одни. После полудня ко мне будет приглашена вся община, чтобы все с нами порадовались и поблагодарили Господа за то, что Он мне, отшельнику, даровал еще эту неожиданную радость.

Матьяс умолк, и Степан молча опустился перед ним на колени, прислонив голову к его ногам. Неужели уже скоро Аннушка будет принадлежать ему! Слишком велико было его счастье! Вокруг пели птицы. Вся природа хвалила Божью любовь, но больше всех — эти два человека, умолкнувшие перед Ним. Бывают минуты счастья, когда слова излишни.

Глава 19

Бойко шагал Иштван Уличный со станции Н. по дороге к своему будущему дому в Зоровце. Вдруг у обочины, в тени одинокой сосны, он заметил женщину, она сидела на бревне. Покрой одежды, форма обуви и небольшой саквояж выдавали в ней приезжую. Чтобы убедиться в своих предположениях, Уличный поздоровался по-английски. Незнакомка подняла голову и ответила на приветствие.

— Похоже, я не ошибся, — сказал он, останавливаясь, — вы из Америки, но уроженка этих мест, значит, мы можем говорить и на родном языке.

— Вы правы, я словачка.

Улыбка осветила ее бледное серьезное лицо. Она была еще молода, лет 27—28. Когда она поднялась, Иштван с удовольствием отметил про себя, что знакомка очень даже привлекательна.

— И долго вы были Америке?

— С 1914 года.

— Значит, немного меньше, чем я. А куда это вы пешком отправились со станции?

— Мне сказали, что до Зоровце около часа ходьбы. Я верным путем иду?

— Мы можем пойти вместе, я тоже иду туда.

— Это хорошо!

— Нам осталось идти уже недолго. Давайте поговорим немного об Америке, в которой мы, словаки, быстро приживаемся, особенно если на родине не оставили никого, кто бы нас ждал. Вы, наверное, еще ребенком приехали туда?

— В 17 лет; и было именно так, как вы сказали.

В ее карих глазах блеснули слезы. Она нагнулась за своим саквояжем и зонтиком.

— Разрешите мне донести ваши вещи, — предложил Уличный вежливо. — Вы, наверное, прямо из Америки? У вас есть родственники в Зоровце?

— Я уже почти полгода в Европе. В Зоровце живет сестра моей матери, госпожа Сенина, она, насколько я знаю, бедствует, так как ее единственный сын Егор — горький пьяница. Я хотела бы ей немного помочь.

— Госпожа Сенина? Она живет по соседству со мной, я там строю дом. Егор Сенин с нами прилежно трудится. Слава Богу, к нему подходят слова: *«Вы были... без Христа... а теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровью Христовой»*¹.

¹ Еф. 2:12,13.

— Как? — незнакомка остановилась. — Он покаялся? А вы, господин?

— И я! Конечно, я уже в Америке считался христианином, как это там называется. Но и я вас спрашиваю: вы наша сестра в Господе?

— Да! И я в Америке познала милость Божью; там свет воссиял моей душе и сердце мое обрело вечное счастье.

— Мы даже еще не познакомились: я Иштван Уличный.

— А я по родителям — Катя Порубская, а по мужу — Фабиан.

— Значит, вы замужем?

— Была.

Лицо ее приняло другое выражение — радость и печаль отразились одновременно на нем.

— Ваш супруг в Америке умер?

— Он вообще там не был. Я вам расскажу. Мне не было еще семнадцати лет, когда моя мать выдала меня против воли моей за Фабиана: несмотря на то что он любил другую, мать заставила его жениться на мне. Можете себе представить, какое это было несчастье! Вскоре после свадьбы мой дядя уехал в Америку. Я попросила мужа отпустить меня с ним и обещала посылать ему деньги на начатое им строительство. Он охотно согласился, и мы мирно рас-

стались. Это было в 1914 году. Через несколько месяцев началась Первая мировая война, и его сразу же призвали. Еще до ухода на фронт муж написал мне, что будет рад, если смерть нас разведет. Но по воле Божьей он полуслепым инвалидом возвратился домой. Мне в это время жилось очень хорошо. Еще в первый год жизни в Америке я выучилась английскому языку и устроилась на хорошую работу. К тому же Бог свел меня с верующей женщиной, которая послала меня в вечернюю школу. Ее любовь к ближнему осветила мне путь к спасению. Но когда я получила письмо от мужа, в котором он рассказал о своем несчастье, я не могла больше жить за океаном. Раньше я была ему обузой, а теперь ему понадобился надежный человек, чтобы ухаживать за ним. Я поговорила с моей госпожой, сказала, что чувствую себя обязанной понести домой свет, который засиял мне во тьме. Движимая состраданием, я мужу моему поклялась у алтаря, что никогда не оставлю его, пока смерть не разлучит нас. Хотя моя госпожа со мной была вполне согласна, расставание наше получилось очень тяжелым. Для меня оно означало взять на себя крест, отречься от самой себя и последовать за Христом. После смерти моего отца моя мать все имущество передала своему зятю, так что ни

дома, ни хозяйства, ни другого имущества у меня не было. А пойти к свекрови я не могла. Мы были совсем чужими друг другу. Мне пришлось нести мой крест, но Господь помогал мне. Муж не только оценил мою сестринскую любовь к нему, но и охотно принял мое свидетельство о Христе. Вскоре мне стало ясно, что Господь помиловал и спас его. Напрасно несчастный на фронте желал себе смерти. Отец Небесный не хотел смерти грешника! А здесь Он открыл ему дверь в обещанный Отцовский дом. Теперь моя душа спокойна, потому что мой несчастный муж обрел вечный покой на родной земле. После того как я исполнила свой долг, а мое свидетельство о Христе как моей, так и его матерью было резко отклонено, я решила навестить еще мою несчастную тетю и возвратиться потом, уже навсегда, в Америку, к моей госпоже, которая, я знаю, с радостью снова примет меня. Вот, пожалуй, я вам все и рассказала. Благодарю вас за доброе известие о моем двоюродном брате. Ну а как поживают его жена и моя тетя?

— Это хорошая христианская семья, в которой вы будете себя чувствовать уютно. Благодарю вас за доверие и радуюсь с вами, что вы крест свой не зря взяли на себя. А вот и Зоровце перед нами! Красивая деревушка! Может

быть, вам в ней понравится. Я тоже приехал только в гости, а теперь строю здесь дом. Не хочу показаться высокопарным, но скажу, что я понял очень важную вещь: мы, словаки, обязаны общими силами трудиться над строительством нашего общего дома — освобожденной родины.

К новостям, занимавшим зоровчан, таким образом, прибавилось еще и известие о том, что к тетушке Сениной в гости приехала племянница из Америки. Так как старушка переселилась в дом пастора, гостя остановилась у Цили Сениной, которой очень пригодилась помощь этой здоровой и трудолюбивой женщины. Работа у них теперь вдвое спорилась.



Тихо стало в доме пастора с тех пор, как мать его оставила. Она заботилась о доме и о дворе, ходила на птичник, в сад и в хлев. Нередко она появлялась и в комнате сына, чтобы принести ему белье и починенные носки или чтобы только что-нибудь спросить у него. После того как пастор вернулся без нее, вокруг него воцарилась тишина. Утром Иосиф навел порядок в его комнате. К завтраку, обеду и ужину пастор выходил в столовую, а комната матери была закрыта. На первом этаже устрои-

лись тетушка Сенина с Иосифом. Туда также приходили и люди, желавшие поговорить с духовным наставником. Если бы пастор Моргач чувствовал себя виноватым перед матерью, он эту тишину и одиночество принял бы за наказание. Но совесть его была чиста, он чувствовал лишь боль от сознания того, что любящая добрая мать его оставила. Когда он на вокзале попросил простить его, если он ее когда-нибудь обидел, она, со слезами обняв его, уверяла, что он ей всегда был добрым сыном. О таких расставаниях говорил Христос.

Недавно старший Боротов ему пожаловался: «Поверьте, господин пастор, иногда просто сбежал бы куда-нибудь из дома. Когда-то я был очень жестоким, грубым человеком; домашние меня боялись, и, если я улыбался, им казалось, что они в раю. Сегодня, когда Иисус Христос сделал меня тихим и нежным, когда я стараюсь дать им любовью все, что упустил, меня никто не понимает. Жена, дети, теща, мать, невестка — все обходят стороной, будто не замечают меня! Иногда они весело беседуют, а как только я захожу в комнату, сразу умолкают или расходятся в разные стороны! Если бы они раньше такое посмели, я бы им показал! Хуже всего, когда я утром читаю Слово Божье. Тогда они садятся так, чтобы ничего не слышать, или ищут

себе работу, опять-таки чтобы не слушать меня. Раньше теща потихоньку натравливала на меня мою жену, теперь она это делает открыто. Я чувствую, что они провоцируют меня на ссору с ними. Ах, трудно сказать, как сатана искушает меня и моих домашних! Поверьте, господин пастор, я в моем доме совершенно одинок!»

Молодой пастор теперь тоже узнал, что такое одиночество. Пока мать была с ним, он мог разговаривать, общаться с нею и чувствовать ее любовь, хотя она и не понимала его. Теперь он знал, что никто его больше не любит так, как она.

Пастор подошел к окну. Перед ним был сад с мощными старыми деревьями, и они, расступаясь, открывали вид на заходящее солнце, лучи которого освещали горы вокруг долины Вага. По голубому небу плыли легкие белые облака; под ними зеленели поля, среди которых серебристой лентой извивался Ваг. Такая спокойная мирная картина, полная поэзии!

Молодой пастор тихо стоял у окна, а в душе его оживали воспоминания, роились мысли. Он вспоминал о прощании с матерью на вокзале, видел перед собой статную фигуру зятя Игоря, слышал его слова: «Вот теперь, милый мой, когда мать будет у нас, тебе придется жениться. Не можешь ты жить как отшельник.

Женись, пока молод, возьми себе хорошенькую жену, с ней жизнь и радость придут в дом! Холостяк подобен лодке с одним веслом. Вниз по течению еще ничего, а против течения не поплывешь!»

«Он прав, — подумал пастор Моргач, — мне же всегда приходится плыть против течения. Мне нужна помощница, которая была бы со мной заодно». Словно на облаках, приплыл вдруг образ девушки с корзинкой, полной фиалок; в ту Страстную пятницу прокралась в его сердце мысль о личном счастье, именно в тот момент, когда молодость пробудила в нем естественные желания. На миг он закрыл глаза, открыл их снова и, мечтательно улыбаясь, устремил взгляд на горы, не видя их. Зато он ярко вообразил себе картину райской семейной жизни, где царила избранница его сердца; она бы устроила все в доме по своему вкусу, создав атмосферу света, музыки и поэзии. Тогда он смог бы расширить поле своей деятельности для Христа, чтобы души, ищущие истину не уходили пустыми. И с какой радостью он каждый раз возвращался бы домой, потому что там его ожидала бы его голубка!

Невольно он прижал к груди скрещенные руки, так как лишь в этот момент понял, что любит эту девушку.



«О Аннушка, как я тебя люблю!» — сказал он про себя.

Его мечты были прерваны внезапным появлением тетушки Сениной, стука которой в дверь он не слышал. Она извинилась, что помешала, и сказала, что Ужеровы уже дважды спрашивали пастора; они хотят с ним поговорить.

— Ужеровы? — переспросил пастор удивленно. — Скажите им, пусть приходят, и подайте мне, пожалуйста, сразу ужин, чтобы я был готов!

Через несколько минут на столе перед пастором стояли молоко и хлеб. Он ел с аппетитом и заметил, что всегда серьезное, почти печальное лицо старушки сегодня выглядело необычно радостным.

— Что вас так радует, матушка? — осведомился он.

— Ах, господин пастор, как не радоваться, когда у Ужеровых будет свадьба?

— У Ужеровых свадьба? Кто же там женится?

— А вы не знаете? Степан хочет сегодня объявить в церкви о своей свадьбе. Он хотел бы сделать это до праздника Троицы.

— А на ком он женится? Не на той ли девушке из Праги? — озабоченно спросил пастор.

— Нет, та давно замужем. Невеста, с которой он сейчас к вам придет, гораздо лучше ему подходит — это Аннушка Янковская!

— И Янковский ее ему отдает? Она еще так молода!

Женщина в своей радости не заметила, что голос пастора зазвучал вдруг иначе, словно ему стало холодно. Комната для него погрузилась в сумрак, померкло и лицо молодого пастора.

— О, Янковский ее никогда не отдал бы из своего дома! Степан войдет в их семью, заменит ему сына, в котором он так нуждается. Я так рада, что он ему тем самым облегчит жизнь и освободит от тяжелой работы. Аннушке уже восемнадцать, и отец и муж будут беречь ее. Лучшей пары ей и желать нельзя! Степан небогат, но умен, а ей нужно не богатство, у нее его достаточно. Ужеровы — самая старшая семья в Зоровце и всеми уважаемая. В союзе с Янковским они будут первыми в деревне. У нас, крестьян, так же, как у господ. У нас тоже не всякий может вы-



брать, кого хочет. Если, например, крестьянин женится на своей работнице, то, какой бы она хорошей ни была, в деревне никогда не будет пользоваться таким уважением, как если бы она была ему ровней. Почему это так среди людей, не знаю, но вряд ли это когда-нибудь изменится.

Тетушка Сенина взяла со стола стакан и хлеб и, выходя из комнаты, удовлетворенно вздохнула:

— Зато у Аннушки не будет свекрови, и она в семье мужа — желанный человек! Там никто на нее косо не посмотрит, и вся деревня будет считать ее первой молодой хозяйкой. Это Господь дал ей за то, что она многим из нас сделала столько добра!

И снова пастор стоял у окна. Над горами угасла вечерняя заря, так как солнце скрылось, и в этот миг в сердце молодого человека угас солнечный луч надежды.

«Значит, она никогда не будет моей! Но станет ли Ужеров ценить ее? Да, конечно, отец и муж вместе будут беречь ее как зеницу ока — в этом я уверен, и семья мужа будет носить ее на руках. У Степана все основания быть счастливым! Такая богатая невеста! Крестьянину дороже всего земля. Аннушка получит в приданое свои земли и поля своего отца, так как она единственная наследница. Со временем она

будет первой крестьянкой в деревне. Но если она за него выходит замуж, значит, любит его...» — размышлял пастор.

Зазвучал вечерний звон, словно хоронили его счастье, которому суждено было умереть прежде, чем оно по-настоящему расцвело, — и в молодой душе стало пусто и холодно.

В последнее время пастор при вечернем звоне всегда молился за свою церковь, особенно — за свое братство. И сегодня он сложил руки, но помолиться не смог. Ах, в его братстве были ведь и те, которые лишили его всего.

«Ничего они у тебя не взяли, потому что у тебя ничего не было, — увещевал его разум. — Тебе Янковский ее не отдал бы, потому что ему нужен помощник. А разве мне не нужна помощь? Разве такой человек не нужен братству? А разве Аннушка, которая хотела остаться крестьянкой, смогла бы оставить свое сословие, в котором родилась и выросла, и прижиться в моем кругу? Однако она молода и имеет такое же образование, как все городские девушки. Из нее могла бы получиться лучшая жена пастора!» Но Август Моргач не смог представить себе эту певчую птичку посаженной в золоченую клетку; не смог вообразить ее одетой на городской манер: это лишило бы ее главного очарования — естественной непри-

нужденности. Да, господин пастор! Крестьянкой ей рядом с тобой оставаться было бы нельзя. Народ, которому не нравится, когда крестьянин женится на работнице, не стал бы прежнюю свою ровню уважать как жену пастора. Ведь не случайно старая крестьянка тетушка Сенина посчитала за счастье для Аннушки, что у нее не будет свекрови и что семья ее мужа будет носить ее на руках; она уверена, что молодая займет первое место в деревне. Ах, Август Моргач! Если бы дочь Матьяса стала твоей женой, какими глазами смотрела бы на нее твоя мать и вся твоя семья? В твоих кругах она до конца своей жизни оставалась бы золушкой. Смог бы ты защитить ее от всех обид? Ее сердце тянется к своему народу, и этот народ отвернулся бы от нее, а в кругу интеллигенции крестьянка всегда была бы чужой. Все кончилось бы тем, что милая Аннушка, со своим добрым сердцем, оказалась бы одинокой. Смог бы ты, Август Моргач, восполнить ей все потери, даже если бы она тебя и любила? Что бы ты дал ей за то, что она создала бы тебе рай на земле?

Существуют определенные неписанные общественные законы, нарушение которых дорого обходится людям. Вот если бы ты сменил место своей службы и привез бы с собой Аннушку как свою жену в городской одежде, тогда,

может быть, удалось бы зажить той прекрасной жизнью, о которой мечталось. Но уйти из Зоровце, оставить пасторскую службу? Нет, это невозможно! Он Аннушку любит, но Христа он любит гораздо больше, и он должен Ему служить там, где Он его поставил. Девушка ему была так дорога, что он великодушно признал большее право Степана на семейное счастье с Аннушкой, ради ее благополучия он готов был отказаться от нее и заставить себя перестать думать о девушке с фиалками.



У источника сидела Аннушка Янковская. Ее кувшин давно наполнился, но она этого не замечала. Перед ее взором, обращенным вдаль, проходил целый год ее жизни, начиная с того момента, когда она в первый раз встретила Степана на этом месте. Сколько событий произошло в Зоровце! Сначала добрый Пастырь нашел свою заблудшую овечку, спас ее и понес домой в стадо. Затем Он подарил ей лучшего отца на свете. Теперь она уже не чувствовала себя покинутой сиротой, так как был у нее родной отцовский дом. Сколько славных друзей появилось у нее, мудрых и щедрых, у которых она многому доброму смогла научиться! А потом произошло самое прекрасное, чудесное!

Ей со Степаном не пришлось ни расставаться, ни долго ждать того момента, когда они смогут быть вместе. Аннушка снова с радостью вспомнила, как она застала отца, сидящего в ее комнате. Он с нетерпением ждал ее и рассказал, что Степан попросил ее руки, так как очень любит ее и хочет стать ему сыном и опорой в жизни.

— Твоя мать с горечью написала, что ее семейное счастье длилось лишь три недели, — сказал печально отец. — Земное счастье крылато, не стоит закрывать перед ним двери. Я не в состоянии был защитить Марийку и тем самым погубил ее; участвуя в твоей судьбе, я хотел бы исправить то, в чем провинился перед твоей матерью; и мне очень хотелось бы то короткое время, которое мне еще осталось прожить, порадоваться твоему счастью.

Ну а потом все произошло, как в приятном сне: сватовство, объявление о свадьбе... И вот наступил вечер понедельника Троицы. Сейчас к ужину придут гости, родственники, друзья. Жена учителя Галя Ольга, Катя Фабиан и Циля Сенина приготовили к свадьбе дом, украсили его. Так как Аннушке не позволяли участвовать в свадебных приготовлениях, она взяла кувшин и пошла за водой. Вдруг сердце ее от

тревоги защемило: она поняла, что наступает новый этап в ее жизни. Она затосковала по своей матери. Вот если бы сейчас прильнуть к ее груди, рассказать ей обо всем и спросить у нее совета! «О милая, дорогая моя матушка, видишь ли ты свою дочь? Сочувствуешь ли мне?» Тихий ветерок зашевелил кроны деревьев и коснулся волос девушки.

— Она меня видит, она сочувствует мне! И Ты, дорогой Иисус, тоже со мной! Прощу Тебя, помоги мне, мне страшно!

Она не замечала, что говорила вполголоса.

— Чего ты боишься, Аннушка? Меня или жизни рядом со мной? — услышала она, и крепкая рука нежно обняла ее.

— Степа, ты здесь? — пара синих глаз испуганно посмотрела на молодого человека. В них еще блестели слезы.

— Ты плачешь, Аннушка, ты плачешь сегодня? Почему же, почему?

— Потому, что нет у меня матери, Степа!

— Успокойся, я у тебя есть, тетя Сусанна и бабушка. Но я слышал от тебя, что ты чего-то боишься. Чего?

— Боюсь, потому что я еще так молода! Что если я буду тебе плохой женой? До сих пор я была беззаботна, как птичка, а завтра все будет иначе!

— О чем ты говоришь, Аннушка? Хотя мы и подадим друг другу руки и дадим обет верности, мы останемся такими же, какими были. Или ты думаешь, что я с завтрашнего дня стану совсем другим?

— Ты? — улыбнулась она сквозь слезы, качая головой.

— Вот видишь, я же именно эту пташку и люблю и никогда не простил бы себе, если бы она по моей вине перестала петь.

И потом девушка услышала слова, какие ей до сих пор еще никто не говорил, и они прозвучали для нее, как прекраснейшая песня. Теперь Степан мог ей сказать, как сильно ее любит! Она смотрела в сияющие глаза своего жениха. И ей показалось, будто она стоит у ворот чудесного сада и кто-то тихо говорит: «Войди, это твой сад!» И ее страх исчез.



Хотя Зоровце было старым селением, люди не помнили такой свадьбы, какая состоялась во вторник после праздника Троицы в украшенной цветами и зеленью церкви. Как хорошо учитель Галь играл на органе! Как стройно звучали ангельские голоса детского хора! Как радостно пели дети воскресной школы братства! Рано утром чисто подмели дорогу от дома Ян-



ковских до самой церкви. Алтарь и решетка были обвиты свежей зеленью, особенно то место, куда статный дружка привел милостивую невесту, а подружка — жениха. Церковь быстро наполнилась народом, все люди были празднично одеты. Вместо деревенской музыки звенели колокола. Это пробуждало радость и восторг в сердцах людей, а больше всего — в сердцах жениха и невесты, шагавших на богослужение. Степан ошеломил не только Аннушку, но и всю свою родню: он явился в прекрасном словацком костюме, который был ему очень к лицу. А Аннушка рядом с ним выглядела, как маленькая принцесса из сказки.

— Послушай, Степан, — заметил его друг Эдуард, — в этом костюме ты выглядишь, как воевода. А я — как хорошо одетый ремесленник.

Гости уверяли, что никогда не забудут, как, согласно обряду, Мартын Ужеров выпросил

жениху невесту и как Янковский ему ее передал. Когда затем молодые опустились перед ним на колени и он их благословил, у всех на глазах заблестели слезы. Таким же трогательным был момент, когда Степан благодарил своих приемных родителей и особенно бабушку. Только пастор выглядел несколько бледным, но, возможно, это только так казалось от зелени вокруг алтаря. Зато он сказал хорошую проповедь, в которой наставлял Степана Ужерова любить свою жену, как Христос любит Свою церковь. При последующей церемонии венчания, когда он должен был соединить руки молодых и благословить их, он немного остановился. Может быть, его смутил взгляд синих глаз, вопрошающе направленный на него?

Да, это была прекрасная и для Словакии необычная свадьба. В 10 часов утра состоялось торжественное богослужение и венчание в церкви. Затем в доме жениха был дан обед для семьи и приглашенных на свадьбу. После полудня все были приглашены в гости в дом Янковских, и в заключение состоялось вечернее богослужение в церкви.

В доме Ужеровых царил отменный порядок, и у Янковских все прошло без сучка и задоринки. Молодежь и дети пели от души. Праздничные столы были поставлены в саду. Учитель

произнес хорошую речь, так же проникновенно говорил и Иштван Уличный. Дружка Михаил Ужеров прочитал прекрасное стихотворение. Затем молодежь и дети весело играли, в то время как старшие разделились на небольшие группы, где все время кто-нибудь рассказывал что-то интересное, и молодые переходили от одной группы к другой, жадно слушая рассказчиков. Женщины толковали о том, как прекрасен был момент, когда молодой муж провел Аннушку через порог своего родительского дома, где бабушка с приемной матерью встречали их со слезами радости на глазах. Ведь приветствовали они в своем доме и в своей семье дочь Марийки, любимицы села.

Молодые женщины восхищались прекрасным приданым, которое покойная мать Анна Скале приготовила для своей дочери. Когда Дора и тетюшка Рашова со Зварой открыли сундук, стоявший до сих пор в углу, они были ошеломлены количеством и качеством содержимого! Женщины были тронуты любовью приемной матери, позаботившейся даже о мелочах. Зоровчане не помнили другой такой свадьбы, какую отшельник Янковский устроил своей так поздно найденной дочери и Ужеровы — своему сыну Степану. Всех бедняков деревни и округи щедро одарили, и сборы на

Божье дело также были богатыми. Книгоноше, господину Х., который тоже оказался среди гостей, пришлось открыть свою сумку с книгами и трактатами, и она почти опустела. Хотя свадьба довольно скоро закончилась, люди еще долго говорили: «Это произошло в тот день, когда была свадьба Аннушки Янковской».

Глава 20

Жизнь человека течет, как ручей. Кажется, что на селе она уходит бесследно, и все же это не так, ибо время везде приносит с собой изменения. Если они не сразу заметны в деревне, где душа народа спит, то в Зоровце, где она пробудилась, ни одно сердце не могло остаться равнодушным к общему делу. Всем пришлось сделать выбор — за или против истины, за или против Христа.

Хотя со дня свадьбы Аннушки прошел лишь год, каждый пришедший в Зоровце, особенно если для посещения избиралось воскресенье, видел удивительные перемены. Здесь не было слышно ни звуков музыки в пивной, ни крика пьяных, с тех пор как большинство жителей решило эту пивную закрыть и поставить на ее месте простую приличную гостиницу. Мартын

Кучеров, бывший хозяин пивной, вместе со своей семьей нашел Господа. Он оставил себе только мясную лавку, потому что понял, как много зла приносила зороччанам его торговля пивом. Сюда и Сенин в прежние годы уносил свои деньги. С тех пор как не стало этой берлоги греха, прекратилось искушение для многих. А тем, кто в воскресенье хотел служить сатане, тому приходилось искать пивную где-нибудь в других местах или даже за границей. Понятно, что это сначала вызывало недовольствие у любителей выпивки. Озлобившиеся преследовали старосту, пастора, учителя и, конечно, наших добрых соседей. Но, как мы видели, это были люди серьезные, которых не могло испугать и приглашение на суд. Так как они отстаивали закон Божий, на их стороне был Сам Бог, и Он учил их, как защищать свои права и свободу.

Однажды староста Милов сказал: «Мы не можем освободить всю нашу страну от пьянства, этого страшного чудовища, которое калечит наших детей, уничтожает молодежь, пожирает с трудом заработанное нами добро, делает несчастными целые семьи; но с Божьей помощью мы освободим от него нашу общину».

Так как он в этих устремлениях оказался не одиноким и нашлись энергичные люди, под-

державшие его, дело пошло на лад, ибо общими усилиями все удастся: и доброе, и злое. Больше всех досталось при этом нововведении пастору Моргачу. На него сатана натравливал членов его собственной общины и через них — церковное руководство. Его обвинили не в том, что он борется против пивных, пьянства и драк, а в том, что по его вине произошло возмущение и разделение в церковной общине. Ему поставили в вину то, что помимо церкви он в деревне и в округе, дескать, устраивает богослужения, как в филиалах, будто зоровчанам уже недостаточно того, что до сих пор удовлетворяло их благочестивых предков. И хотя комиссия, специально собранная по этому поводу, не нашла в действиях пастора Моргача ничего богохульного, она сочла нужным на собрании священников серьезно попросить молодого душепопечителя прекратить всякие нововведения, запретить в церкви пение песен, придуманных сектантами, так как этим, дескать, церкви наносится значительный урон. Разве нельзя уже от души петь песни из старых, традиционных песенников? Когда несколько членов церкви перешли в общину к О., пастору Моргачу объявили строгий выговор, предупредив, что он будет уволен со службы, если не по-

заботится о том, чтобы в общине был восстановлен старый добрый порядок. Но вдруг случилось нечто неожиданное для церковного руководства. Община в Зоровце под руководством данного ей после переворота пресвитера созвала собрание. Путем голосования выяснилось, что число тех, кто серьезно желал, чтобы уволили пастора Моргача, весьма незначительно. Большинство членов, и среди них были и те, кто не принадлежал к братству, стояли за него.

Церковное правление убедилось, что сегодня принуждать народ силой уже невозможно, и потому дело это потихоньку прекратили. В братстве нарастали внутренние силы, ибо прошедшая буря отмела всех тех, кто не хотел страдать ради Христа. Численность членов братства даже увеличилась.

Тогда сатана подошел с другой стороны. Он решил разбить дружбу двух старательных тружеников: учителя Галя и пастора. Учителю неожиданно было предложено очень выгодное место в государственной школе. Однако после серьезного размышления и настойчивой молитвы вместе с женой, которая полностью разделяла его взгляды, Галь решил не оставлять в Зоровце дела Божьего, к большой радости членов общины, так как в руках этой супружеской пары было образование детей и молодежи, да и

старших членов братства. И так, два друга и дальше стали трудиться вместе.

Лишь полгода прошло с тех пор, как Иштван Уличный поселился в Зоровце по соседству с нашими друзьями, но его присутствие принесло общине большую пользу. Украшая деревню, выстроились в ряд пять домов: дом Рашовых, новый и красивый, обновленные дома Ужеровых и Янковского, домик Сенина, хотя и небольшой, но чистый и аккуратный, как игрушечный, и рядом с ним — дом Уличного, похожий на небольшую крепость. От дома Рашовых до дома Иштвана были разбиты небольшие садики, огражденные зеленой сеткой, вдоль них тянулся цементированный тротуар. Этого образца придерживались и Миловы, и Боротовы, хотя тротуары у них еще не были зацементированы, но все же выложены камнями. Община благоустраивала свою улицу, обсаживая ее молодыми липами.

Дети заботились о лужке перед церковью. Чтобы на нем не паслись гуси, братство сложилось и поставило вокруг школы, дома пастора и церкви ограду — сетчатый забор с красивыми чугунными воротами. Под большими липами поставили новые удобные скамьи. Женщины ухаживали за яркими цветами на клумбах. Теперь церквушка в Зоровце снаружи и внут-

ри была так нарядна, что радостно было войти в нее.

В правом крыле своего дома Иштван выделил большое помещение, в котором летом и зимой могло собираться братство, особенно — молодежь. Весь дом был сделан красиво и практично, но самым прекрасным было то, что хозяин уже жил в нем не один. Во время строительства дома Иштван и Катя Фабиан так привязались друг к другу, что вопрос о возвращении Кати в Америку отпал сам собой — расставание казалось им теперь совершенно невозможным. Уличный понял, что еще слишком молод, чтобы жить в одиночестве. Однажды он пошел к Сениным, обстоятельно и сердечно поговорил с Катей, и она согласилась остаться с ним на родине, чтобы помочь здесь строить Царство Божье. Теперь и в доме Уличного появилась красивая молодая хозяйка, словно созданная для него. Иштван так долго не мог забыть Марийку Скале, и Бог за его верность свел его с женщиной, предназначенной именно для него; с Катей счастье пришло и в дом Уличного.

Старушка Сенина после свадьбы племянницы вернулась к своим детям. Сам Бог устроил так, что она смогла оставить дом пастора. Она очень понадобилась своим детям, так как Бог

подарил Циле сыночка. Вместо их несчастного первенца, слабенького, рожденного в первые годы брака от отца-пьяницы и вскоре умершего, им был дан здоровый, жизнерадостный младенец — настоящее сокровище для счастливых родителей.

Матушка Сенина оставила пастора еще и потому, что к нему переехала его младшая сестра Адель, бывшая ранее замужем за инженером М. Из-за беспорядочной жизни молодого инженера этот брак был очень несчастливый. Когда смерть их разлучила, жена осталась с четырехлетней девочкой в очень трудном положении. Ей едва удалось спасти необходимую мебель и одежду, остальное все было продано за долги. Она ни у кого не встретила сочувствия. Ее сестра только упрекала ее за то, что она в свое время не сумела удержать мужа при себе. Мать обвиняла ее в легкомысленном расточительстве. А зять заявил, что, взяв к себе тещу, не может заботиться еще и о вдове с ребенком. Семья мужа в Далматии хотя и пригласила ее, но не спросила, есть ли у нее деньги на дорогу. В письме писали, что она может у них пожить, пока для нее не найдется что-нибудь подходящее, чтобы прокормиться. Однако надеяться было не на что. Ее образование не давало ей возможности начать какую-либо само-

стоятельную деятельность, так как у нее не было никакой профессии. Своим мастерством швеи она прокормиться не могла. В крайнем случае она могла бы стать поварихой, но куда девать ребенка? Не было нигде пристанища ни для нее, ни для ее сиротки. О брате Августе мать и сестра в последнее время писали, что он совсем опростился и превратился в религиозного фанатика, но именно этот фанатик и принял ее и дал то, в чем она так нуждалась, — защиту, кров и дом.

Брат спокойно и с любовью сказал ей при встрече: «Поедем со мной. Пока у меня есть дом, он и ваш дом. Разве ты мне не сестра?» И она вместе с дочкой оставила дом, который муж своей беспорядочной жизнью превратил в ад. Сознание, что у нее есть брат, который не презирает ее и хочет заботиться о ней, вернуло ей силы.

После четырех лет страданий в доме мужа жизнь в доме пастора показалась молодой женщине раем. Родственная любовь брата, особенно к маленькой Сонечке, его беспокойная жизнь, любовь пастора к своим членам церкви — все это показалось больной, израненной душе таким чудесным! Ей трудно было поверить, что в этом грязном мире есть еще что-то доброе, чистое!



Вскоре она успокоилась настолько, что смогла думать и сравнивать. Она окончательно поняла, какой кошмарной была ее прошлая жизнь. В юности она была стройной, милостивой девушкой, на которую засматривались мужчины; неудивительно, что ею пленился и инженер М. Но выйдя за него замуж, она в полной мере испила горькую чашу страданий. Ее муж оказался безнравственным человеком: ему абсолютно не нужны были дети, ведь о них нужно заботиться, а он не в состоянии был любить никого, кроме себя. Да и она не хотела иметь детей, хотя за это дважды чуть не поплатилась жизнью.

Какой грешницей, нечистой и униженной Адель почувствовала себя в доме брата, а он ни единым словом не укорял ее! Ведь он ее и не знал по-настоящему! Но доверием его она злоупотреблять не хотела, нет! В первый же вечер после ухода доброй старушки, которая вела дом брата, она рассказала ему все о своем прошлом, ничего не приукрасив. Помогли ей при этом сумерки, скрывавшие лицо брата. Когда она, горько плача, закончила исповедь, он сна-

чала дал ей возможность выплакаться. Затем он на основе Слова Божьего так строго осудил ее грехи, что ее охватил ужас; лишь потом он указал ей на возможность оправдания перед священным судом Божиим через раны и кровь Его Агнца. Отозванный по долгу службы, он оставил ее с Богом наедине. Последовали ужасные часы страха и раскаяния, но она никогда о них не пожалела потом. Когда брат ее вернулся, несчастная женщина горестно воскликнула: «Что же мне делать?» Какую радость нашла она в братстве! С какой любовью ее встретили и как заботливо приняли ее, особенно учитель Галь с женой Ольгой и Катя Уличная!

— Оставь меня у себя до конца моей жизни, Август, — попросила она через несколько недель, — я никогда больше не хочу возвращаться в тот мир, где я так ужасно грешила. Если ты женишься, то выберешь женщину, которая вместе с тобой будет трудиться для Христа, и моя помощь вам может пригодиться. Я никакой работы не боюсь, охотно буду вам служить, только оставь меня с Сонечкой у себя!

— Не говори так, Адель, — взволнованно ответил пас-



тор, — я не женюсь. Та, которую я любил, счастлива с другим. Останемся с тобой вместе и поможем друг другу!

Совсем другая жизнь настала в тихом доме пастора, когда, как луч солнца, появился в нем ребенок, стали слышны смех, пение и веселые разговоры! Адель приветливо встречала всех прихожан. Комнаты и кухня приняли другой вид, особенно когда на окнах и в коридоре зацвели цветы, которые украшали теперь и сад, и церковную площадь. Было заметно, что молодая женщина умела вносить в окружающий мир добро и красоту. Она сама, счастливая в своей первой любви ко Христу, расцвела, как цветок, пострадавший от бури, мороза и жары и теперь оживший под весенним дождем и солнцем.

Когда зять узнал, что Моргач свою вдовую сестру с ребенком взял к себе, он, не желая остаться в долгу, выкупил заложенный ею рояль, который в несчастные дни был ее единственным утешением, и, настроив его, отправил эту драгоценную для нее вещь в Зоровце. Чудесные часы проводили теперь в доме пастора в долгие зимние вечера. Здесь собирались друзья и сотрудники пастора: супруги Галь, Ужеровы, Рашовы, Уличные. Особенно радовались все приходу Аннушки. Ее синие глаза приветливо

оглядывали все вокруг, ее серебристый голос так сердечно всех приветствовал! Заметно было, как дорога она своим родным и как счастливо они жили втроем. Янковский помолодел в этот год, убедившись, что его дети счастливы. Хотя он и прихварывал, непосредственной опасности для его жизни все же не было. Для измученного сердца Матьяса истинным лекарством было то, что он видел, как Господь одаривал его зятя не только житейской, но и духовной мудростью. Молодой земледелец постепенно стал руководителем в общине. Даже противники братства уважали Степана Ужерова за мудрость и твердость убеждений.

Если семья Ужеровых в Зоровце всегда считалась первой, то в союзе с Янковским — тем более.

Мартына Ужерова знали как дельного человека, Илью любили за веселый нрав и готовность помочь; все три женщины были уважаемы в общине. Но гордостью семьи были Степан Ужеров со своей молодой женой Аннушкой.

Собираясь в доме пастора, наши друзья от души пели. Адель садилась за рояль, Рашов брал скрипку, Уличный — виолончель, на которой научился играть в Америке, Степан играл на флейте. Исполнялись песни во славу Госпо-

да или чудесные народные мелодии. Иногда Аннушка с Дорой пели под аккомпанемент учителя. В последнее время Дора чаще пела дома, своему маленькому Илюше, и Илья-отец оставался с ними, потому что не хотел разлучаться со своим сокровищем. Зато жена учителя Ольга приносила с собой свою маленькую Дашеньку, которой, наверное, снились ангелы, когда в доме звучала музыка и песни. Потом все садились вокруг своего любимого пастора и слушали новую главу из его книги, которую он сам писал. Нередко, сидя между Янковским и бабушкой Симоновой, пастор Моргач чувствовал, как его сердце внезапно затопляет горячая волна любви к этим людям. О, как они изменились, возрожденные Духом Святым и очищенные Кровью Христа! Вот если бы Дух Святой повсюду пробудил сияющую душу народа, как Он это сделал здесь, в Зоровце, каково бы это было?!

А бабушка Симонова вспоминала своих давно ушедших в вечность родителей, отца-пастора. Вот если бы они дожили до этого времени! Но и они не зря трудились и страдали, заботясь о спасении своего народа, которому Господь теперь даровал свободу! Если бы этот народ принял Иисуса Христа как своего Господа,

если бы Бог освободил его от губительных грехов, тогда бы этот народ стал таким, каким Господь хотел его видеть. Много испорченности и греха было на свете, и ее народ также увяз в этом болоте неверия. Но это не изменяло намерений Божьих. Если бы в каждой деревне произошло пробуждение, если бы все признали Христа своим Господом и приняли бы заповеди Его как закон для повседневной жизни, как некоторые это сделали в Зоровце, то ее народу вскоре стало бы намного лучше! Тогда каждый творил бы только добро, и благосостояние каждого росло бы. Если бы люди остались верными своему народу, как Аннушка и возвратившиеся к нему Степан и Иштван Уличный, тогда исчезло бы и ругательное слово «глупый мужик»! И господа в учреждениях поняли бы, что не народ им, а они должны служить народу, который кормит их своим трудом. Земля не оставалась бы невозделанной, а получила бы необходимое и вознаграждала бы трудившегося на ней, как это произошло с жителями Зоровце.

Однажды вечером, когда пастор с бабушкой Симоновой сидели вместе и так размышляли, вдруг зазвучала песня, которую они еще никогда не слышали. Ее пели сильные молодые голоса в сопровождении то торжественной, то ликующей музыки:

*Великий Бог! Когда на мир смотрю я,
На все, что создал Ты рукой Творца,
На всех существ, кого, Свой свет гаруя,
Питаешь Ты любовью Отца,*

Припев:

*Тогда поет мой дух, Господь, Тебе:
Как Ты велик, как Ты велик!*

*Когда смотрю я к небу, к звездам млечным,
Где дивно светлые миры текут,
Где солнце и луна в эфире вечном,
Как в океане корабли, плывут;*

*Когда весной природа расцветает,
И слышу в дальней роще соловья,
И аромат долины грудь вдыхает,
И слух ласкает звонкий шум ручья;*

*Когда из туч нависших гром несется
И в ночи темной молния блестит,
Когда над почвой тощей дождь прольется
И радуга мой ясный взор пленит;*

*Когда читаю я повествованье
О чудных Божиих делах святых,
Как Он людей — живое гостоянье —
И возлюбил, и спас от бед земных;*

*Когда я вижу лик Христа смиренный,
Кто людам в мире этом был рабом,*

Пробуждение

*Как на кресте Он умер, Царь вселенной,
И нам прощенье приобрел крестом;*

*Когда соблазн мне сердце угнетает
И смертной скорбью дух мой угручен,
И Он в любви ко мне главу склоняет,
И нежным словом заглушает стон;*

*Когда Господь меня Сам призывает
И светит луч сияния Его,
Тогда мой дух в смирении смолкает,
Признав величье Бога своего.*

Припев:

*И лишь одно он вновь поет Тебе:
Как Ты велик, как Ты велик!*

Голоса стихли, и слушатели от всего сердца
сказали в знак согласия: «Аминь».

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От издателей</i>	3
<i>Т. Лимаренко. Дорога в Небо.</i>	
Вступительная статья	5
<i>Принятые в книге сокращения</i>	11
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	56
Глава 5	63
Глава 6	72
Глава 7	79
Глава 8	91
Глава 9	143
Глава 10	157
Глава 11	165
Глава 12	190
Глава 13	200
Глава 14	216
Глава 15	229
Глава 16	262
Глава 17	281
Глава 18	296
Глава 19	359
Глава 20	380

ЧИТАЙТЕ
В НОВОЙ СЕРИИ КНИГ
Кристины Рой

И стал Свет! (Автобиография)

Счастье

Мальчик-рыбак из Галилеи

С ним был Бог

В надежных руках

Пробуждение

Пропавшие

Вновь обретенный рай

Детский христианский журнал
«ТРОПИНКА»

красочный и интересный
выходит 6 раз в году
распространяется по подписке

**Каждые два месяца
в новом номере «Тропинки»:**

- истории из Библии;
- детские стихи и песни;
- кроссворды и загадки;
- поучительные истории из жизни;
- рассказы о жизни в библейские времена;
- письма, стихи и другие творческие работы читателей.

Если Вы хотите выписывать «Тропинку», пришлите свою заявку по адресу:

СОМХМ, а/я 1039,
г. Владикавказ,
Россия, 362003.

(Подписчик
оплачивает
только почтовые
расходы.)

До встречи на
страницах журнала
«Тропинка»!



«ВЕРА И ЖИЗНЬ»

*Журнал миссионерского союза
«Свет на Востоке»*

выходит 6 раз в году
распространяется по подписке

Читайте в журнале:

- проповедь;
- свидетельство;
- интервью;
- стихи молодых авторов;
- вести с миссионерских полей;
- письма читателей;
- ответы на вопросы читателей,
а также кроссворды и викторины

Если Вы хотите выписывать «Веру и жизнь», пришлите свою заявку по адресу:

СОМХМ, а/я 1039,
г. Владикавказ,
Россия, 362003.

(Подписчик
оплачивает
только почтовые
расходы.)

*До встречи на
страницах журнала
«Вера и жизнь»!*

